

Револют И. Пименов
из цикла “Происхождение современной власти”

**РОССИЯ
БЕЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
(1917–1921)**

**ЦИКЛЫ ВЛАСТИ
(1922–1980)**

**С.-Петербург–Сыктывкар
1997**

Пименов Р.И.

Из цикла “Происхождение современной власти”: Россия без центральной власти (1917–1921). Циклы власти (1922–1980).

Револьт Иванович Пименов – общественный деятель, историк, математик. Предлагаемые вниманию читателя работы были написаны в семидесятые годы и посвящены новейшей политической истории России. Их рукописи неоднократно изымались КГБ. В работах сделаны открытия, к которым официальная историческая наука подошла лишь во время реформ Горбачева. И сегодня анализ жизни КПСС, проведенный методами Эркюля Пуаро, представляется исключительным, а описание России времен гражданской войны открывает малоизвестные подробности.

Издание стало возможным благодаря финансовой помощи сыктывкарского предпринимателя Л.Зильберга.

© Р.И.Пименов (наследники)

Оглавление

Предисловие.....	5
РОССИЯ БЕЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (1917–1921)....	9
Глава 1. Перипетии Февральской Революции.....	10
§1. Первые и определяющие дни.....	10
§2. Рассуждения о теориях и психике.....	20
§3. Апрельские события.....	30
§4. Большевики от марта до июля.....	42
§5. Разгром Корнилова.....	51
§6. Вопросы избирательного права.....	72
§7. Отмирание правительства Керенского.....	78
Глава 2. Утверждение большевистской власти.....	92
§8. Низложение Керенского.....	92
§9. Закрепление власти большевиков в столицах.....	110
§10. Учредительное Собрание.....	121
§11. Коалиционное правительство.....	141
§12. Террор индивидуальный и террор массовый.....	156
§13. Диктатура Реввоенсовета.....	174
Глава 3. Собрание России.....	187
§14. Начало гражданской войны.....	187
§15. Колчак, т.е. продвижение Красной армии на восток.....	189
§16. Деникин, т.е. вооруженные силы Юга России.....	212
§17. Национальные окраины.....	223
§18. Экономические и демографические последствия гражданской войны.....	227
§19. Внутрипартийные отношения времен 1918-20.....	230

Предисловие

Предваряю публикацию двух книг по новейшей политической истории России (1917-1982), написанных моим отцом Револьтом Ивановичем Пименовым, краткими пояснениями об авторе и самих книгах.

Вначале про автора.

Р.И.Пименов родился под Ростовом в 1931. Во время войны жил в Магадане, позднее переехал в Ленинград. Раннее увлечение гуманитарными науками: историей, философией, языками – привело его к выводу: “На историческом факультете мне оторвут голову в два счета”. Потому он, с некоторыми приключениями – помещение в сумасшедший дом за выход из комсомола, изучение китайского языка на лекциях по марксизму, исключение за “крайний индивидуализм” и пр. – оканчивает мат-мех ЛГУ в 1954.

После XX съезда КПСС – “берет свободу слова явочным порядком”, становится лидером молодежной группы, стремящейся к раскрепощению России. Одновременно получает красивые результаты по космологии. В 57 был арестован (ему и его друзьям инкриминировалась ст. 58 УК РСФСР, т.е. создание антисоветской организации и антисоветская агитация), провел в заключении 6 лет. После освобождения работал в ленинградском отделении Математического института им. Стеклова, защитил докторскую диссертацию, стал одним из лидеров Движения Сопротивления (по терминологии “Правды” тех лет – диссидентов) в Ленинграде-Петербурге.

В 70 осужден за “клевету на советский строй” по ст. 190 УК РСФСР на 5 лет ссылки в Коми Республике. В 82 там против него возбуждается новое уголовное дело, прекращено

в 87. В 90 избран народным депутатом России от Сыктывкара, работает в Конституционной Комиссии. Умер в декабре 1990.

Некоторые работы Револьта Ивановича Пименова:

“Один политический процесс” – мемуары о событиях, приведших Р.И.Пименова и его друзей на скамью подсудимых в 57, написаны в 68, публиковались в самиздате и за рубежом в 70-е и 80-е годы;

“Мемуары” – на фоне бурных событий XX века рассказывается о жизни Р.И.Пименова и его предков;

“Как я искал шпиона Рейли” – о колоссальной провокации ЧК, написано в 68, опубликовано в 95;

“Космометрия” – о применении геометрических методов к космологии, биологии, лингвистике, экономике, генетике, написано в 61 во Владимирской тюрьме;

“О темпоральном Универсуме” – теория пространства и времени с точки зрения абстрактной математики.

Его главный исторический труд – “Происхождение современной власти” – написан в 70-е годы. Он служит основой опубликованных при поддержке Государственной Думы в 96 книг “Россия в борьбе за конституцию” и “Россия конституционная” и предлагаемых здесь вниманию читателей книг “Россия без центральной власти” и “Циклы власти”.

Теперь о самих книгах. Не столько о содержании, сколько о том, как и зачем они были написаны.

Проведя отрочество в столице лагерей Магадане, впитывая анархические взгляды своего отца (с которым он был в сложных отношениях и даже ушел из его дома в Москве к ленинградским родственникам), открыто взбунтовавшись против сталинской действительности в 48, черпая силы для противостояния обществу сначала в сочинениях Горького, а позднее в Ницше и Евангелиях, – Револьт Иванович Пименов к середине 50-х кожей чувствовал фальшь официальной идеологии и видел тупиковость того пути, которым вела Россию Коммунистическая партия. В узурпаторской природе ее власти он не сомневался. И он хотел разобраться в том, как это могло случиться, развеять мифы и штампы всепроникающей пропаганды в надежде, что солнце исторической правды разбудит современников, поможет становлению того, что один из идеологов народников называл “активным мыслящим меньшинством”.

А.Д.Сахаров в 89 призывал голосовать за Р.И.Пименова словами: “Р.И.Пименов – самый широкий человек из всех, кого я знаю”. Эта широта позволяет ему сопереживать самым разным персонажам российской истории: Савинкову и Николаю II, Распутину и Солженицыну... Сквозь нуднейшие протоколы съездов РСДРП-ВКПб-КПСС он видит людей, то движимых дешевыми страстями, то стремящихся к всемирному благоденствию ценой жизни своей и, заодно, – хотя бы всего мира.

А сквозь кипение разнообразных страстей человеческих он видит глобальные социологические закономерности, что придает книге концептуальный характер. Возможно, она станет хорошим учебником истории, по крайней мере я и некоторые мои знакомые почерпнули немало, надеюсь, из лекций Р.И.Пименова, легших в основу этой книги.

Стремление Револьта Ивановича осмыслить события, приведшие к русским революциям начала века, и разобраться в их последствиях приобрело конкретные формы уже в 50-е годы. Он пишет драматическую трилогию о народовольцах и статью “Судьбы русской революции”, делает доклады друзьям на исторические темы. Лекции в 57 квалифицируются судом как одно из проявлений антисоветской организации. В 70-е он оканчивает и распространяет в самиздате под псевдонимом Спекторский машинопись “Происхождение современной власти”. (Спекторский не только герой одноименной поэмы Пастернака, но и автор либеральной работы по вопросам государства и права, изданной в 1918.) В ней осмысливается политическая борьба и идейная жизнь в России от Николая I до Брежнева. С 88 Р.И.Пименов перерабатывает свой текст и разбивает материал на четыре книги: “Борьба за конституцию” (1855-1905), “Россия конституционная” (1905-1917), “Россия без центральной власти” (1917-1921) и “Циклы власти” (1922-1982).

Первые две книги он окончательно подготовил к печати в 90, в 96 они были опубликованы. Третью он переработал только частично. Я взял на себя смелость соединить уже подготовленный им текст с главами машинописи “Происхождения современной власти”, распределяя материал рукописи согласно составленному Р.И.Пименовым оглавлению. Книгу “Циклы власти” он не начинал обрабатывать, поэтому здесь

под таким названием публикуется завершающая часть “Происхождения современной власти”.

За редакторскую и корректорскую, а также разнообразную техническую работу при издании этих книг я благодарю Елену Сатаеву и Виктора Уляшова, а моя мать Вилена Анатольевна Пименова, разумеется, принимала окончательное решение в спорных вопросах. К сожалению, наш дружный коллектив допустил при издании книги “Борьба за конституцию” невнимательность, и она вышла в свет под названием “Россия в борьбе за конституцию”. Благодарю также Эльвину Аркадьевну Кононову за помощь при редактировании книги “Россия без центральной власти”.

На этом я закончиваю сей краткий комментарий и предлагаю читателю погрузиться в бурный мир Февраля 17 года, описание которого ждет Вас на следующей странице.

Револют Пименов младший.

**РОССИЯ
БЕЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
(1917–1921)**

Глава 1.

Перипетии Февральской Революции

§1. Первые и определяющие дни

*Формирование Комитета Государственной думы; возникновение Совета рабочих депутатов;
формирование Временного правительства;
распространение революции на страну; некоторые версии происхождения Февральской революции;
пример функционирования Совдепа — “Приказ №1”.*

Одновременно и сразу после отречения лиц царствующей фамилии стали формироваться как органы новой исполнительной власти, поначалу старавшиеся сохранить преемственность, так и органы общественного давления, не говоря уже про то, что стали во множестве проявляться прежде нелегальные партии и формироваться новые.

Временный комитет Государственной Думы состоял из: М.В.Родзянко (октябрист), В.В.Шульгин (националист), П.Н.Милюков (к.-д.), Н.В.Некрасов (к.-д.), С.И.Шидловский (октябрист), И.И.Дмитрюков (октябрист), А.И.Коновалов (прогрессист), В.Н.Львов (монархист), А.Ф.Керенский (трудовик) и Н.С.Чхеидзе (с.-д.). Даже этот комитет не вполне отра-

жал состав Госдумы: в среднем, Дума была более правая, при пропорциональном представительстве в Комитете не только двум, но и одному социалисту не досталось бы места. Однако действительность требовала смещения власти еще более влево.

Еще когда на улицах ходили толпы, а сквозь них безуспешно пытались протиснуться войсковые части, посылаемые на усмирение в противоположный конец города, — остававшиеся на свободе социалисты развили деятельность по воссозданию Совета рабочих депутатов. Внефракционный с.-д. (бывший большевик) Н.Д.Соколов (не путать с максималистом М.И.Соколовым, повешенным в 1906) пытался сначала собрать у себя на квартире представителей петроградских фабрик, потом совместно с с.-д. Н.Сухановым (бывшим большевиком, но дружным с с.-р.) и Ю.Стекловым (будущим большевиком) назначил местом сбора рабочих депутатов Финляндский вокзал 27 февраля. Но уже 28 февраля Совет собрался в Таврическом дворце, который рассматривался как естественный центр революции.

Возникновение Совета — прекрасная иллюстрация роли теоретических воззрений в деятельности РСДРП и судьбе русской революции.

Анализ революции 1905 года привел теоретиков РСДРП к четкой схеме революции: Совет Рабочих Депутатов является орудием пролетарской диктатуры, органом вооруженного восстания и слома самодержавно-буржуазного строя. Поэтому, раз началась революция, надо воссоздавать Совет. Внешне необходимость Совета объяснялась необходимостью наладить руководство стачечным движением (почти все участвовали в демонстрациях, т.ч. заводы автоматически простаивали). Разумеется, как и в 1905, руководство Советом **рабочих** депутатов с самого начала было захвачено профессиональными революционерами и социалистами, хотя поначалу и не делегированными никакими партиями. Вот состав первого Исполнительного комитета: Керенский (труд.), Скобелев (с.-д.), Чхеидзе (с.-д.), Гвоздев (с.-д.), Гриневич-Шехтер (без партийного прошлого, позже с.-д.), Панков (?), Соколов (с.-д.), Александрович-Дмитриевский (с.-р.), Беленин-Шляпников (большевик), Павлов-Красиков (с.-д.), Петров-Залуцкий (большевик), Стеклов-Нахамкес (с.-д.), Суханов-Гиммер (с.-д.), Шатров-Соколовский (с.-д.). Ни одного рабочего, если не

считать Шляпникова, который до того, как стал профессиональным революционером, принадлежал к рабочему классу, да Гвоздев лет 12 назад стоял у станка. Преимущественно юристы и литераторы. Соц.-демократы принадлежали к различным фракциям и течениям, но по сути мало различались в общетеоретических воззрениях. Эти воззрения сводились к идее более или менее быстрого установления социалистического строя, ликвидации капиталистического способа производства, уничтожения старого государства.

Зависимость Временного правительства от Петроградского Совета историками характеризуется термином “двоевластие”. Не совсем удачный термин: Совет самоотстранялся от ответственного участия во власти. Свою цель он видел в расшатывании буржуазного правительства, в стимулировании дальнейшего сдвига влево. Но отвечать ни за что не хотел. Он был “властью” в специфически русском понимании этого слова: он мешал, он вмешивался, он требовал, но ни за что не отвечал. Власть как ответственность досталась только англоманам Гучкову и Милюкову.

Более того, Петроградский Совет и не мог быть источником государственной власти. Почему это Петроград, а не Москва, не Одесса, не Новониколаевск? Почему **этот** Совет притягивает на большее участие во всероссийской государственной власти? Такой ход мысли привел к двум диаметрально противоположным последствиям: в одном направлении – к созыву Всероссийского Съезда Советов, а в другом – к возникновению “Саратовской независимой республики”, “Самостоятельной Кронштадтской республики” и т.п.

Но это случилось много месяцев спустя.

Государственная Дума – законодательный орган, который после низложения царя делался фактически единственным законодательным (если быть буквоедом, то существовал еще законодательный орган Госсовет и промульгационный орган Сенат, но, конечно, их вес в сравнении с Госдумой был ничтожен) органом в империи, – не осмелилась собраться на свое заседание, пребывая юридически в состоянии роспуска с 25 февраля. Но она все же приняла на себя некий труд по формированию нового правительства – т.е. исполнительной власти. Именно, после консультаций господ членов Временного Комитета Государственной Думы с товарищами

членами Президиума Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих Депутатов, при участии некоторых других членов Думы, а также находившихся в Петрограде представителей разных партий, начавших выходить из подполья, было сформировано Временное правительство — “временное” в том смысле, что “до созыва Учредительного Собрания”. О легалистской, правовой стороне этого формирования правительства, равно как и о факторах, побудивших Думу как орган власти — представительный орган населения страны — **отстраниться** от активной и юридически оформленной позиции **высшего в стране** органа, того органа, **перед которым ответственно сформированное правительство**, — мы поговорим в следующем параграфе. Там будет речь о теориях, мировоззрениях, психике и политике, а здесь лишь напоминаются самые необходимые эмпирические факты.

Во Временное правительство не вошел уже ни один октябрист и вообще никто правее прогрессиста: премьер-министр — Г.Е.Львов, иностранных дел — П.Н.Милюков, военный и морской — А.И.Гучков, путей сообщения — Н.В.Некрасов, торговли и промышленности — А.И.Коновалов, просвещения — А.А.Мануйлов, финансов — М.И.Терещенко, земледелия — А.И.Шингарев, юстиции — А.Ф.Керенский, обер-прокурор Св. Синода — В.Н.Львов.

Петроградский Совет призвал рабочих кончать забастовку, а заодно умолял всех “возвратить ручки и прочие части трамваев” (протокол от 3 марта, п.3). Промышленники сразу согласились на 8-часовой рабочий день без соответственного уменьшения зарплаты. Делегации с фронта отнеслись к установлению 8-часового рабочего дня отрицательно:

Работайте, не покладая рук, все 24 часа, как мы работаем здесь, но не под крышами и не в тепле, а под снегом, дождем и ветром —

(из воззвания VIII стрелкового Сибирского полка).

Через несколько дней арестовали Николая и его жену (арестовывал генерал Корнилов), потом ужесточили им охрану (с.-р. Масловский-Мстиславский) и т.д. По стране телеграф разнес весть о свержении самодержавия. Наш старейший

знакомый полковник Зубатов¹ застрелился при этом известии. Другой наш старый знакомый – народоволец, а позже монархист Лев Тихомиров – явился в милицейский участок и дал подписку, что обязуется выполнять все распоряжения власти. Тверского губернатора Бюнтинга убили, дом его сожгли. Екатеринбургский губернатор издал постановление:

Предписываю всем чинам и лицам повиноваться всем распоряжениям нового правительства. Всякие выступления против нового правительства будут всемерно преследоваться и караться по всей строгости.

В Тифлисе великий князь Николай Николаевич организовал парад в честь революции и поздравлял офицеров и членов РСДРП(м), и принимал от них поздравления.

Наиболее типичным было восприятие петроградской революции как у гимназиста, вспоминающего:

Я ничего не предчувствовал, выходя утром как обычно в гимназию, шел себе спокойно, до звонка времени еще было много, а день выдался прекрасный, таким часто дарит средняя Россия, где солнце сияет на чистом небе, слегка матовой голубизны, обращая снег в алмазную пыль, а при редком шевелении ветра, при полном безветрии тишины всякий звук живет дольше и обретает свой оттенок, а белый мороз обращает деревья в пухлые серебряные цветы, в застывшие дымы и фонтаны. Только на углу Садовой испытал неотчетливое ощущение чего-то необычного, мне показалось, что что-то не так, как ежедневно. Остановился, присматриваясь, и сообразил: исчез Муганов, ну, тот, что задержал нас из-за сабли в свадебную ночь, а потом доставил столько хлопот посещениями дома. Он же стоял тут все время, сколько помню Пензу, стоял неподвижно и достойно, как памятник, как знак порядка. Мордастый, крупный городской с шашкой в черных ножнах и свистком на красном шнурке. Встроенный между банком и углом Садовой он делался частью пейзажа, отсутствие его выглядело примерно так же, как если бы вдруг исчез государственный банк или же провалилась бы улица.

Задумавшись над тем, что случилось с нашим стражем, я пошел дальше, но и на следующем углу не было полицейского. Это уже из рук вон, не могли же все зараз спиться или заболеть. Повернул к скверу, чтобы сократить дорогу к гимназии — и, чудо, никого там не встретил, а ведь всегда встречал, так как люди пользовались этим проходом через сквер наискось. Было же сейчас пусто и

¹ См.: Р.И.Пименов “Происхождение современной власти”, М., 1996.

тихо на тропинках и около занесенных снегом клумб у памятника, с которого поручик Лермонтов из пензенской губернии вещал про поэта, восставшего против мнений света.

Из конца аллеи мимо меня промчались бешено Беляев с Гиловым, рывкнувши над ухом: “Ура, нет царя!” — и тут же скрылись на площади. А там стояла толпа, какой никогда не видывал: солдаты, учащиеся, железнодорожники, мастеровые, рабочие, служащие, женщины и девушки, молодые и старые, — все скопились перед белым домом губернатора и, не шелохнувшись, в каком-то упоении, внимали человеку с растопыренными пальцами. Он говорил с балкона, а когда кончил, размахнув руками, словно брал нечто огромное себе на плечи, поднялся неземной крик. Вверх полетели шапки, люди начали обниматься, целоваться — не так, как на Пасху с солидной вдумчивостью — целоваться без памяти где попало и кого попало в неудержимом экстазе.

Запомним: исчез городской.

Запомним: никакой стрельбы.

Запомним: солдаты — заметная часть митинга.

Запомним: все ликуют.

Началось всенародное ликование. 23 марта на Марсовом Поле торжественно были захоронены жертвы революции — 180 убитых (раненых, между прочим, было 1320), причем духовенству было отказано Советом в просьбе участвовать в церемонии.

Я изложил свой взгляд на возникновение и причины Февральской революции. Есть и другие концепции. Есть и другие точки зрения. В стране, где я пишу, историкам разрешается утверждать только ту концепцию, согласно которой революция подготовлена и организована большевиками. Эмигранты, а с 1974 года издательство “Молодая гвардия”, иногда уверяют, что Февральская революция явилась результатом масонского заговора. Некоторые утверждают, что беспорядки в Петрограде, де, были умышленно спровоцированы охранкой, дабы вывести народ на улицы и расстрелять его. Пишут, что революцию вызвали к.-д. Пишут, что революцию вызвали немецкие агенты. Разбирать их я не буду.

Отмечу лишь бесспорно здоровое, что содержится в этих концепциях: после свержения самодержавия некоторые монархисты решили из всех сил стимулировать крайне левых, “анархию”, в расчете, что чем скорее революция дойдет до

абсурда, чем скорее она обанкротится, тем быстрее русский народ обратится к идее монархии и вызовет Николая II назад на престол. Шульгин мечтал, чтобы это успело свершиться до Учредительного Собрания. В этом смысле “провокация” была. Немцы едва ли содействовали началу революции (это видно из текста первой немецкой листовки, сброшенной над русскими окопами в начале марта, где немцы призывали солдат идти на Петроград восстанавливать любимого народом царя-батюшку), но уже в марте они из фонда Кайзера перевели большевистской “Правде” 300 тысяч марок (см. “Вопросы истории” за апрель 1956; в сентябре в связи с этой публикацией было постановление ЦК КПСС против журнала). Ведь им было все равно, под каким предлогом русские солдаты уйдут с фронта. Они же способствовали побегу Тухачевского из немецкого плена после того, как тот заявил себя большевиком, и др. мелочи. Взглянув на обзор германской прессы за апрель-декабрь 1917, видим, что официальная, да и почти вся печать Германской империи была настроена в пользу большевиков в России. Вот версию о масонах никак не могу эксплицировать; с чего бы это они возымели такую власть над массами? Эту версию сейчас активно пропагандирует славянофильское издательство “Молодая гвардия”, см. посмертно изданную книгу Яковлева.

По стране шло ликование. Возвращались ссыльные, отворялись тюрьмы, устранялись губернаторы, открывались газеты.

И митинги, митинги, митинги... Красные банты. 3 марта собирается “объединенный” оргкомитет РСДРП. 8 марта собирается съезд ПСР. Потом – VII съезд “Партии народной свободы”. И так изо дня в день. В социалистические партии валом повалил народ.

Это – “третий призыв” в социалистические партии. Если в 70-е годы в социалисты шли потому, что не быть социалистом – безнравственно и надо было бороться и гибнуть за новое общество; если в 90-е годы в социалисты шли потому, что Маркс обосновал и доказал, что социализм неизбежно победит, и глупо было не делаться социалистом, хотя временно и придется потерпеть некоторые лишения, то в 1917 в социалисты шли потому, что революция уже победила, осталось лишь немного и без опасности для себя “поднажать” – и наступит светлое царство социализма. И в то же время старые профес-

сионалы-революционеры не до конца верили в свою победу, подбирали “на всякий случай” себе людей мрачных и озлобленных, на которых могли положиться, что те не изменят, ибо им старый режим – нож смертный. Эти же революционеры торопились **провозгласить** как можно больше.

Кстати, еще Ключевский, говоря о Петре I, отмечал его “веру в магическую силу указа”. Петр полагал, что издав закон, он тем самым уже меняет отношения в обществе, что указ сам собою будет исполняться, а потому забывал предусматривать механизм функционирования указа, процедуру его исполнения и контроля. Той же самой болезнью заражены были социалисты в Исполнительном комитете: они провозглашали лозунги, цели, но не задумывались об общественном механизме, который позволил бы реализовать эти лозунги и достичь этих целей. Более того, тех, кто задерживал пристальное внимание на способах достижения лозунгов, они склонны были считать “буржуазным элементом”, не настоящими социалистами. Блок позже, в 1920, назвал этот стиль мышления “метафоричностью мышления” и связал его с “общим дичанием российской интеллигенции с шестидесятых годов”. А те же самые Суханов и Чхеидзе, веровавшие в магическую силу своих постановлений в марте 1917, через несколько месяцев, когда вера в магическую силу декретов охватила большевиков, злобно высмеивали этот стиль управления, называя его “декретинизмом”.

Вот пример такого декрета.

В те самые часы, когда Совет заседал, решая вопрос о коалиции и об участии Керенского в правительстве, Соколов, припоздав, пробирался по Таврическому в зал заседаний. Но его увидели солдаты некоторых петроградских полков, которые про него знали, что “это тот самый, который организовал этот Совет”, и накинулись на него с вопросами “а как же мы теперь солдаты будем?” Надо сказать, что солдат петроградского гарнизона больше всего беспокоило, пошлют ли их на фронт. Немного спустя они добились постановления Совета, что ни одна воинская часть не будет выведена из Петрограда (под предлогом, чтобы с ними не расправились за начало революции), но сегодня до такой четкой постановки вопроса они еще не договорились. Соколов, видя, что от беседы с солдатами не отвертеться, уселся за стол у стены и стал расспраши-

вать, а чего бы они хотели? Стоял гомон, махорка, семечки, портяночная вонь, толкались локтями и прикладами. И бес-связные выкрики: то-то плохо, вот как скверно так-то обошлись. По своей журналистской привычке Соколов взял бумагу и стал записывать пожелания солдат, машинально их редактируя и нумеруя. Все высказывания клонились к обвинению офицеров и к пожеланию, чтобы их в армии совсем не было. А так как Соколов твердо знал, что “армия есть орудие угнетения трудового народа”, что в программе РСДРП записано (и этот пункт – п.12 программы II съезда или п.10 программы VIII съезда – пребывал в программе большевиков аж до хрущевских времен) требование “уничтожения постоянной армии и замена ее всеобщим вооружением народа”, – то он и не пытался урезонить солдат. Может быть, возрази он: “Да как же это мыслимо, чтобы в армии офицер не мог приказывать!” – и, помусолив самокрутку, собеседник с ним согласился бы. Но Соколов твердо знал, что **армия не нужна вообще**, что все, что разрушает армию, увеличивает интернациональную солидарность социал-демократии, что именно армия явилась опорой самодержавия в 1905. И Соколов записывал и записывал. Получилось 7 пунктов, в том числе:

выборность офицеров солдатами и п.5: Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию.

Кстати, права ротных и батальонных комитетов никак не регламентировались, конечно, ни в предыдущих, ни в последующих пунктах. Солдаты радостно выслушали получившееся и одобрительно побряхтели: “Здорово ты их закрутил! Как это назвать бы?” – задумались они. Кто-то подсказал: раз по армии, то **приказ**. И Соколов подписал сверху “Приказ №1”, а внизу – “Совет Рабочих и Солдатских Депутатов”. В конце концов, раз все равно ни мандатов, ни регламента нет, то нет ли оснований считать возникшее вокруг него слововорение заседанием Совета? Зачем быть бюрократом и формалистом, ограничивая заседания Совета лишь вон тем помещением, до которого он так и не добрался?!

Наборщики знали Соколова как основателя Совета, а потому тиснули приказ без промедлений. Прочитал его Гучков и

ахнул. Прочитал его Деникин и за голову схватился. Прочитал его Корнилов и побежал требовать отмены. Но дело сделано. В сотнях тысяч экземпляров понесся приказ на фронт, вернейшим образом разрушая дисциплину в армии, сея недоверие между солдатами и офицерами. И в конечном счете достиг своей цели: постоянная русская армия была разрушена. Если до этого приказа под влиянием объявления, что “дезертиры будут рассматриваться как сторонники старого строя”, десятки тысяч дезертиров вернулись в действующую армию, то после его усвоения с фронта бежали сотнями тысяч.

И офицеры, которые до революции были известны как антимонархисты, вроде Колчака, Юденича, которые восторженно приветствовали Февраль – один на Черноморском флоте, другой в Кавказской армии, вроде причастного к антицарскому заговору наштаверха Алексеева, отшатнулись и стали контрреволюционерами. Корнилов уже 20 марта ушел с поста командующего Петроградским военным округом.

А тут еще подвернулись Кронштадтские и Свеаборгские события, где сотни офицеров были перебиты озверевшими матросами, отказавшимися повиноваться и Временному правительству.

И митинги, митинги, митинги. Шествия, манифестации, объятия, встречи эмигрантов, ссыльных, прошлых и будущих вождей... И полное неумение делать дело, даже у тех, кто хочет заняться конструктивной деятельностью. Но гораздо больше жаждущих деструктивной деятельности: как же это, раз идет революция, значит надо разрушать! “Страсть к разрушению – это тоже творческая страсть”, – учил Бакунин. Если бы старая власть еще сопротивлялась, то было бы куда направиться энергии революционеров, профессиональных и новоявленных. Но за отсутствием сопротивления старого режима, энергия уходила на нападки на Временное правительство. А что оно могло сделать – при самых-распресамых идеальных условиях – за считанные месяцы? Оно, которому в наследство достались продовольственная разруха, развал транспорта, проигрываемая война, эгоистичные союзники и Россия со всеми ее традициями и предрассудками? Россия, в которой крайне жгуч патриотизм, и от которой уже начали отваливаться Финляндия, Польша, Украина? И в которой – не привыкшей ни к одной легальной политической партии –

появились десятки политических партий и прожженных политических деятелей, в том числе и таких, которые избрали себе за благо “профессиональную эксплуатацию отсталости в российском движении”...

Не нужно забывать и такого физического фактора социальной психики, как солнечная радиация. Год 1917 был годом “активного Солнца”, причем этот, достигаемый раз в 11 ± 2 лет, пик излучения ионизирующих частиц в этот раз был значительно выше обычных одиннадцатилетних пиков и следовал он за довольно высоким, тоже незаурядным, пиком радиации 1905 года (с точки зрения радиационной – картина та же, что в 1789). Эта радиация оказывает статистическое воздействие: она активизирует болезнетворные организмы, увеличивает сердечно-сосудистые дефекты, способствует проявлению психической ненормальности и т.п. Подробнее см. в исследованиях А.Л.Чижевского. Вероятность обнаружения такого рода эффектов увеличивается под действием протонов, вырывающихся из Солнечных протуберанцев. Конечно, не эти протоны формировали социально-политические лозунги тех месяцев, но они способствовали неразберихе, душевному надрыву, смуте. Если бы еще люди знали о подстерегающей их в год активного Солнца опасности, они могли бы вносить коррективы в свои поступки, в оценку поступков других лиц. Но не знали, не верили в такую “астрологию”, да и сам Чижевский, кажется, только в 1915 набрел на указанную связь (хотя, вроде бы, кардинал Пьер Айли писал про нее еще в 1414 году; книга напечатана в 1480). А ведь описание, например, убийства комиссара Линде (июль 1917), сделанное генералом Красновым как очевидцем, или писателем Пастернаком – с изменением некоторых фамилий, – разве не свидетельствует неоспоримо, что безумные и безумными творились события? Хоть и некоторые, но имевшие громадный резонанс!

§2. Рассуждения о теориях и психике

*Отношение действовавших сил революции к государству;
последний всплеск социалистической мечты; пример*

деятельности Совдепа; источники государственной власти; юридическая специфика русской революции.

Как мы уже обнаружили, ход первых недель Февральской революции полностью определялся теми, кто проживал тогда в Петрограде, причем весомую и едва ли не ведущую роль играли социалисты. Поэтому нам надобно пристальнее взглянуть в психику петроградских толп и теоретические миры социалистов в особенности.

Сам по себе социализм, как учение, предусматривал в частности (но это фундаментальная “частность”) полную ликвидацию государственности.¹ Ведь государство, со всем его аппаратом принуждения, возникло как орган классовой борьбы. Когда будет ликвидирована классовая борьба, то исчезнет и необходимость в ее орудии – государстве. Различные течения социалистической мысли расходились в темпах и способах ликвидации государства: анархисты полагали, что государство должно быть **разрушено в день** социального переворота; социалисты-государственники учили, что следует **воспользоваться** государственным аппаратом для проведения в жизнь социального переворота, для ликвидации буржуазии, а потом государство само отомрет; были промежуточные варианты. Но все сходилось на том, что старого государства беречь не приходится.

Эти теоретические воззрения налагались в России на специфическое русское отношение к идее государства. Будучи самодержавным, российское государство в основном только угнетало своих подданных, практически никогда не делая ничего полезного для жителей. “Тащить и не пущать” – к этому сводились функции и задачи управления. Это знали и те широкие слои населения, которые назывались “раскольниками”, “старообрядцами”. Это знала и интеллигенция. Все знали (подробней см. §9 книги 1²). Позитивные функции госу-

¹ Сегодня, в 1990, когда самым главным в социализме считается всеми (и врагами и друзьями) государственная собственность на средства производства, трудно свыкнуться с мыслью, что социализм был врагом государственности. Но таков исторический факт. И таковы изменения смыслов слов с ходом истории – не только слова “социализм”.

дарственной власти были не видны русским людям³, если даже они и присутствовали. Поэтому именно в России появились теоретики анархизма: Бакунин, Кропоткин, Лев Толстой, убедительно (это были люди талантливые) доказывавшие, насколько не нужно, излишне и даже вредно государство. Толстой красиво объяснил, что на самом деле государства и нет, нет такого предмета, не существует в бытии; есть только наша с вами вера в него. И все, что мы приписываем действию государства – это на самом деле наши с вами поступки, вызываемые нашей с вами верой в его существование. Посему давайте перестанем в него верить! – и государство исчезнет как наваждение.

Кропоткин учил, что государство – это “союз попа, палача и солдата”. Будучи атеистом, Кропоткин в термин “поп” вкладывал только ругательное содержание: “обманщик, шаман, прислуживающий солдату и палачу”. Будучи пацифистом, Кропоткин употреблял слово “солдат” в столь же ругательном смысле. Семантика термина “палач” не нуждается в пояснении. И так как при коммунизме (Кропоткин вместо “социализм” предпочитал употреблять первоначальный термин “коммунизм”, считая слово “социализм” опошленным последователями Маркса) ни попа, ни войн, т.е. солдат, ни, конечно, преступности, т.е. судов и казней – не будет, то Кропоткин рисовал коммунизм как безгосударственное общество.

Столь отрицательное отношение русских к идее государства, игнорирование полезных для граждан его функций можно пояснить, обратившись к переводу термина “государство” на европейские языки. Ближе всего русское слово “государство” переводится таким же тяжеловесным “принципат” – нечто, принадлежащее государю, принцу, князю: его собственность, до него относящееся. Европейский корень “etat”, “state”, “estado”, “Staat”, обозначая правительственно-государственную власть, **сохраняет** одновременно смысл: “состоя-

² Для краткости приняты следующие обозначения: кн. 1 – “Борьба за конституцию”, кн. 2 – “Россия конституционная”, кн. 3 – “Россия без центральной власти”, кн. 4 – “Циклы власти”.

³ Было исключение – Чичерин, но кто ему внимал? И формулировка Пушкина: “Правительство – это единственный европеец сегодня в России”, – из частного его письма не перекочевала в души тех, кто хотел бы в России все устроить по-европейски.

ние”, “статус”, “положение”, “форма существования”, “способ пребывания”. То обстоятельство, что государство есть способ существования населения, занимающего данную территорию и как-то ощущающего свое единство (сейчас бы сказали: “Государство есть политический атрибут гражданского общества”), – это никак не отражено в русском языке, тогда как европейские термины однозначно указывают на эту позитивную функцию государства (ср. § 1 кн. 4 о фашизме).

Самодержавию (см. §3 кн. 1) свойственно слияние властей исполнительной, законодательной, судебной и военной не только на верховном уровне Монарха, но и в средних (губернатор) и низовых (городничий) уровнях. Краткое десятилетие, когда соблюдалось некоторое разделение властей, – минуло, не изменив психики населения. Власть все равно воспринималась как власть исполнительная – поэтому исчезновение городского и означало крушение прежней власти. Но и доверия к новой не было – откуда ему снизойти в душу? Революционеры взяли под огонь ту самую исполнительную власть, которую создала Революция – именно, Временное правительство князя Львова. И огонь этот жег все беспощаднее, все несправедливее. О законодательной власти они как-то не думали, та и не проявлялась. Быть же сторонником судебной власти – фи, да это просто стыдно революционеру, так пострадавшему от судов-жандармов-тюрем. Военная власть в это военное время, с одной стороны, вроде бы “очевидно нужна”, а с другой – “очевидно враждебна” Революции; тут господствовала неясность.

Итак, названные ранее деятели социал-демократической прессы принялись проводить в жизнь свои теоретические воззрения на предмет государства, т.е. разрушать его поелику сумеют. Собственно, единства между ними не было, и большую часть энергии они расходовали на споры друг с другом.

Далее, они все были в той или иной мере противниками империалистической войны; больше половины перечисленных примыкали к циммервальдистам. Социал-демократическая теория предсказывала, что война закончится всемирной социалистической революцией. Ну, что же, в России революция уже началась, фактическая власть принадлежит Совету рабочих депутатов, т.е. нам, социалистам, а потому надлежит

ожидать немедленного отклика всех трудящихся других воюющих держав: не сегодня-завтра произойдет революция в Германии, Франции, Англии. Мы – против империалистической бойни!

Напомним, что шла кровопролитнейшая после 1815, т.е. после свержения Наполеона I, война. Не социалисты развязали это кровопролитие. Напротив, по всем их учениям – как бы они ни расходились в других пунктах – выходило, что эту войну развязал **буржуазный строй**. Капитализм, основанный на оголтелой жажде прибыли, ни в грош не ставит человеческую жизнь и ради приобретения дешевых рынков вверг Европу в античеловеческий кошмар войны, – в этих положениях они практически все сходились. И сходились они еще в указании “света в конце тоннеля” – **только победа социализма, только ликвидация капитализма** будут гарантиями против повторения подобной бойни. Наиболее дерзновенные из социалистов обещали еще большее. Они обещали **выход из сегодняшнего кошмара**, если сейчас, сегодня свергнуть свое буржуазное правительство и заменить его народным, пролетарским **социалистическим**. Если **превратить империалистическую войну в гражданскую**.

Такая позиция породила последний всплеск искренних социалистических чувств среди довольно широких слоев. Пацифисты вообразили, будто бы социализм – это их союзник, будто бы социализм обещает и обеспечит мир без войн, а прежде всего социалистический переворот даст возможность покончить с безумной сегодняшней войной. Такие пацифисты, как А.Барбюс, Б.Рассел, Р.Роллан, заинтересовались социалистами и подружились с ними. И сам Троцкий в 1916 распространял пацифистские листовки в США и Англии. Конечно, с его стороны это было привычное для него бессовестное использование возвышенных порывов и идеалов других лиц в целях достижения партийных установок. Он-то знал уже и открытие, сделанное большевиком А.Богдановым, что победа социализма в одной стране означает бесконечную войну и военное противостояние всему остальному миру. Знал и работы Ленина 1915-16, в которых прямо писалось, что “социализм не исключает войны, а их предполагает”. Но не говоря о таких верхних функционерах, бесспорно, что довольно

широкие слои социалистов искренне веровали в возможности социалистического переворота остановить войну. Антивоенно настроенные люди, стоявшие вообще в стороне от партийной деятельности, с надеждой следили за героической борьбой тех, кто обещал вот-вот покончить с войной; они-то знали про социализм только из пропагандных листовочных обещаний!

В России этот всплеск социалистических надежд проявился двояко. С одной стороны, именно русские социалисты составили ядро того, что получило название “Циммервальда”, иначе – “интернационалистов”. Зиновьев, Ленин, Мартов, Троцкий, Чернов провозгласили еще до Февраля идею “борьбы против собственного правительства”, единства всех социалистов в насильственной борьбе против капиталистической бойни. Именно эти деятели оказались активнейшими петроградскими деятелями в первые послефевральские недели. С другой стороны, лозунги борьбы за немедленный мир своеобразно преломились в поведении петроградского гарнизона.

Петроградский гарнизон — это отдельная и мало исследованная глава 1917 года. Прежде всего отметим, что гарнизон сделался могущественным фактором политической жизни. На мой взгляд роль **петроградского гарнизона** в феврале-октябре 1917 **перевешивала роль всей остальной страны** в вопросе о **судьбе всей страны**. Но, как бы ни относиться к таким трудно верифицируемым оценкам, эмпирическим фактом является, что в Петрограде на улицах солдаты стали встречаться летом 1917 в десять раз чаще, нежели они встречались летом 1915. Сама эта повышенная встречаемость “человека с ружьем” делала его более значимым для выбора формы существования населением сего города, для функционирования политических институтов, расположенных в городе. Первое проявление этого выразилось в ломке социалистической догмы насчет “Совета рабочих депутатов”. Доктрина учила, что только рабочий класс может объединяться в Советы, орган классового руководства или даже классовой диктатуры. Революцию, однако, сделали солдаты — Волынского полка в первую очередь — и солдаты же, возбужденные и ищущие врага, заполняли сейчас улицы Петрограда. Рабочие сами по себе, конечно, не знали, что им отведена роль руководителей Революции. И когда интеллигенты-партийцы, созвав представителей ряда заводов, решили из частной квар-

тиры перевести получившийся Совет Рабочих Депутатов в Таврический Дворец, их плотно окружали солдаты, составив в зале большинство присутствующих. Гнать их, что ли? Это же не враги-офицеры, это наши братья-революционеры. И это физическое присутствие запасников из петроградского гарнизона опрокинуло одну из эсдековских догм напроочь.

Исполнительный комитет переименовал Совет в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, хотя с точки зрения классового анализа солдатам, т.е. крестьянам и торговцам, нечего делать в рабочей власти¹.

Исполнительный комитет (иногда – Исполнительная комиссия) называл себя И.К.Совета. А чем был Совет?

Порядок выбора депутатов не был строго установлен; для проверки мандатов не было времени. Представителей присылали и мелкие мастерские, и мелкие воинские части, и отдельные учебные заведения, и на второй уже день Совет превратился в огромное и шумное собрание, в беспорядочную сходку, которая ничего не могла обсуждать, а только возбужденно слушала и возбужденно аплодировала ораторам. Речи в этой аудитории естественно принимали митинговый характер. В особенности примитивны были выступления ораторов-солдат. У всей массы, сочувственно аплодирующей наиболее радикальным и ярким речам, было естественное тяготение к авторитетным вождям. Исполнительный комитет, хотя члены его мало кому были известны, пользовался доверием, потому что это был исполнительный комитет. Зато во главе стояли Чхеидзе, Скобелев, Керенский, а их имена, в особенности имя Керенского, были популярны.

И вот возник вопрос о конституировании власти: Временный комитет Госдумы решил сформировать Временное до созыва Учредительного Собрания правительство. Общее настроение в городе было таким, что без Керенского ни одно правительство не продержалось бы ни часу. Однако, он – социалист, представитель Совета рабочих, и согласно всем тогдашним социалистическим догмам не сможет войти в буржуазное правительство.

Утром 2 марта зал бюджетной комиссии Государственной Думы, где собирался Совет рабочих депутатов был переполнен рабочими и солдатами. С напряженным вниманием был прослушан доклад

¹ Напомним, что рабочих почти не призывали в армию: все сколько-нибудь крупные предприятия получали бронь, ибо "работали на оборону".

Стеклова... Речи ораторов-большевиков, выступающих резко против всяких сделок с правительством, имели шумный успех. Большевики поддерживали и некоторые межрайонцы (троцкисты) и циммервальдисты-меньшевики (мартовцы). Однако, выступая против соглашения с Временным правительством, большевики и их сторонники не призывали к образованию своего правительства... О коалиции в речах почти не упоминалось... Накануне в Исполнительном комитете коалиционность была отвергнута 13 голосами против 7...

Тем не менее этот вопрос был поставлен и разрешен вопреки воле Исполнительного комитета. Это сделал Керенский... он встал на стол и потребовал слова вне очереди. Имя его производило магическое действие. Бледный, волнующийся, он заявил, что ему только что сделано предложение вступить в правительство. В его руках сановники, он не решается их выпустить, и поэтому он дал согласие стать министром. Он республиканец, он готов умереть. Патетические фразы, полубесвязные, но сказанные с сильным подъемом, с непривычным для впечатлительной аудитории мелодраматическим эффектом дали тот результат, которого ожидал Керенский. Собрание устроило ему восторженную овацию, согласилось на вхождение его в состав правительства, выразило ему доверие. Отдельные протестующие голоса потонули в буре аплодисментов и приветственных криков. Исполнительный комитет не смел возражать. Резолюция И.К. о запрете коалиции осталась в силе, и все же, нарушая ее, Керенский, с ведома и согласия Совета рабочих депутатов, вошел в состав правительства.

Я умышленно процитировал свидетельство очевидца-меньшевика, активного участника этого заседания (хотя пишет Д.Заславский уже при большевиках, поэтому отвечает им реверансы), дабы стало ясно, **что за орган власти** был Совет рабочих и солдатских депутатов. Без проверки полномочий, без регламента, без фиксации предложений в письменном виде, да и без серьезного ведения протоколов: обрывки фраз, несоответствие обсуждавшегося и протокольной записи, туманность формулировок даже в протоколах Исполкома Совета; протоколов же заседаний самого Совета не велось. Если искать исторических аналогий, то это – клуб времен Великой Французской революции.

Но кто или что было источником государственной власти в России 2 марта, когда Временное правительство известило о себе?

Под Извещением “От Временного правительства” выше подписей министров стоит подпись М.Родзянко – председателя Госдумы. Следовательно, формально власть Временного правительства проистекает из воли Государственной Думы.

А вообще, из чего проистекает авторитет правительства? В самодержавных странах – из воли монарха, т.е. в конечном счете “из воли Божьей”. Но в России монарх отрекся от своей власти, передал ее брату, а тот условно отрекся, соглашаясь принять власть лишь по воле Учредительного Собрания, должностующего собраться. Об Учредительном же Собрании заявляет и первое Извещение Временного правительства. **Этот** авторитет признают все, он должен будет выразить волю всего народа, но **будет**, а покамест такого авторитета нет.

В демократических странах авторитет правительства считается вытекающим “из воли народа”, которая чаще всего полагается выраженной в виде голосования всего народа или его части (той, которая мыслится дееспособной в государственном смысле). Единственным представительным органом в российской жизни марта 1917, который восходил бы к голосованию, являлась Государственная Дума. Однако, даже сумасшедший не мог бы ожидать, что Государственная Дума IV созыва останется на политической арене страны. Слишком много было в ней монархистов, черносотенцев, которые по-прятались в щели после революции (Петроградский Совет начал с того, что позакрывал “слишком правые” газеты, а их типографии захватил и приспособил под свои издания). Даже когда позже попробовали было созвать Совецание членов всех четырех Дум, левые элементы обрушились на это совещание как на признак реакции, и оно вынуждено было конституироваться как **частное** совещание.

Тут очень важно не только **внешнее** отношение к Думе со стороны населения и гарнизона Петрограда, со стороны вернувшихся из ссылок революционеров. Важно и **внутреннее** самосознание господ членов Государственной Думы. Они не были избраны на волне противостояния и борьбы против прежней власти (в отличие от Генеральных Штатов 1789). Нет, они все избирались в 1912 в условиях сотрудничества с монархией, включая присягу на верность Царю. И большинство из них не лицемерило, присягая. Они не сознавали себя способными проводить радикальные перемены в стране. Более того, подсол-

нательно они ощущали жульнический характер стольпинского избирательного закона и не ощущали себя **представителями страны**. Их мандат нуждался в **новом** подтверждении избирателями. Вся их предшествовавшая стратегия состояла в том, чтобы добиться устранения Распутина и чтобы Царь назначил “правительство, пользующееся доверием Думы”. Исчез Распутин, нет царя — какой же курс избрать?! Такая психика членов Думы, отношение к Думе со стороны как к **непредставительному органу** при отсутствии убежденности членов Думы в том, что они **представители страны**, — все это делало функционирование Думы невозможным.

А в результате страна лишалась не только законодательной власти. Само Временное правительство оставалось, поэтому, без источника власти. А это весьма существенно. Вот, например, когда 1 марта Гучков вместе с активным участником антимонархического заговора князем Вяземским ехал по Дворцовой площади, то шальная пуля убила Вяземского. Ну, а если бы шальная пуля убила самого Гучкова 3 марта, то кто был бы правомочен назначить ему преемника? Кто был облечен властью назначить военного министра в такой ситуации? Не было, не осталось в России такого источника власти. Максимум, что могло быть сделано, это кооптирование самим Временным правительством нового себе сочлена. Ну, а если правительство само назначает себе министров, то перед кем же оно ответственно?! Антисамодержавная революция результировала самоназначающимся правительством, ни перед кем не ответственным!

Конечно, не те были деятели во Временном правительстве, чтобы ощущать себя безответственными самодержцами, хотя и у Гучкова и у Керенского энергии и веры в себя доставало. Премьер-министр князь Львов лишь восхищался все месяцы своего правления: “Ах, какая у нас чудесная революция! Ах, как все замечательно сделалось!” — на большее его не хватало. Однако, личная порядочность членов правительства не изменила того фундаментального факта, что в стране установилось **безвластие**, что функционировавшее правительство **не имело правовых корней**, не было делегировано никем.

Это — специфическая ситуация Российской революции. Такого не было ни в Английскую революцию: парламент, борясь с королем, был делегирован избирателями; ни во

Французскую: и Генеральные штаты, и Учредительное Собрание, и Законодательное собрание имели двойной мандат от избирателей и от короля, а Конвент – от избирателей. И старая власть расходилась лишь после конституирования новой, преемственно делегированной нацией.

Правительство князя Львова остро осознавало эту ситуацию. Поэтому одной из главных его задач было показать, что оно “опирается на волю демократии”. Поэтому оно консультировалось с Советом, с партиями, с разного рода совещаниями. В первую очередь ему приходилось считаться с волей Петроградского Совета, характеристику коему мы уже дали. Этот Совдеп **не был создан** для позитивной, созидательной, конструктивной деятельности. Но он обладал громадной силой – авторитетом в массах – чтобы **помешать** любой деятельности, в том числе и правительственной. Возникшую ситуацию традиционно называют “двоевластием”. Термин неправилен. Было **безвластие**. Один орган – номинальная власть – пытался что-то сделать для страны. Другой орган – локально петроградское представительство запасников из гарнизона – ставил палки в колеса первому органу. А первый рассыпался в реверансах перед вторым. И дело никакое не шло. К лету ситуация чуть изменится, но об этом далее.

§3. Апрельские события

*Некоторые долговременные факторы русской истории;
низкая культура социально-политического диалога;
вооруженное давление на правительство; роль
революционеров-профессионалов; приезд Ленина; поражение,
нанесенное кадетам; вступление С-АСШ в войну и положение
на фронтах.*

Итак, воцарилась полная свобода. Никаких ограничений ни личных, ни общественных прав в это время, как принято считать, не существовало. Население максимально призывалось правительством к неограниченной самостоятельности: например, отменяя в начале марта институт губернаторской

власти, Временное правительство заявило, что взамен губернаторов оно не вводит никакой власти, оставляя на **усмотрение** жителей каждой губернии, какую именно форму управления губернией они себе выберут.

Права сами по себе значат много. Но до Февраля права воспринимались как лозунг, а после Февраля стала существенна форма пользования правами. Покамест нет никакой свободы содержания слова, регламент предоставления слова не имеет почти никакого значения; когда же предоставляется неограниченная свобода содержания слова, тогда крайне существенным делается регламент, т.е. процедура предоставления слова. Это проще всего видно из арифметического расчета: собралась тыща человек, каждый хочет сказать минут на десять — это 166 часов чистого говорения, трое суток без перерыва! А ведь кто-то и повторить недослышанное захочет, и возразить на услышанное... Как тут справедливо отбирать ораторов?

Русские не умели пользоваться гражданскими правами: им история не предоставила периода обучения такому пользованию. Даже такие интеллигентные люди, как Маяковский, позволяли себе совершенно беспардонные выходки против своих оппонентов. Идет митинг. Красноречиво и убедительно некая дама расписывает ужасы, которые, по ее мнению, несут с собой большевики. Толпа внимает и вот-вот начнет вопить ей: “Ура!” Маяковский не находит слов опровержения и тогда бросает: “Да она у меня вчера в трамвае кошелек стащила!” Толпа тут же меняет настроение и едва не разрывает дамочку на куски. Та, конечно, рыдает от незаслуженного оскорбления, а Маяковский, уходя с митинга, самодовольно объясняет Асееву, что впервые в жизни видит эту буржуйку, но уж больно хотелось ему ее прищучить, и интеллигент Асеев восторгается всю жизнь этим ловким маневром своего мэтра. Что уж говорить про менее культурных людей. Для кронштадтских матросов единственной формой диалога было “скормить рыбам”, т.е. покидать, обвязавши проволокой, возражающих за борт, будь то офицеры или комиссары Временного правительства (они и его не признавали, провозглашая, что подчиняются только Совету, хотя на деле и его не слишком слушались; но об этом позже). И при уровне политической грамотности, очень хорошо иллюстрируемом рассказом Ильина-

Женевского: некую войсковую часть направили на подавление беспорядков, объяснив, что там “взбунтовалась чернь”.

Вначале они поверили этому утверждению и, действительно, на подступах собственными глазами видели цепи маленьких черных фигурок. Однако, когда вслед за этими черными они увидели **серые** шинели, они поняли, что это междоусобная война, и отступили, не желая воевать.

Здесь бесподобно “**поняли**”.

Но, может быть, даже это неумение понимать и добиваться понимания еще не самое главное, т.е. без вмешательства других причин, может быть, история пошла бы иным путем, а формы социального общения обогатились и наладились.

Конечно, время было трудное: война и надвигавшийся голод. Я не совсем точно сказал, что никаких ограничений прав не было. Были. С первых же недель власти Временное правительство подтвердило те ограничения **на право торговать**, которые ввело царское правительство, а также ввело новые. Ровно через месяц после хлебных демонстраций были введены карточки на хлеб и при этом понижена хлебная норма: 600 г для рабочего, 400 г для незанятого физическим трудом. Остановитесь, читатель, вдумайтесь: такой паек в пользу рабочих вводит правительство, которое принято называть капиталистическим. Были и другие ограничения. Например, Союз ломовиков забастовал, требуя повышения оплаты, а тем временем на вокзальных складах гнили 1200 тонн мяса. Правительство было бессильно, Совет уговорить не мог (ломовики – это же не капиталисты, никого не эксплуатируют). Тогда вмешались солдаты из какой-то фронтовой делегации и силой штыков заставили ломовиков работать. И, разумеется, никто не осмеливался защищать публично монархию. На первых порах Совет просто запрещал “монархистские и черносотенные издания”, потом, когда в заседании 10 марта устыдились и признали право всех издавать и писать, что хочешь, никто уже не осмеливался писать в защиту царя: растерзают. Так же, как офицеры побаивались ходить в погонах по улицам Петрограда, а в Кронштадте даже самый смелый в погонах не прошел бы и трех шагов. Не только в Кронштадте, в Нижнем Новгороде тоже убивали юнкеров. Тут мы подходим к очень важному моменту, общему для Французской и Русской революций.

В городе, где расположено центральное правительство, фактическая власть принадлежит не этому правительству, а более или менее организованным толпам жителей этого города или военным отрядам гарнизона¹. Территориально возбуждение охватывает именно месторасположение правительства. Можно сравнить с нарывом, возникающим с внутренней стороны черепа: в отличие от нарыва на ноге он давит непосредственно на все центральные органы, вынуждает их заниматься не свойственными им функциями, стесняет их нормальную деятельность – помимо общего воздействия всякого нарыва на весь организм в целом. Локация революционного брожения отнюдь не безразлична.

Ведь в провинции было более или менее спокойно. Она следовала за Петроградом, в смягченных формах повторяя его, а наиболее горячие головы устремлялись в Петроград, туда, где вершится революция. В городе же начисто отсутствовали органы поддержания общественного порядка. Генерал-губернатор был отменен. Полиция – частью арестована, частью попряталась, частью разбежалась; да и независимо от этого реорганизовывалась: ее заменяли милицией.

Сейчас в СССР совершенно не знают, что такое милиция, в чем ее отличие от полиции, поэтому придется пояснить. Полиция – это общегосударственный орган, чиновники которого назначаются центральной властью. Милиция – это орган самоворужения народа, проживающего в данной местности, причем ее сотрудники избираются гражданами, а центральная власть не имеет права вмешиваться ни в их назначение, ни в правила функционирования милиции. (Для знающих сочинения Ленина напомним цитату: “Полная выборность всех чиновников снизу доверху”, – что являлось одним из самых боевых лозунгов большевиков в те месяцы.)

¹ Военные отряды не дисциплинированы, не признают своих офицеров – так что это не “военная диктатура”, не “вылазки военной хунты”. Но отряды вооружены – так что это военное давление на жителей города, но и “солдатской диктатурой” называть я бы поостерегся. Это “диктатура запасников” – специфическая, ибо запасник не есть солдат в полном смысле. В обсуждении этих проблем надо взвешивать терминологию, как в медицине, как в математике. Более всего сбивают с толку расхожие рассуждения о “разложении фронта”, но об этом далее.

Сотрудники новорожденной милиции оказались люди случайные, чаще всего благодушные (студенты, профессеры), не знакомые с повадками преступного мира, да и вовсе убежденные, что после революции исчезла причина совершать преступления (“социальная база преступности”). Ведь преступления порождаются неправильным социальным устройством общества (Гюго, Маркс, Кропоткин и тысячи менее известных авторов). Сам по себе человек никогда не совершит преступления, если строй его не вынуждает. Сейчас меняется строй в стране — значит, с преступностью покончено. Досье и агента полиции пришли в неработоспособное состояние. А тут Временное правительство открыло зеленую улицу всем уголовникам: 15 марта оно отменило смертную казнь, а 18 провело амнистию уголовникам. Разумеется, преступников никто не искал и не умел находить. Если хватали на месте убийцу или заподозренного, то могли побить, могли убить, могли похвалить, в зависимости от настроения толпы, а уж если не схватили — то не взыщите! Разумеется, число ограблений и изнасилований подскочило. А уж про кражи да хулиганство лучше не вспоминать. Тем паче, что многие преступные акции прикрывались политической демагогией насчет “возвращения народу награбленного богачами и знатью” (захват анархистами дачи Дурново, захват большевиками особняка Кшесинской, и т.п.).

И все это в первую очередь в столице, в резиденции общероссийского правительства. Ведь в Петрограде в это время фактически отсутствовал орган, ответственный за порядок и спокойствие в столице, за охрану жизни, имущества и достоинства жителей Петрограда. Правда, в марте была избрана (свободным, равным, прямым и тайным голосованием) Городская Дума, но так как в нее вошли “цензовые элементы” (домовладельцы, буржуазия, мелкие торговцы и др. слои, не представленные в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов), то Совет косился на Думу и препятствовал ей функционировать, а Дума побаивалась вооруженных солдат. Правда, был командующий Петроградским военным округом Корнилов, но он не склонен был вмешиваться в гражданские вопросы, да и в военных он был бессилен без санкции Совета (вспомните приказ №1, п.5). Совет же отнюдь не считал своим долгом наводить порядок в городе. Свою основную задачу деятели

Исполкома Совета видели в раздувании революции, а не в наведении порядка. Сами слова “наведение порядка” тогда были синонимом “контрреволюции”.

Тут мы подходим к очень важному фактору тех дней. Подобно тому, как практически все деятели Французской революции, от Мирабо до Робеспьера и Наполеона, были пропитаны духом Руссо, так и все активные политические деятели, поднявшиеся на поверхность общественной жизни революционного Петрограда, были пропитаны идеями социализма. Более того – и здесь отличие от Французской революции – почти все они были **профессиональными** функционерами социалистических партий (соц.-дем. по преимуществу, но много и соц.-рев.). Если в первые дни революции это были оторвавшиеся от партийных центров одиночки (сначала, первые пять дней, Совет держался на Соколове; потом его оттеснили Стеклов и Суханов; позже и эти померкли перед более яркими вождами), то с конца марта все члены ИК Совета были делегированные партиями – социалистическими и только социалистическими – профессиональные политики. К названным в §1 членам ИК были кооптированы (формально – проголосованы на общем собрании Совета, но на примере речи Керенского мы уже видели, что это такое) от партий: В.Молотов-Скрябин, К.Сталин-И.Джугашвили (от большевиков), Богданов-Оленич и Батурский-Цейтлин (от меньшевиков), Эрлих и Рафес (позже заменен Либером) от Бунда, Брамсон и Н.Чайковский (позже заменен Станкевичем), от Трудовой партии, Русанов и Зензинов (от ортодоксальных с.-р.), Пешехонов и Чарнолусский (от народных социалистов), К.Юренев (от межрайонцев), Стучка и Козловский (от латышской с.-д.).

На первом Всероссийском совещании Советов в последних числах марта Петроградский Совет пополнился представителями страны. Вот его бюро Исполкома: Анисимов, Бинасик, Богданов (Оленич), Брамсон, Войтинский, Гвоздев, Гольденберг, Гоц, Дан, Завадьев, Зензинов, Либер, Семенов, Скобелев, Соколов, Сомов, Станкевич, Стеклов (Нахамкес), Суханов (Гиммер), Филиповский, Чернов, Чхеидзе, Шапиро, Эрлих. Все профессиональные социалисты, давние партийные функционеры.

Большинство из них были циммервальдистами, т.е. выступали против империалистической войны, требовали немедленного мира без аннексий и контрибуций. Оборончество настолько не пользовалось популярностью в их среде, что когда 2 апреля вернувшийся из эмиграции Плеханов посетил заседание ИК, то его встретили холодно даже его бывшие ученики и соратники по РСДРП: ведь он стоял на позициях войны с Германией до победы, на позициях защиты России от нашествия. Совсем иное дело встреча вернувшегося 19 марта из ссылки лидера социалистов П Государственной Думы И.Церетели и 29 марта – бабушки русской революции Е.Брешко-Брешковской: это были торжественные встречи, праздники, всеобщее ликование; и те подчеркивали необходимость быстрого окончания войны.

Разумеется, социалисты были догматиками и не предлагали никакой конструктивной процедуры заключения мира. Один предлагал немедленно остановить военные действия, на определенном расстоянии от линии фронта по обе стороны провести выборы, предложив населению присоединиться к тем или этим, – и на том закончить войну (член РСДРП(м)). Другие даже до такой степени “конкретности” не додумывались, ограничиваясь **требованиями** к Временному правительству “отказаться от захватнической войны”. Большевики, например, настаивали на опубликовании тайных договоров, вообразая, что там будет нечто вроде “Парижских тайн” (когда позже договоры были опубликованы, то ничего сенсационного в них не нашлось). Реальное воздействие интернационалистической позиции социалистов сказалось в том, что многие полки отказывались переходить в наступление, отождествляя стратегическое наступление с политикой захватов¹. Большой же частью социалисты просто были уверены, что как только народы всего мира узнают про благородные устремления русской революции, провозгласившей отказ от захватов чужой территории, так немедленно эти народы потребуют того же самого и от своих правительств, и мировая война закончится всеобщим братанием (с, разумеется, непременно

¹ Впрочем, неясно, что сыграло большую роль: пропаганда или ухудшившееся продовольствие. Ведь у правительства не было сил заставить крестьян продавать хлеб для армии, а с голодными солдатами не навоюешь.

затем переходом к мировому социализму). Забавно, что такие мессианские настроения, хотя и без социалистической окраски, разделял даже премьер-министр “буржуазного” Временного правительства славянофил князь Львов.

Итак, резюмируем положение в Петрограде. Полное отсутствие общественного порядка при абсолютном отсутствии посягательств на этот порядок со стороны официальных властей и постоянном нарушении этого порядка солдатами петроградского гарнизона. Бессилие центральной власти. Единственный авторитет сохраняется за профессиональными социалистами-партийцами, хотя те не желают брать на себя власть-ответственность.

В это время в Петроград прибывает Ленин.

Уже к моменту его прибытия в Петрограде было немало большевиков. Еще 15 марта прибыли К.Сталин-И.Джугашвили, Ю.Каменев-Л.Розенфельд, Муранов, которые потеснили Шляпникова и Богдатева, руководивших до того Петроградским комитетом РСДРП(б) и “Правдой”. Они прибыли в неудачное время: с 11 марта Временное правительство начало публиковать списки агентов-provokаторов, а таких оказалось крайне много среди видных большевиков-питерцев: депутат III Думы Шурканов, редактор “Правды” Черномазов, член ЦК и председатель думской фракции большевиков Малиновский и другие. Поэтому мальчишек-разносчиков, продававших “Правду”, едва ли не били на Невском проспекте. К тому же уровень политического сознания и Шляпникова и Богдатева был катастрофически низким (судя по мемуарам Шляпникова его платформа сводилась к тому, что “надо прогнать капиталистов и пусть они нам зарплату повысят в пять раз”; неплохо облик Шляпникова описан в подлой книжонке Холопова “Грозный год”), и они совершали одну бестактность за другой.

Более деловые Муранов, Сталин и Каменев резко изменили курс “Правды”, приспособив ее к общественному мнению, и травля “Правды” и большевиков прекратилась. К началу апреля вся Петроградская и вся Выборгская сторона Петрограда фактически принадлежали большевикам совместно с анархистами и межрайонцами; достаточно сказать, что в этих районах за “черносотенную агитацию” на улицах арестовывали и приводили в милицейский участок. В распоряже-

нии большевиков было несколько частей петроградского гарнизона, хотя, впрочем, рабочих у них было мало. Кронштадт находился в руках анархистов (Блейхман, Н.Коган), с которыми блокировались будущие левые большевики (Роспаль, Раскольников). По телеграмме о приезде Н.Ленина из Кронштадта прибыли матросы, на Финляндский вокзал явились руководимые большевиками воинские части и, после стандартных приветственных речей (в это время только и делали, что торжественно встречали¹ политэмигрантов), отнюдь не стандартно броневик с вождем политической партии двинулся ко дворцу Кшесинской (бывшей любовницы Николая II, потом его двоюродного брата Андрея, балерины и, по тогдашним слухам, немецкой шпионки), где обосновались большевики (они захватили также Петропавловскую крепость, а анархисты – дачу Дурново на Полюстровской набережной).

Ленин умел держать себя. Он не злоупотреблял выступлениями, дабы не примелькаться публике; к тому же у него был некоторый дефект речи, который нам известен как “картавость”. Обычно он писал тезисы и передовые для “Правды”, а с речами на эти темы выступал вернувшийся с ним Г.Зиновьев, блестящий оратор, мастерски владевший толпой и ее настроениями. Ленин появлялся изредка и всегда в несколько необычной обстановке “выхода”, что производило впечатление. Ленин шел “против течения”, дабы не затеряться в нем и не стать “одним из многих”; поэтому он занимал крайнюю позицию, так, что все были вынуждены говорить о нем, т.е. помнить о нем и считаться с ним. Однако он не перегибал палку и умел отступать. Так, когда через несколько дней после его приезда началась травля большевиков (Например, матросы II Балтийского экипажа, бывшие в почетном карауле на Финляндском вокзале для встречи Ленина, вынесли постановление, в котором говорили, что приветствовали Ленина как

выдающегося общественного деятеля, оказавшего услуги русскому революционному движению. Теперь же, узнав, каким путем Ленин прибыл в Россию, мы выражаем сожаление по поводу уча-

¹ Впрочем, для Ленина все во встрече было неожиданностью: он опасался, что его со спутниками арестуют, едва они сойдут на перрон, и сговаривался в поезде из Финляндии относительно будущих показаний на следствии.

ствия в торжественной встрече. Если бы в момент нашего пребывания при его встрече на вокзале, мы знали, каким путем он к нам попал, то вместо восторженных криков “ура” раздались бы наши негодующие возгласы: “Долой! Назад в ту страну, через которую ты к нам приехал!”

Состоялась демонстрация инвалидов войны с лозунгами: “Верните Ленина Вильгельму!” и т.п.), то Ленин быстро переориентировался, заговорил умереннее и добился того, что за него начали заступаться деятели “советской демократии” (так именовались вожди Совета) – как пусть за ошибающегося, но своего политического деятеля. Ленин умел держаться так, что у большинства Совета складывалось впечатление, что он – обыкновенный социал-демократ, который отличается, разве, большей решительностью и фанатичностью, но и только.

Ленин же был гениальный политик. Он совершенно точно знал, чего он хочет: **взятия власти**. Он знал также тех, кто имел реальное значение на совдеповской арене: все они были либо его товарищами по РСДРП либо хорошо известными соперниками по ПСР. Поэтому прежде всего он выдвинул то общее, что его объединяло с этими деятелями: неприятие КДП, которую он стал честить как “явно контрреволюционную и монархическую”, нисколько не стесняясь тем, что мартовский съезд к.-д. принял программу, в которой черным по белому было написано, что КДП стоит за **республиканский** образ правления. Ведь для марксистов есть чудесный способ обзывать черное – белым. Для этого достаточно сказать, что черное “объективно является белым”, что “по своей классовой природе черное служит белому” или т.п. И эти непроверяемые заклинания не подвергаются сомнению в среде марксистов, по крайней мере до тех пор, пока очередной марксист не зачисляется в ряды “объективно способствующих буржуазным интересам”. И Ленин избрал в качестве мишени КДП.

И уже очень скоро объединенное давление социалистов-интернационалистов нанесло сокрушительное поражение к.-д. партии: в конце апреля оба лидера КДП – Гучков и Милюков – вынуждены были подать в отставку. 6 мая было провозглашено новое (коалиционное) правительство: премьер – кн. Львов, военный и морской министр – Керенский (теперь уже и официально признан съездом ПСР как с.-р., хотя Чернов его люто ненавидел), юстиции – П.Н.Переверзев (беспартийный

с.-р.), иностранных дел – М.И.Терещенко (беспартийный, но левый), путей сообщения – Некрасов (левый к.-д., рассорившийся с прочей партией к.-д.), торговли и промышленности – А.И.Коновалов (прогрессист), народного просвещения – А.А.Мануйлов (к.-д.), финансов – А.И.Шингарев (к.-д.), земледелия – В.М.Чернов (с.-р., центр), почт и телеграфа – И.Г.Церетели (РСДРП(м), левый), труда – М.И.Скобелев¹, продовольствия – А.В.Пешехонов (н.с.), государственного призрения (“страхования”, “собес”) – кн. В.Н.Шаховской (к.-д.), обер-прокурор Св. Синода – В.Н.Львов (октябрист), государственный контролер – И.В.Годнев (октябрист).

В апреле случилось еще много красочных событий. Пытаясь вернуться из эмиграции, с.-р. террорист Карпович пробирался на частном пароходе; его торпедировала немецкая подводная лодка. Известие об этом почти совпало с приездом Ленина, Зиновьева, Мартова и послужило контрастом: **так** поступают патриоты. В те же дни пришла телеграмма из Канады: английское правительство арестовало Троцкого-Бронштейна, который собирался вернуться в Россию. Буря возмущения окончилась торжественным приездом Троцкого и других 5 мая, причем Троцкий немедленно помчался в оппозиционный Кронштадт и стал на всех митингах призывать кронштадтцев не подчиняться не только правительству, но и Петроградскому Совету, и создать свой, ото всех независимый Совет. Кронштадтцы послушались, и Троцкий встал во главе вооруженной матросской республики. 8 апреля торжественно вернулись вожди ПСР: Авксентьев, Аргунов, Бунаков-Фундаминский, Лебедев, Моисеенко, Савинков, Чернов, Шрейдер, которых опять же сверхторжественно встречали на Финляндском вокзале. 20 апреля была опубликована вполне деловая нота министра иностранных дел Милюкова к союзникам, объясняющая им официально цели русской революции, но интернационалистически настроенным социалистам Совета она показалась империалистской, наглой, капиталистической и т.п. 21 апреля независимо Ф.Ф.Линде (беспартийный, проникшийся большевистскими лозунгами) и вождем Петроградского

¹ Номинально он числился меньшевиком в РСДРП, но есть основания думать, что это было энтристское делегирование его от межрайонцев (Троцкого), а позже от объединенных большевиков. Только в 1922 раскрыл он свою большевистскую принадлежность.

комитета большевиков Богдатыев привели войска свергать Временное правительство (находившееся тогда в Марининском дворце). Попытка провалилась, потому что к.-д. вывели на контрдемонстрацию своих приверженцев под зелеными знаменами, а тогда еще не очень ревностно стреляли друг в друга (хотя уже постреливали; кажется, было убито 5 человек, что всех шокировало). Линде¹ был изгнан своим полком на фронт в составе маршевой роты. От Богдатыева Ленин и Каменев отrekliсь, и он исчез с политической арены Петрограда². Но, как я упоминал, и Милюкову пришлось уйти.

На фронте русские войска потерпели поражение, пришлось отступить. Социалисты винули офицеров и генералов, те – социалистов, подрывавших армейскую дисциплину. Но и те и другие забывали, что во время войны всегда бывают и поражения, и придавали локальному событию **принципальный** характер. Начались переговоры социалистов нескольких стран относительно заключения мира. Немецкая социал-демократия в рейхстаге отказалась голосовать за военные кредиты, что русские революционеры отнесли за счет завоеваний русской революции. Союзники на Западном фронте начали было наступление, согласованное заранее с российским главнокомандованием, но русская армия его не поддержала. Напротив, она фактически прекратила боевые действия, немцы сняли несколько дивизий с Восточного фронта и остановили англо-французское наступление, в котором приняли участие и американские войска и только что придуманные Черчиллем танки. На весь мир прозвучали “условия Вильсона” – принципы, которые провозглашают США, вступая в войну против Германии. Эти принципы настолько благородны, возвышенны и красивы, что выбили, фактически, у социалистов всю почву из-под ног в деле мирной пропаганды. Ибо они сохранили все, что было в социалистических интернационалистических требованиях общечеловеческого:

¹ Месяца через три Линде отошел от большевиков и был убит, довольно случайно, когда по поручению правительства Керенского уговаривал солдат не бросать фронт. В нем погиб незаурядный математик, о коем с похвалой отзывался сам Пеано.

² Хотя Богдатыев до тридцатых годов оставался большевиком, заметных постов он больше не занимал.

воюем за то, чтобы эта война стала последней. За самоопределение всех наций. За демократию. За свободу. Против милитаризма. За разоружение, —

но не повторяли специфического:

перерастание империалистической войны в гражданскую. Мировая социалистическая революция. Наказание буржуазии, развязавшей бойню.

Впрочем, социалисты, кажется, ни в одной стране не заметили, что Вильсон выбил у них почву из-под ног.

§4. Большевики от марта до июля

Персоналии; четыре “плюса” антивоенной линии; гениальный политический фехтовальщик; самое главное в ленинизме; социальная база большевиков.

К дате падения царизма большевики не были полностью пренебрежимой политической величиной в России и Петрограде, хотя в большинстве общегосударственных решений считаться с ними не было нужды. Ни царь с Протопоповым, готовя роспуск Думы, не принимали во внимание большевиков, ни Комитет Государственной Думы с Бюро Исполкома Совета, формируя правительство, не отводили большевикам в нем места. Мы уже писали (кн.2 §5), что большевики были лишь одним из осколков-фракций в РСДРП, коих насчитывалось до десятка, а сама РСДРП в целом была малозначимой партией, менее значимой, нежели даже трудовики, не говоря уже про КДП. Да и сами по себе они отнюдь не составляли “единую партию-армию”, раздирались разногласиями, взаимными подозрениями, зачастую не имели связи между своими организациями. Но все-таки большевики имели свою газету, а это делало их не нулем. В Февральские дни отдельные большевики, конечно, суежились, но однако не попали в число вождей, даже просто заметного следа своего участия как партии, а не как лиц, не оставили — Революция вершилась без них, словно бы их не существовало.

После Революции в Петроград съехалось большевиков побольше, нежели этот бедный город мог выдержать. Вот некоторые из наиболее активных в Петрограде в 1917, ограничимся теми, кто входил в ЦК РСДРП(б) в 1917 г.

Берзин Я., Бубнов, Бухарин, Глебов-Авиллов, Джапаридзе, Дзержинский, Зиновьев, Иоффе, Каменев, Киселев, Коллонтай, Крестинский, Ломов, Милютин, Ногин, Преображенский, Рыков, Свердлов, Сергеев, Скрыпник, Смилга, Сокольников, Сталин, Стасова, Теодорович, Троцкий, Урицкий, Федрово, Шаумян, Яковлева.

После нескольких недель большевизского тыкания наугад с экстремистскими лозунгами (чего стоит хотя бы первый призыв: “Никакой поддержки Временному правительству!” — под которым и Николай II подписался бы, не будь он брезглив), после обсуждения волнующих их проблем на двух конференциях (советские историографы смазывают их в одну, “апрельскую конференцию”) — большевики вышли на дорогу, приведшую их к взятию власти. Именно, своей главной целью они провозгласили “борьбу за мир”. Нет, в день приезда Ленина с броневика экстремистски закончил свою речугу (вполне в стиле Валерии Новодворской) призывом “Да здравствует мировая революция!” Но это — в эмпиреях, а на деле большевики стали целенаправленно и неустанно подрывать военную, оборонную мощь России. Эта линия была выигрышной в четырех отношениях.

Во-первых, она позволяла большевикам находить общий язык с дезертирски настроенным петроградским гарнизоном запасников, самой значимой силой в столице. Те боялись, что их пошлют на фронт. Поэтому любые речи против войны, против фронта, против дисциплины — как бальзам втекали в их уши. Сопутствовавшая классовая демагогия, социалистическая терминология и пр. ни к чему не обязывали, так что и не отталкивали. И сразу вслед за тем, как Керенский приказал петроградскому гарнизону двинуться на фронт — сменить отводимые на отдых части, приказал “Авроре” выйти на театр боевых действий, — правительство Керенского пало.

Во-вторых, антивоенный курс большевиков резко противопоставлял их кадетской позиции. Те, в блоке с левыми октябристами, фактически составили первое революционное

правительство России. В него входили в основном деловые люди, серьезно вникшие в текущие потребности. Обладавшие определенным ореолом борьбы против царизма. Если это правительство достигнет ощутимых успехов, авторитет его закрепится, прочие партии задвинутся в тень. Нельзя дать этому правительству шансов. Вдумчивые политики видели, что Центральные Державы на грани поражения. Новый император Австро-Венгрии уже завязал секретные переговоры с Антантой о сепаратном мире. Пруссия голодала, а прусская армия должна была за двоих отбиваться на трех фронтах. Америка бросила свои силы на стороне Антанты. Было ясно, что совместный нажим в марте-мае 1917 г. с трех сторон заставит Пруссию сдаться (может быть, не на капитуляцию, но на мир с отступлением). Победа была зрима, и КДП все ставила на эту карту. Но если эта карта победит, то кому в России будут нужны большевики? Кому в мире будут нужны социалисты, коль скоро мир достигнут без них? Поэтому борьба за мир по-социалистически (т.е. убеждая солдат не воевать на фронте, а запасников — не двигаться на фронт) делалась обязательной. И, как мы видели, она принесла плоды уже в апреле, приведя к уходу двух столпов правительства (Милюкова и Гучкова).

Тут большевики выступали единым фронтом с другими с.-д. и частично даже с с.-р. Ведь “Циммервальд” с его антивоенной платформой стал общим местом большинства социалистов. В этом смысле большевики ничем не отличались, разве лишь настырностью и крикливостью. Поэтому — и это третий аспект — ведя антивоенную пропаганду, большевики могли рассчитывать на то, что большинство Совета их не осудит, а даже прикроет от правительственного гнева.

Ведь Ильич не говорил, как пять лет спустя Муссолини: “Наша программа простая — мы хотим власти”. Нет, он формулировал так, что интеллигенту, от природы бескорыстному и борющемуся во имя интересов других людей, во имя принципов и идей, было не стыдно слушать: “Основной вопрос революции — это вопрос о власти”. Эсдеки и даже многие эсеры не имели что возразить.

Наконец, принятие большевиками антивоенного курса; линии на разложение действующей армии; установок, поро-

чащих государственных деятелей, стоящих за победу в войне, — это открывало дорогу к финансированию большевистской деятельности. Ведь политика стоит больших денег. Откуда взять их захудалой партии? Листовки, организация митингов и демонстраций, разъезды, газеты, жизнеобеспечение функционеров... Немецкий генеральный штаб проектировал не только военную стратегию, он занимался и политической стратегией. После нескольких дней растерянности, когда немцы призывали солдат с фронта спешить спасать царя-батюшку, они перестроились и кинулись поддерживать антивоенные течения в России. На финансирование петроградской газеты “Правда” через прусский генштаб отпущено в апреле-ноябре 1917 года 400 000 марок (что в 30 раз больше, чем весь бюджет ЦК РСДРП(б) на 1912 год) — бесстрастно сообщают сохранившиеся аккуратные немецкие архивы. Немцы спустили приказ “проводить братания” немцев с русскими на передовой. На все готовы Людендорф с Гинденбургом, дабы удержать в бездействии огромный Восточный фронт, дабы можно было все силы бросить на Западный фронт (Южный их меньше беспокоил из-за неумения итальянцев воевать). Немецкая пресса (вся подчиненная строжайшей имперской цензуре) весь 1917 помещала исключительно благожелательные большевикам статьи. При попустительстве лагерных властей из Германии бежали в Россию военнопленные, примкнувшие к большевикам. И большевики через Ганецкого-Фюрстенберга охотно принимали деньги. Разумеется, в строжайшей тайне. Другие источники финансирования большевистской партии в 1917 г. неизвестны.

Ульянов-Ленин, который в эту пору обретал новое имя “Ильич”, был “гениальным политическим фехтовальщиком” (В.М.Чернов), “он был, как выпад на рапире” (Б.Л.Пастернак). Он по-наполеоновски понимал, что вовсе не следует задаваться целью быть “вообще” сильнее противника. Нет, нужно быть сильнее противника на месте боя и во время боя, а и место и время надо выбирать самому, навязывать их противнику, расчлняя, если требуется, его силы. Мастерски отразить политический выпад (здесь, сейчас, а не “перед лицом вечности”); распознать слабину оппонента и (здесь, сейчас) поразить его, устранив с арены на те несколько минут-дней, пока продвинушь дальше; находить себе союзников в

борьбе против главного врага. Особенно последнее. Собственно, весь ленинизм сводится к искусству находить себе доступного уничтожению **главного врага**, к мастерству объединяться с союзниками в борьбе против этого главного врага и к быстрой переаранжировке прежних “союзников” после низвержения прежнего главного врага с назначением нового главного врага и новых союзников¹. При этом:

Ленинизм — это такое владение мастерством политического искусства, которое можно уподобить мышечному чувству у профессионального слесаря или скрипача. (Л.Д.Троцкий).

Этим-то Ильич и притягивал к себе сотрудничавших с ним партийцев. Тем более, что к апрелю 1917 г. он заметно вырос как политик. Он научился **сотрудничать**, а не только командовать. Десятилетиями был он известен в с.-д. движении как **раскольник**. От “Союза Борьбы” через II съезд РСДРП и “Искру” до Пражской конференции и наказов Инессе Арманд на предполагавшейся в Брюсселе в 1914 конференции — всюду он срывал деятельность организации, лишь только оказывался в меньшинстве. Он уводил своих сторонников, раскалывая сложившиеся структуры и создавая фракцию во главе с собой, непременно собой. Весной же 1917 он вел себя

¹ Логически мыслящие читатели недоуменно пожмут плечами: “Зачем нужна такая нескончаемая война? Этаким политический *perpetuum mobile*? Ведь есть какие-то истинные цели, которых жаждет достичь ленинизм, после чего вековая борьба классов прекращается и воцаряется царство свободы?!” Нет. Как объяснялось в кн. 1 и повторялось в кн. 2, российская с.-д. пребывала в мире фикций, практически ни в чем не отвечавшем реальностям жизни. Самодостаточном, замкнутом в себе мире фикций. Реальность мешала торжеству фикций. Некоторые, не избавившиеся от реалистического чувствования (вроде Кричевского или, в Германии, Эдуарда Бернштейна), искали, как согласовать фикции с реальностью. Другие, еще ощущавшие “вечное небо над нами и моральный императив внутри нас” (вроде Ванновского), искали умереть в классовых битвах на баррикадах. А наиболее интеллектуально смелые, ставшие “по ту сторону добра и зла”, не оставившие в себе “ни грана нравственности”, — те понимали, что весь мир, вся реальность это наши враги. И из этих врагов надо уметь выбирать главного в данный момент. И так до тех пор, пока Великие Фикции не одолеют презренную реальность. Т.е., практически, — вечно.

по-иному. Вернувшись из Швейцарии и наткнувшись на противостояние своим завиральным идеям со стороны российских большевиков во главе с Каменевым и Сталиным², он не начал клеймить несогласных, не пустился создавать собственную с Зиновьевым фракцию истинных большевиков; словом, повел себя “не по-ленински”. Напротив, он смягчил свои формулировки, вошел вместе с Каменевым и Сталиным в общий ЦК, подчеркнул на конференции нарочито свое единение с т. Каменевым.

Воля к сотрудничеству этим не исчерпалась. Троцкий, фанатик идеи объединения РСДРП, в первые же дни возвращения созвал ряд с.-д. деятелей с предложением объединиться. И Ленин согласился участвовать в этой встрече, хотя уж как они с Троцким друг дружку только ни поливали! И встреча не завершилась разрывом, хотя и не было достигнуто никакого соглашения о слиянии. Урицкий, Юренев и другие межрайонцы активизировали сотрудничество — и Ильич поддавался. Так что уже в июле произошло полное объединение троцкистов и ленинцев. Этим слиянием партия заметно преобразилась и усилилась: межрайонцы представляли собой интеллектуальную элиту в с.-д., кипучая энергия Троцкого заражала массу деятелей помельче, консолидация усилий взамен распръ помогала достижению цели.

Особенно значимым было это объединение для сибирских организаций, где с.-д. никак не умели уразуметь причин раскола, но будучи лишенными возможности входить в общесоциал-демократическую местную организацию, вынуждены были по случайным признакам входить во фракцию большевиков, или межрайонцев, или др. Но полемическую литера-

² Подспудная суть разногласий такова. Каменев и Сталин видели вполне реальную возможность Ленину и себе войти в правительство через Совет (например, как Чернов, вскоре ставший министром, а Савинков — замминистра). Урвать, так сказать, что можно. Ильич же, мечтая о всей полноте власти, с птичьего полета (“Ильич — это горный орел”, — И.В.Сталин) обозревал необходимость сейчас не входить в правительство, не компрометировать себя его неудачами; предвидел необходимость сокрушить кадетов (и, может быть, уже предчувствовал, что придется низвергать “братев-социалистов”). Такой рискованный, авантюрой пахнувший курс пугал российских большевиков, лучше Ленина знавших бессилие и ничтожность своей партии.

туру распространять они не желали (фракции же навязывали исключительно полемическую), потому ничего не делали. С объединением нескольких фракций они вздохнули свободнее и принялись за работу.

Облегчал достижение Цели (и возвышал в собственных глазах, хотя очень многие читатели не захотят этого понять) тот факт, что большевики в массе своей стояли **над** общечеловеческой моралью. Выше буржуазных, мещанских нравственных предрассудков и норм. “Lex revolution — suprema lex”, — учил еще до 1905 г. Плеханов. “Наша нравственность выводится из интересов пролетариата”, — а кто, как не мы, знаем истинные интересы пролетариата, бедного и несознательного, то и дело сбивающегося с истинного пути то на дорогу Гапона, то на тропы Керенского?! Но мы знаем настоящие его интересы и из них выводим свою нравственность (включая будущие расстрелы тех рабочих, которые ступили на ложный путь). Здесь, мне кажется, фундаментально важна цитата из Ленина, заботливо игнорируемая сов. историографами:

Неужели трудно понять, что **долг** партии, скрывшей от врага **свое** решение о необходимости вооруженного восстания, **обязывает** при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого.

Ну, казенные историографы не анализировали сего изречения по внешне убедительной причине: посредством процитированного тезиса Ленин оправдывает Троцкого, а куда сунешься с таким оправданием в сталинско-брежневское время? Однако цитата содержит поболее. Автор убежден, что лгать можно. Что лгать в важных случаях просто обязательно надо. Только политически неграмотные дети не солгали бы. Это изречение должно бы быть предпослано всякому собранию его сочинений. И при чтении каждой статьи историограф должен задаваться вопросом: по важному ли поводу написана статья? Если да, то в ней, согласно руководящему указанию, все факты могут и должны быть перевернуты с ног на голову. В интересах того важного дела, ради победы коего сочинена статья. Все насквозь лживо, ибо слово используется не ради названия факта, не как средство взаимопонимания, а как инструмент прямого обмана.

И, конечно, автора не заботит, что противник будет оболган и оклеветан (ведь ни “вины”, ни “почина” у противника на

самом деле нет!). Только дети могли бы не понять, что надо клеветать на врага.

Он к товарищу милел людскою лаской, он к врагу вставал железа тверже, —

восхищался поэт. Ну, а где грань, отделяющая товарища от врага... Вот Мартов с 1903 не мог простить Ульянову, что тот применил против него приемчики, допустимые только с врагами, а не с товарищами по партии. Впрочем, сие отдельная тема.

Конечно, как мы писали в кн.2, тут он был не одинок. И Каменев восхищался учением Маккиавели, и сам он обосновывал (для узкого круга) те-иные акции ссылками на этого автора. И компания была в этом смысле своя.

Еще в довоенные годы Троцкий гениально сформулировал главное в Ульянове: “Профессиональный эксплуататор отсталости в российском рабочем движении”. Ну, эпитет “рабочее” эсдеки клеили почем попадая, так что вычеркнем это словечко. Но остальное схвачено метко. Именно отсталость — отсутствие культуры, неразвитость, легковёрность, зависть, переменчивость настроений — стала питательной почвой для большевизма в 1917 г. Тут стоит вспомнить, что в 1917-18 гг. “большевиками” сплошь да рядом называли вовсе не членов партии РСДРП(б), а многих, крикливо воспринявших те или другие большевистские лозунги. Противники социализма не вникали в тонкости партийных и фракционных расхождений, а честили “большевизанами” (в смысле “экстремистами”) подряд всех громко орущих. И действительно, такие активные элементы (гимназисты, люмпен-пролетарии, дезертиры, позже пьянчуги-крестьяне) послужили подножкой, оперевшись на которую партийные большевики поднялись на ступеньку-другую по лестнице власти. Каким образом обращался к ним Ильич? Стремился ли он повысить уровень их сознания или же апеллировал к их невежеству? Вот что он писал в книге “Государство и революция” в августе 1917; вникните в “великие идеи”. В прошлом параграфе я останавливался на общесоциалистических и специфично-российских воззрениях на природу государства, иллюстрируя их кропоткинским определением: “Государство есть союз попа, солдата и палача”. Но у Ленина было еще проще.

Государство... это сила, состоящая, главным образом, в особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Государство есть особая сила подавления.

Задача состоит в “уничтожении паразита-государства” и в решении вопроса “кто кого имеет возможность отправить в тюрьму”. (Как хорошо просматривается отсюда Архипелаг Гулаг!)

О, Ленин, конечно, слышал про то, что необходимость существования государства многими объясняется усложнением общественной жизни, дифференциацией функций в обществе. И в своем классическом труде “Государство и революция” гл. I, § 2 он по-марксистски раздвигается с этим возражением:

так думает западно-европейский и русский филистер, такая ссылка кажется “научной” и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы, —

а в гл. III, § 3 добавляет:

Капитализм упрощает функции государственного управления, а потому эти простые функции государственного управления уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще.

Конечно же, все просто, крайне просто! Куда как просто! Достаточно почитать современные милицмейские романы-детективы, чтобы понять “как проста” одна лишь функция поддержания общественного порядка... Но, как всегда, Ленина не интересует ни народ, ни крестьяне, ни горожане, ни пролетарии, ни буржуазия. Его интересует полемика. И не сама по себе, а с целью нейтрализовать, вывести из строя возможного конкурента в борьбе за особые отряды вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Таким конкурентом в августе месяце были уже не кадеты, а умеренные социалисты. Поэтому Ленин и клеймит западных социал-реформистов. Потому он и поворачивается — не только лицом, но всем туловищем — к анархистам. Ведь анархизм свил себе гнездо посреди вооруженных масс: солдат и особенно матросов. Этим неграмотным людям важно внушить, что ничего сложного делать не придется: разок поднажать, разрушить, и наступит рай. Главное, идите за нами, мы по-

науке установили, что вы правы и вам принадлежит будущее! Сталин добродушно вспоминал лет через 10:

В 1919 г., когда Красная армия брала Одессу, среди красноармейцев были такие, которые знали, что всю войну развязала и подерживает какая-то “Антанта”. И они бегали по городу и кричали: “Покажите нам эту антанту! Где она прячется? Мы ее сразу прикончим и наступит мир и социализм”.

Да, именно на такой уровень сознания и опирался Ильич.

Рабочие не шли за большевиками. Ни разу большевикам не удалось в 1917 г. собрать под свои знамена сотню тысяч рабочих, как собрал в 1905 г. Гапон. И в дни свержения Керенского пролетариат не поддержал большевиков ни демонстрациями ни забастовками — как поддержали рабочие свержение царя. Ничего, большевики обошлись без рабочих (они назвали правительство Ленина-Троцкого “рабоче-крестьянским правительством”, на этом роль рабочих закончилась). Но за счет выбора удачной социальной базы, за счет внешнего финансирования, за счет своей энергии, за счет объединения враждовавших до того фракций — большевики резко усилили свое влияние в Петрограде, в Балтфлоте, в Москве и ряде других городов России. У них появилось множество газет, их листовки реяли повсюду, их связные разъезжали по всей стране, в целом ряде солдатских комитетов большевики оказались в руководстве (хотя тут чаще не партийцы-большевики, а большевистствующие беспартийные). Словом, РСДРП(б) стала весьма заметной и значимой политической силой, в первую очередь в столице.

§5. Разгром Корнилова

Виктор Чернов и развал фронта; земельный вопрос; попытка переворота 3-7 июля; как Ленин отрицал связь с немцами; съезды и государственные совещания; Корнилов как личность и как миф; Керенский провоцирует выступление Корнилова; отставка Савинкова; триумфальное возвращение большевиков; оставшиеся на политической доске фигуры.

В мае-июне события развивались в том же духе, что в апреле. Одно переходило в другое, некогда было остановиться, задуматься. Разруха росла. Но тех, кто требовал введения дисциплины на заводах и на фронте для поддержания хозяйства, кто пытался препятствовать безбилетному проезду солдат в поездах, — тех социалисты клеймили реакционерами. Покачнулось стабильное положение российских финансов: пришлось выпустить “заем свободы”, потом произвести эмиссию денежных знаков (“керенки”). Крестьянство вдруг осознало, что оно разорилось. “Селянский министр” Чернов заговорил о переделе земли, был отменен запрет на куплю-продажу земельных участков, введенный царским правительством в начале войны, и крестьяне из армии ринулись домой, дабы их не обделили. По дороге многие из дезертиров заглядывали в Петроград, так что хаос в нем усиливался.

Да, хотя курс на антивоенную пропаганду был принят большевиками (и подкреплялся германским финансированием), решающий удар по фронту, удар, разваливший армию, нанес не большевик, а другой циммервальдист, с.-р. Чернов, который (как и его партия) никогда ни пфеннинга от немцев не взял. Ибо “закон” (юридически это был не закон, а постановление министерства, но где уследить такие тонкости) о предстоящем переделе земли, о грядущем отнятии усадеб у бар, “закон”, сопровождающийся рисунками в газетах: крестьянин стоит у себя во дворе на **одной** ноге, потому что ему вторую ногу **поставить некуда** (именно так выразился Виктор Михайлович, публикуя свой “закон”), — неизбежно всколыхнул всех крестьян в армии, т.е. существенно больше половины ее рядового состава. Мы, радуясь или ругаясь по поводу Октября, забываем как-то, что в 1917 в России действовали и другие — гораздо более внушительные, чем большевики — политические силы. Кроме упомянутой в предыдущем параграфе КДП такими была ПСР и был офицерский корпус (о нем речь далее). Из борьбы, столкновения, игры этих сил и родилась та ситуация, которая позволила слабой и сектантской партии РСДРП(б) захватить власть в Петрограде. И нужно воздать должное **всем**. Пришел черед В.М.Чернова.

Начав свою революционную деятельность в 1893, он участвовал в создании Партии Народного Права (кн.1, §11), затем через создание Аграрно-социалистической Лиги он сделался

одним из основателей Партии социалистов-революционеров (кн.1, §12) и после смерти М.Гоца в 1906 стал бесспорным вождем ПСР; одно время он делил лидерство со Слетовым, но тот был убит в 1915 на фронте, воюя на стороне французской армии. В 1917 Чернову приходилось делить лидерство в ПСР с Авксентьевым, бывшим в 1905 г. председателем Петербургского Совета Рабочих Депутатов (но в придачу к этой славе не отмеченному особыми талантами), и с Керенским, этим “выскачкой” и “ненастоящим социалистом”. Чернов вырос на писаниях Чернышевского и — что здесь существенно — раз навсегда впитал в себя как истину в последней инстанции чернышевский выплеск раздраженной слюны: “Крестьян ограбили при так называемом “освобождении”! У них отняли землю!!” Мы уже писали в §2 кн.1, что это бред. Но Чернов не согласился бы со мной — он верил, что у крестьян отняли землю, что вся земля у помещиков. Конечно, мне надо бы быть поосторожнее, говоря о таких деятелях, со словом “верил”. Верил — или притворялся верящим? Но в отношении Чернова у меня нет прямых улик его лживости, вроде той, что я приводил в предыдущем параграфе, “неужели вам трудно назвать черное белым, если того требует ЦК?” (на сей раз цитата из М.И.Калинина, 1925). И поступал Чернов всю жизнь так, словно он в самом деле этому верил и не знал приводимой ниже статистики. Так что руководствуясь презумпцией невиновности, я пишу “Чернов верил, будто,” а не “Чернов демагогически лгал, будто”. Но коренной для историографии 1917 года вопрос: кто из социалистических деятелей **знал** тогда нижеприводимую статистику и **врал**, будто вся земля у бар, будто можно, отнявши у помещиков землю, дать ее крестьянам, — а кто не знал статистики, не знал, что **нечего отнимать** и в святой наивности науськивал крестьян жечь усадьбы. К решению этого вопроса историография даже не подошла (ни советская, ни американская).

Вот данные сельскохозяйственной переписи 1916 года, где указано, сколько процентов посевных площадей принадлежало крестьянам порайонно:

Центрально-земледельческий район	88% у крестьян
Средне-Волжский	94% у крестьян
Нижне-Волжский	93% у крестьян
Новороссийский (Юг Украины)	88% у крестьян

Юго-Западный (Польша)	73% у крестьян
Малороссийский (Украина)	85% у крестьян
Московско-промышленный	97% у
крестьян	
Белорусский	91% у крестьян
Литовский (без Ковенск. и Гроднен. губ.)	88% у крестьян
Приозерный	94% у крестьян
Прибалтийский (без Курлянд. губ.)	80% у крестьян
Приуральский	100% у крестьян
Северный	99% у крестьян
Закавказье	94% у крестьян
Предкавказье	100% у крестьян
Итого по 47 губ. Европейской России	90% у крестьян
Степной	83% у крестьян
Сибирский и Дальне-Восточный	100% у крестьян

Таким образом, исключая Польшу и Прибалтику, собственно русские, белорусские и украинские крестьяне могли получить прибавку к имеющимся у них площадям (перебив всех помещиков и поделив поровну отнятую у них землю) не более, чем на 10% уже имеющейся земли.

Тем не менее, пропаганда Чернова, Спиридоновой, Ленина была нацелена против помещиков как главных виновников безземелья. Вот возникает проблема для диссертации: знали ли вожди партии с.-р. в 1917 г. эту статистику? Они — Чернов, Спиридонова, Авксентьев, Зензинов, Фундаминский — не могли уже не знать про то, какими методами крестьяне расправляются с помещиками (см. кн. 2). Но цель и стратегия партии определялись ли закостеневшими десятилетиями назад догмами, были ли плодом невежества или сознательной демагогической ложью? Понятно, что другие партии могли состязаться с ними в демагогии, но не ясно, в какой мере другие сознавали, что земли попросту нет, не о чем говорить. Тот факт, что десятилетия спустя Керенский писал, что 9/10 пахотной земли было фактически в руках крестьян, не свидетельствует ни о чем. Вопрос в том, **знал ли он это в 1917 г.?**

Похоже, что все социалистические силы поступали так, словно этой статистики не существовало, словно их знания о

земельном вопросе остановились на сведениях 1861 г., когда “крестьян ограбили при освобождении”, словно у помещиков было море разливанное земли, передел которой мог облагодетельствовать крестьян.

И вот крестьяне — конечно же, не знавшие статистики, но всегда знавшие пример богатой усадьбы рядом со своей деревней — ринулись домой, оголяя фронт. Грустный выбор — “воевать на фронте или грабить усадьбу у себя дома по соседству” (Солженицын) — совершили тогда русские люди. И “за грехи отцов и до седьмого колена”...

Прервемся говорить о земле, вернемся к обзору событий.

18 июня большевики пытаются в одиночку произвести вооруженный переворот под лозунгом “Долой Временное правительство! Вся власть Советам!”, но вовремя усекают, что останутся без поддержки и срочно уводят свои вооруженные части с улиц. Каменев и Сталин изображают невинность на заседании Исполкома: чорт попутал, промашечка вышла. Их критикуют лидеры Совета, но вовсе не так, как они же обрушиваются на кадетов: те — классовые враги, а эти — свои заблуждающиеся пролетарии. Только один еврей Богданов-Оленич жаждет перегрызть горло Ленину, но его осаживают товарищи социал-демократы. Чхеидзе извиняется за вырвавшийся у него в момент поднятия пулеметных дул эпитет в адрес большевиков. (Нет, вдумайтесь только: партия выводит своих сторонников с оружием в руках против власти, а представитель этой власти извиняется перед этой партией за грубое слово, после того, как попытка переворота провалилась! Вот уж бесспорно, что Чхеидзе — продавшийся буржуазии министр-капиталист, с пеленок травивший Ленина!) И произошло гораздо более важное событие: межрайонец К.Юренев выступает в поддержку большевиков в том же заседании. Он, конечно, считает событие несвоевременным и неуместным, но ведь по существу винить-то товарищей не за что...

Через две недели, когда к.-д., уставшие от тех палок в колеса, которые им непрестанно вставляли социалисты из Исполкома Совета (собственно, уже ЦИКа), ушли в отставку, Троцкий и Ленин предпринимают **совместную** попытку взятия власти. Из Кронштадта — этой цитадели Троцкого — прибывают матросы с пулеметами и ружьями (“холостых залпов не давать”). Из Петропавловской крепости выступают боль-

шевики, т.е. ведомые ими солдаты. Они дефилируют мимо дома Кшесинской и двигаются на Невский. Они полны решимости взять власть. Они разграбили 10 магазинов, 4 винных склада и порвали пиджак на Чернове. Их воодушевляют и приветствуют с балкона Кшесинской.

Но ЦИК становится на защиту власти: он вызывает верные правительству войска, и те преграждают дорогу восставшим. Керенский распоряжается развести мосты, и растянувшиеся недисциплинированные отряды мятежников оказываются разрезанными: большая их часть задерживается на Петроградской стороне. Меньшая после перестрелки частично разбегается, а в основном сдается правительству. Оставшиеся на Петроградской стороне два дня волнуются, митингуют, угрожают то правительству на той стороне Невы, то бросившим их вождям по эту сторону (Ленин бежал в самый вечер провала вместе с Зиновьевым). Наконец, 5 июля Сталин официально подписал капитуляцию Петропавловской крепости, дислоцированного там пулеметного полка и других большевистских частей. Правительство разоружило их и насильственно возвратило солдат и матросов в места расположения их частей, т.е. в Кронштадт, на Выборгскую сторону и т.д. Несколько вождей, скомпрометированных их подстрекательскими к мятежу речами, были через несколько дней арестованы: Каменев, Коллонтай и, конечно, Троцкий, “покорившийся насилию при аресте” весьма театрально. Общий итог: 50 убитых, 400 раненых. Сейчас кажется мизерным, а тогда – потрясающим, кошмарным.

Правительство несколько дней утрясало свой состав, который к концу июля выглядел так: премьер, военный и морской министр – Керенский, зампред и финансов – Некрасов, внутренних дел – Авксентьев (с.-р., правый), иностранных – Терещенко, юстиции – А.С.Зарудный (н.с.), просвещения – С.Ф.Ольденбург (к.-д.), торговли и промышленности – С.Н.Прокопович (беспартийный), земледелия – Чернов, почт и телеграфа – А.М.Никитин (меньшевик), продовольствия – Пешехонов, труда – Скобелев, призрения – Ефремов (только что возникшая радикально-демократическая партия), сообщения – П.Н.Юренев (к.-д., не путать с междрайонцем К.К.Юреневым), обер-прокурор – Карташев (к.-д.), госконтролер – Ф.Ф.Кокошкин (к.-д.). Никто не думал в этот момент, что дни

правительства уже сочтены. Напротив, тот шаг Керенского, что он решил ввести смертную казнь за военные преступления на передовой, был расценен всеми как признак твердости и решимости правительства, как залог его прочности.

В эти же дни бывший большевик, ближайший соратник Н.Ленина в 1903-1908 годах Алексинский совместно с бывшим шлиссельбургским узником народовольцем с 1879 В.Панкратовым опубликовал документы относительно связей Ленина с немецкой разведкой. Первым делом Ленин откестился от Ганецкого и Козловского (по версии Алексинского-Панкратова – связанных между немцами и Лениным):

Добавим, что Ганецкий и Козловский оба не большевики... Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики **не** получали. Все это – ложь самая сплошная, самая грубая.

Впутывают коммерческие дела Ганецкого... Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но вообще ни копейки денег ни от одного из названных ни на себя лично, ни на партию не получали.

Впрочем, в том же томе II и III издания собрания сочинений В.И.Ленина, в котором напечатаны эти слова, в именном указателе на имя Ганецкого сообщается, что

Ганецкий на V съезде вошел в состав ЦК... после Февральской революции жил в Стокгольме, поддерживая связь между русскими большевиками и заграничными революционными с.-д. Позднее работал в Наркоминделе. В настоящее время (1931) член коллегии Наркомторга СССР.

Сейчас его биографии добавляют, что через него шло финансирование большевиков, что он – друг семьи Ульяновых и что он – посмертно реабилитирован. Кстати, в протоколах ЦК РСДРП(б) до сих пор не публикуются пункты обсуждения вопроса о Ганецком¹. Документированное обвинение в шпи-

¹ ¹ Еще более странным кажется – на первый взгляд – отречение от Козловского ("Добавим, что Ганецкий и Козловский оба не большевики", а несколькими строками выше слово "большевики" иронически берется в кавычки перед теми же двумя фамилиями). Ведь М.Ю.Козловский не только большевик с момента объединения СДПиЛ с РСДРП, не только представлял интересы Ленина на партийном суде в апреле 1907 (когда обвиняемым был Ленин) – про это, можно предполагать, читатель "Листка Правды" не помнит 6 июля 1917. Но ведь Козловский же

онстве так напугало Ленина, что он стал прятаться, дрожать за свою безопасность и от этого едва не пропустил шанс в Октябрьский переворот и чуть-чуть не остался без власти, но об этом – позже.

В советской (да и американской, см., например, Рабиновича) историографии очень много места отведено описанию выдачи ордера на арест Ленина, обыскам у друга Ленина Бонч-Бруевича на даче и т.п. преследованиям оклеветанных большевиков. А вот поведать читателю, что за несколько часов до санкционирования ордера на арест и обыск Ленина **тот самый** помощник Прокурора республики, которому правительство поручило расследование, нелегально сообщил Бонч-Бруевичу, зная, что у того живет Ленин, про предстоящий ордер, – про это наши историографы читателю ничего не говорят. Однако, сознайтесь, такой фактик вносит в тему “полицейских преследований” некий мотив фарса: бутафорское это было преследование!

Разгром “левых авантюристов”, полная солидарность Петроградского Совета, ЦИКа и Временного правительства в этом отношении, яростная кампания против Ленина всех патристических сил страны – все это резко изменило соотношение политических сил в стране. Только что проходил I Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов, выбравший Центральный Исполнительный комитет (ЦИК),

представлял Ленина и большевиков, когда в мае 1917 тех судили за незаконный захват дворца Кшесинской, официально представлял! Входил от имени большевиков в Петроградский исполком! Входил от большевиков в совещание по выработке Положения об Учредительном Собрании! Как же можно было публично заявлять, будто он – не большевик?! Оказывается – можно. Ведь статья эта – из которой цитаты, появилась в “Листке Правды” **без подписи** и только при издании сочинений Ленина было опубликовано, что ее автор – сам Ленин. К слову, в дальнейшем, поначалу Козловский занял у большевиков значительный пост: первый, до Дзержинского, руководитель Следственной комиссии, творец советской юстиции, потом (с марта 1918) – председатель Малого Совнаркома, которому Ленин поручил проверять законность постановлений всех наркоматов, отменять их решения, самостоятельно решать дела, не загружая СНК. Время от времени его обвиняли во взяточничестве, он занимал все низшие посты, после 1924 его выгнали из ВКПб. Умер он в 1927, некрологи написали Ганецкий и Стучка.

затем – Съезд Советов Крестьянских депутатов, затем – их объединение. Еще по инерции прошли два объединительных съезда РСДРП: первый, протекавший с 26 июля по 3 августа, известен нам под названием – “VI съезд РСДРП(б)”; на нем объединились ленинцы, троцкисты и с.-д. Польши и Литвы. Предполагалось, что с ними объединятся также мартовцы, от их имени на съезде с приветствием выступал Ларин, вступил в партию большевиков Аралов, сам Мартов прислал поощрительное письмо съезду. Однако уж слишком Мартов терпеть не мог Ульянова, к тому же был родственником Дана, сильно враждовавшего с большевиками, так что сам не прибыл. Позже, 1 сентября состоялся другой объединительный съезд РСДРП: еще несколько фракций слились. Но осталось и много ни с кем не соединившихся. К слову, съезд большевиков (с этого момента межрайонцы усвоили себе название “большевики”) происходил вполне легально, правительство его не преследовало. Арестованы были за июльские дни только отдельные (около 10-20 человек) лидеры, а политическая партия как таковая не преследовалась.

Так вот, не эти съезды вносили главные краски в палитру тех дней. Они проходили где-то на периферии общественной жизни. Главное, что затрагивало тогда всех, о чем думали все, было: немецкое наступление на Северном фронте, активизация промышленников Москвы и Государственное совещание в Москве же.

Отступление на фронте, массовое дезертирство и неподчинение приказам на передовой, развал тыла, беженцы из оккупированных немцами областей, полное прекращение практически всякой работы на заводах из-за непрерывного митингования – все это вызвало резкое недовольство генералитета политическим курсом правительства. Обострились столкновения с солдатами: например, матросы Черноморского флота выгнали адмирала Колчака из помещения флотского комитета, куда он явился по их вызову, – выгнали за то, что он явился **при шашке**, ибо, по их мнению, офицер не имеет права приходить к солдатам вооруженным. Он же полагал, что обязан соблюдать форму, а потому предпочел подать в отставку и уехал в США. Подчеркну, что до февраля и даже еще в марте настроение на фронте было скорее спокойное, дисциплина соблюдалась, фронтовики были настроены вое-

вать до победы. Мифом являются утверждения, будто солдаты к февралю устали воевать и жаждали мира. Дофевральское разложение коснулось только офицеров, которые решились нарушить долг присяги и согласились на низложение царя. Солдаты же настроились антивоенно лишь позже. И еще к лету 1917 г. разложение армии не было до конца определенным фактом. Но и того, что было, было достаточно, чтобы боевые офицеры и генералы серьезно обеспокоились.

Эти же явления побудили собраться организаторов производства (инженеры, капиталисты, коммерсанты, профессора-экономисты) для обсуждения: что же это будет? и что нам делать?

Я уже отмечал, что в Москве фабриканты с конца XIX века были сплоченнее и независимее, нежели их петербургские коллеги. В Москве почти не было той яростной анархии, которая царила в Петрограде. Конечно, если сравнивать с тем спокойствием и порядком, какие царят в Москве сегодня, то тогда в Москве был хаос, но я сравниваю с тогдашней столицей. Потому эти самые буржуазные элементы собрались в Москве. Как водится в России, они не осмеливались выставить свои собственные интересы и защищать их, но выступали все в интересах спасения России в целом; мы уже отмечали такую социальную особенность русских.

На совещании прозвучали совершенно сногсшибательные сообщения о состоянии финансов, промышленности, транспорта, продовольственного дела, вооружения, производительности труда и т.п. Разумеется, это было лишь совещание, поговорили и разошлись. Но так как ведущее положение на нем занимали не социалисты, то все социалисты восприняли это совещание как “оживление правых сил”, “попытку контрреволюции поднять голову”. Помимо такого предубеждения, априорной враждебности, тут срабатывало еще то обстоятельство, что выступавшие говорили в стиле хозяйственников, финансистов, озабоченных делом людей, — а эта терминология была искони чужда и непонятна социалистам.

Через несколько дней в той же Москве — а уже это само по себе заставляло настораживаться революционеров в Петрограде: почему в Москве, когда всем известно, что Петроград является колыбелью революции!? — состоялось второе сове-

щение, т.н. Государственное совещание. Уже один его состав ужаснул социалистов:

- от Государственных дум всех 4 созывов – 488 делегатов,
- от Советов и иных общественных органов – 129 делегатов,
- от городских Дум – 129 делегатов (уравнивали с Советами !!),
- от Земств – 118 делегатов,
- от торгово-промышленных и банковских союзов – 150 делегатов,
- от научных организаций – 99 делегатов,
- от армии и флота – 117,
- от духовенства – 24 делегата,
- от национальных организаций – 58 делегатов (потом я разъясню, почему так мало),
- от крестьян – 100 делегатов,
- от кооперации – 313 делегатов,
- от профсоюзов – 179 делегатов.

Сразу видно, что никакой классовый подход к допущению делегатов на Совещание не применялся. Еще более социалисты ужаснулись результатам этого совещания: помимо речей, содержащих самую неприятную фактическую информацию, Совещание избрало Бюро по организации всех общественных сил, в состав которого вошли: Кишкин, Кутлер, Маклаков, Милюков, Новосильцев, Родзянко, Рябушинский, Струве, Шидловский, Шингарев, Шульгин. Все сплошь к.-д. или правее. Единственный с.-д., да и то бывший – Струве, автор Манифеста I съезда РСДРП. Сейчас же это – презренный ренегат-веховец.

А совещание не только консолидировало силы правых. Оно наметило “личность будущего диктатора” – генерала Л.Г.Корнилова.

Патетическая встреча Корнилова на Брянском вокзале, коленопреклоненные купчихи, офицеры, несущие Корнилова на плечах, как пять месяцев назад Петроградский Совет нес Церетели, – все это пугало петроградских социалистов. Власть над общественным мнением ускользала от советской демократии, от социалистов. Все социалисты в свое время изучали историю Великой Французской революции (сколько книг было переведено в России в 1905-10 годах для этой цели!) и знали, что главная опасность, которая грозит **всякой** революции – это военная диктатура, разные там бонапарты.

Глядь-ка, уже на плечах несут доморощенного бонапарта – Корнилова. Кадеты, низвергнутые в июле, эта партия контрреволюции, сейчас восстала из мертвых и заблокировалась с мощной силой – с армией!

Корнилов, конечно, никаким своим боком в бонапарты не годился. Начать с того, что ничего, кроме поражений, он на фронте в бытность свою генералом не видывал. Той самой наполеоновской хватки: сладить, организовать, вовремя подтянуть, перегруппировать, всегда иметь под рукой артиллерию с полным боевым комплектом снарядов, позаботиться о продовольствовании, быть сильнее врага в том месте и тогда, когда мне это выгодно, – ничего этого у Корнилова не было. Он был достойным представителем царской школы генералов – ничего, что положено генералу **как генералу**, он не умел. Обреченность старого строя проявилась как нельзя выпуклее в том, что лица, специально обучавшиеся этим строем воевать для его защиты, не научились своему прямому делу – искусству воевать.

И еще в одном Лавр Георгиевич был плоть от плоти русских генералов – он был лично беспредельно храбрым. Все русские генералы исповедовали “пуля дура – штык молодец”, не знали стратегии, зато с недрогнувшей душой становились под пули, лично выналяли шашку и шли в первых рядах. А Корнилов даже еще выделялся на общем фоне храбрецов. Тяжело раненный попал при очередном своем поражении он в плен к немцам, выздоровев, геройски сбежал оттуда, снова на фронте командовал дивизией, столь же геройски подвел ее всю под немецкую артиллерию, уцелел, прославился. В начале июля Керенский уволил в отставку главнокомандующего Брусилова и назначил главкомом Корнилова. (Брусилов так аттестовал Корнилова: “Корнилов – это лихой начальник партизанским отрядом и ничего больше”. Хотя давал он эту аттестацию пять лет спустя после смерти Корнилова, при большевиках, которых, к слову, Брусилов люто ненавидел, я думаю, что **тут** он не покривил душой.) Разумеется, к.-д. немедленно издали брошюру “Первый народный верховный Главнокомандующий русских войск” (Корнилов – сын простого казака), и начался бум. Так что, строго говоря, в факте внесения на плечах главкомом в зал заседания Государственного совещания не было никакого антиправительственного жеста:

чувствуют человека, **назначенного правительством**, к тому же в день рождения этого лица. Да и “блока” к.-д. с генералами на деле не было, померещился он. Однако люди всегда ревнивы к славе: не меня же они чувствуют – подумали и Чхедзе, и Церетели, и Чернов, и даже Керенский.

К этому времени Керенский попримелькался. Хотя еще по-прежнему не было случая, чтобы после его выступления не сделали так, как он предлагал, но все-таки это пребывание “главноуговаривающим” его выматывало. И не было больше той свежести восприятия славы. И хотелось не только обаяния, но и плодов. И нервы были на исходе. В те февральские дни Керенский взвалил на свои плечи бремя истории. Нужно быть Атлантом, чтобы нести это бремя долгие месяцы и не пошатнуться, не надорваться, когда кругом такой хаос страстей. И Александр Федорович надорвался.

В Государственном совещании он усмотрел происки реакции. В приветствиях в адрес Корнилова – происки бонапартика. И Керенский решил действовать: быстро и энергично, как всегда. Керенский мыслил так: я раздавил заговор слева. Большевики и анархисты, эти “бешеные”, пользуясь термином Французской революции, изгнаны с политической арены, утратили всякое социальное значение и более не опасны. Теперь поднимает голову гидра контрреволюции, правая опасность, буржуазия, делающая ставку на наполеончика. Надо без промедлений раздавить гидру. Более того, надо не дожидаться, пока контрреволюционеры начнут действовать, надо изобличить их и подавить загодя. Тогда будут спасены социалистические завоевания, добытая в Феврале свобода.

Будучи ловким адвокатом, опытным политиком, Керенский понимал, как важно сохранить обличье правоты; нападая, выглядеть не агрессором, а защищающимся. Отношение к нравственности у него было приблизительно общесоциалистическое. Поэтому он тайно посылает к Корнилову одного эмиссара за другим, убеждает Корнилова сформулировать свои требования к правительству (условия, при которых тот соглашается вступить в верховное главнокомандование), затем через своего племянника, полковника, Керенский приказывает Корнилову, находящемуся в ставке в Могилеве, направить в Петроград “сохранившие дисциплину воинские части, в распоряжение военного министра” (таковым по совместитель-

ству пребывал Керенский). Корнилов снимает с Северного фронта войска генерала Крымова, с Западного – Краснова и приказывает им двигаться на Петроград. Командующие фронтами в восторге: наконец-то правительство додумалось, что надо подавить анархию в столице, собралось сменить прогнивший петроградский гарнизон, отправив его на фронт. Хорошо, эх, хорошо пойдут при главнокомандовании Корнилова дела! Движение началось 24 августа.

Страна в ту пору была беспредельно свободна по части информационной власти. Пресса немедленно заметила передвижение войск и пристала с вопросами к горлу премьер-министра Керенского: “Что за войска? Куда? С какой целью? С ведома ли премьер-министра? А если нет – то не бунт ли это?” – Керенский отвечал уклончиво, загадками. Керенский отвечал так, что растравил всеобщее беспокойство.

А войска были в самом деле дисциплинированные, сохранившие боеспособность, поэтому продвигались они быстро. Социалисты в Совете провозгласили революцию в опасности. Проголосовали – направить навстречу войскам агитаторов-социалистов. Троцкий, сидя в тюрьме Кресты, выпустил пламенную листовку против контрреволюционеров-корниловцев-монархистов. Войска стали наткаться на организованное сопротивление: паровозы оказывались неисправными, эшелоны несформированными, позже пути – разобранными. Движение притормозилось. Крымов, наткнувшись на разобранные рельсы, приказал дивизии пересестись на лошадей и двигаться маршевым порядком.

До Корнилова дошли кое-какие известия о том, что правительство совместно с Петроградским Советом противодействует движению войск, вызванных правительством же. В политике Корнилов разбирался мало, меньше даже генерала Крымова, вполне тупого, по мнению толстяка Родзянки. Но на всякий случай решил переговорить с Керенским по прямому проводу, как тогда назывался телеграф, если на концах у аппаратов непосредственно присутствовали разговаривающие. Этот разговор отразил все прямоту и простоту генерала-казака и коварство и изощренность адвоката-политика. “Приказываете ли Вы продолжать движение войск?” – спрашивает Корнилов. – “Продолжайте поступать согласно приказам, которые Вам отданы военным министром”, – отвечает Керенский. Для

генерала ясно, надо продолжать движение, ибо именно в качестве военного министра, а не как премьер-министр Керенский прислал свой секретный приказ о движении. Для Керенского же и окружающих его журналистов ясно противоположное: только что опубликован в Петрограде приказ премьер-министра Корнилову о возвращении войск на исходные позиции. Корнилов этого приказа не получил, но журналисты про это не знают. Керенский все знает и сознательно ведет игру. Корнилов подтверждает Крымову и Краснову приказ о продвижении. Керенский провозглашает Корнилова 27 августа изменником и отрешает от должности. Корнилов узнает про это 28 августа и в полной растерянности выпускает листовку-оправдание, ребячий лепет школьника, которого провели.

Ни Крымов, ни Краснов не получили приказов о подавлении или разгоне Советов, о стрельбе. Единственный приказ, который у них был, – о прибытии в Петроград. Поэтому, когда им преграждали дорогу агитаторы, то казаки останавливали лошадей, вступали в переговоры. Ну, тут и решалось, чья глотка крепче! Агитаторы были все партийные, поднаторевшие на митингах и в политических терминах. Дивизии, пришедшие с Крымовым и Красновым, были темные (была одна “дикая” из кавказских горцев, не знавших даже русского языка толком), для них “ораторство” было свежим, ошеломляющим явлением. И приказа стрелять или хотя бы давить лошадьми – не было. Крымов, увидев, что не в силах выполнить полученный приказ, застрелился. Так кончилась жизнь генерала, который в декабре 1916 уговаривал председателя Государственной Думы Родзянко примкнуть к заговору свержения царя. Краснов, получив приказ об отрешении Корнилова от должности, сдался комиссару Временного правительства поручику Станкевичу.

ЦИК немедленно направил своих комиссаров в Ставку и в командование фронтами арестовать Корнилова и комфронтами. По свидетельству Якубовича, арестовывавшего Деникина, настроение и намерения были вместо ареста – расстрелять на месте. Только то обстоятельство, что Деникин сдался без всякого сопротивления и не дал Якубовичу ни малейшего повода озлиться, спасло ему жизнь. Были арестованы Корнилов, Марков, Лукомский, Романовский, Деникин. Они были помещены в тюрьму в Быхове. Преданный Корнилову полк

текинцев немедленно прибыл в Быхов, расположился возле тюрьмы, предложил обожаемому генералу свои услуги по освобождению. Генерал, будучи лояльно расположен к правительству и чувствуя себя совершенно правым, отказался бежать (вместо него сбежал совдеп Быхова, испугавшись текинцев) и остался ждать суда в тюрьме, со своими сотоварищами “быховскими узниками”. Кажется, днем они разгуливали по городу, возвращаясь в тюрьму лишь на ночь. Племянник Керенского застрелился.

Только пять дней: с 24 по 28 августа. Но они перевернули ход русской революции. После этого свержение Временного правительства сделалось неизбежным. Читатель может удивиться, что я бегло, одним-двумя словами отделялся от описания нескольких месяцев марта-июня, а на разборе этих пяти дней останавливаюсь подробно. Но я вовсе не собираюсь сообщить **все события русской революции**. Я останавливаюсь на **узловых** (хотя каждый, конечно, размечает узлы по-своему), а уж в этих я хочу дать почувствовать подлинную атмосферу тех дней, увидеть действующих лиц тех дней. Потом они сошли со сцены.

Дни, миги, дни – и вот единым сдвигом событие исчезает за стеной, и кажется тебе оттуда игом и ложью в мертвой корке ледяной.

Но они были, они необратимо повлияли на последующие события, а те – сформировали нашу с вами, читатель, жизнь. И были люди, каждый – клубок своеобразных устремлений, желаний, знаний и предрассудков, каждый имел право на поиски счастья, на место под солнцем, на социальное участие... И от многих из них не сохранилось даже фамилий.

Неужто, жив в охвате тех событий, ты веришь в быль отдельного лица?!

Да, вся история слагалась отдельными лицами, которые объединялись друг с другом и разовыми и долговременными факторами, которых швыряло туда и сюда.

И половина края – люди кадра, и умирать без торгу – их уклад.

Из этих пяти дней воспоследовало многое, но только не консолидация революции, как надеялся Керенский.

Прежде всего, с.-р., находившиеся на крайне левом крыле партии – Александрович, Колегаев, Мстиславский, Натансон,

Прошьян, Спиридонова, Устинов, – начали требовать от члена ЦК ПСР, заместителя военного министра Б.В.Савинкова отчета о том, что он делал в корниловские дни.

Савинков то и дело сновал между Керенским и Ставкой. Не причастен ли он к генеральскому заговору? Не сообщит ли он каких-либо сведений, которые бы пролили свет на странную уклончивость Керенского в начале движения Корнилова? Или просто Савинков оказался некомпетентен как замминистра, проморгав заговор? Можем ли мы, социалисты-революционеры, наследники славных максималистов оставаться в одной партии с лицами, причастными к контрреволюционному генеральскому заговору?! Савинков ответил: “Моя деятельность как замминистра принадлежит всей России, ибо правительство – общероссийское, а не одной лишь партии с.-р., составляющей часть России. Поэтому на запросы относительно законности моих действий в этом качестве я могу дать и дал необходимые объяснения в заседании правительства и, если потребуется, Учредительному Собранию, когда оно потребует отчета у Временного правительства. Никакой же партии в этом я не подотчетен.”

Какая ярость обрушилась на него! С шестидесятых годов, с Чернышевского и Писарева российские социалисты приучались ставить партийные интересы выше общечеловеческих, выше общегосударственных. И тут осмеливается этот друг Азефа что-то вякать насчет “всей России”, “партии не подотчетен”?! Ату его! Левые с.-р. негодовали искренне. Старые члены партии (некоторые ушли уже в н.с., но это неважно) припомнили, что Савинков и прежде вел себя нехорошо: в 1912 Зензинов, Натансон, Волховский, Фундаминский и другие поносили его за то, что он смел написать свой роман “То, чего не было” (лучший, на мой взгляд, роман о 1905-07 годах, но еще недостаточный), где осмелился указать на некоторые недостатки революционеров. Весной 1917 Савинкова также поносили некоторые с.-р. за то, что он не отказывается от публикации в буржуазных изданиях (он публиковал в “Ниве” свои рассказы и очерки “Записки авиатора” с французского фронта, где он с 1914 служил добровольцем в авиации). Так что грехов за ним насчитали достаточно. И вот лидер ПСР Чернов подумал-подумал и, не желая допустить, чтобы левое крыло партии откололось, решил пожертвовать одним челове-

ком и поддержал от имени ЦК требование Александровича-Спиридоновой. Савинков плюнул и заявил о своем выходе из ПСР. Но Керенский не стал за него заступаться: ведь к травле Савинкова подключились и с.-д. (как же не помочь развалу партии своих конкурентов!), а потому Керенскому пришлось бы иметь дело с единым социалистическим фронтом. Он уволил Савинкова, назначил военным министром генерала Верховского, который (в отличие от Савинкова) с 1918 по 1943 служил большевикам, морским министром – адмирала Вердеревского. Так получилось, что в сентябре 1917 Савинков остался “одиноким волком”, не могущим опереться ни на какую партию, не имеющим источника финансирования и резерва рекрутирования кадров. Партия же с.-р. осталась без самого опытного боевика. И все равно развалилась: Чернову удалось лишь отсрочить этот развал на полтора месяца. И самому Чернову по разным причинам пришлось 31 августа уйти из правительства; с ним вместе ушел Некрасов.

Второе последствие движения Корнилова – на политическую арену снова вернулись большевики. И как вернулись! Триумфаторами. В самом деле: мы же всегда предупреждали, что контрреволюция сильна, только и ждет момента выступить и раздавить завоевания рабочих и солдат. Эти соглашатели меньшевики и эсеры, всякие там либерданы, которые только и умеют, что языком церетелить, они объективно – предатели революции. Видите, вот и Савинков тоже предателем оказался. И Чернов не зря ушел, значит – рыльце в пушку. Да и сам Керенский разве лучше? Он-то и есть главный заговорщик! С этого момента объединенные большевики избирают своим главным противником – Керенского¹.

Я уже отмечал невероятно высокое политическое чутье Ленина. После провала июльского восстания, в условиях всеобщего возмущения Лениным – немецким шпионом, он дал партии директиву держаться тихохонько, чисто символически отстаивать свою правоту, но не зарываться, не отрываться от “советской демократии”. Июльско-августовский съезд прошел тихо-мирно, без вызывающих резолюций, без лозунгов на вооруженное восстание. Это была проба: дадут ли возможность большевикам по-прежнему действовать легально? Дали,

¹ А он, угождая им, отправляет “оклеветавшего Ленина” Панкратова в почетную ссылку в Тобольск – комиссаром при царе.

признали своими. Как я уже говорил, на этом съезде произошло объединение троцкистов с большевиками-ленинцами. Трудно сказать, кто явился инициатором: Ленин мемуаров не оставил, а мемуары Троцкого в высшей степени недостоверны (у меня ощущение, что он не помнит фактов, а лишь комментирует в своих мемуарах факты, прочитанные им в чужих книжках; да и не заржавеет у него соврать во имя мировой революции). Ленин одержал первую, очень важную победу: он завоевал себе нового крупного союзника, исключительно влиятельного и прославленного, тогда как эсеры потеряли своего террориста, меньшевики потеряли всех межрайонцев, эту духовную элиту партии.

Итак, большевики умеренно поругивали Временное правительство (как оно смело ограничиться такой полумерой, как ссылка 1 августа бывшего царя и его семьи в Тобольск, тогда как следовало запереть его в Петропавловскую крепость или даже сразу судить!), поругивали право-социалистическое большинство ЦИКа, обрушивались с гневным возмущением и беспощадным классовым анализом на московские совещания и т.п., разоблачали намерения генерала Корнилова сдать Ригу немцам (она-таки пала), открыть фронт немцам для сдачи Петрограда и т.д. И вдруг им неслыханно повезло: на Петроград двинулся монархист Корнилов, везя в обозе царя, помещиков, крепостное право, виселицы. И все Советы призвали к **единодушному** отпору реакции. Большевики немедленно ринулись агитаторами. Это они умели и были рады, что их позвали. (Я имею в виду, конечно, рядовых большевиков; Зиновьев и Ленин отсиживались в Разливе.) Агитация велась лихо, победоносно. Агитаторы вернулись с “внутреннего фронта” победителями: казачьи банды были остановлены, генералы пленены. На этой волне классовой победы, пользуясь замешательством-разбирательством в стане прочих социалистов и правительства, большевики приняли участие в перевыборах Петроградского Совета. К этому времени, испугавшись голодовки арестованных большевиков, их выпустили из тюрьмы.

После съездов Советов в Петрограде же был создан Центральный Исполнительный Комитет, в состав которого вошли практически все сколько-нибудь видные деятели бывшего Исполнительного Комитета Петроградского Совета. Какое-то время они совмещали обязанности, но потом ушли, и в сен-

тябре произошли перевыборы Исполкома Петроградского Совета. После создания ЦИКа его партийные лидеры рассматривали Петроградский Совет как второстепенный орган городского управления и не уделили достаточно внимания перевыборам там. Большевики же, которым не досталось места в ЦИКе, жадно рвались к какой-нибудь власти и вложили в перевыборную агитацию всю свою душу. В результате перевыборов сначала депутатов на заводах и в батальонах большинство в Совете оказалось за большевиками. А затем при выборах ИК Совета председателем Совдепа был избран Лев Троцкий. Он торжественно занял свое председательское место, место, которое он занимал еще в ноябре 1905 после ареста Хрусталева-Носаря. Эх, какую он речугу закатил по этому поводу!

Итак, большевики завоевали Петроградский Совет.

Надеюсь, читатель помнит, что ни одна воинская часть в Петроградском военном округе не имела права передвигаться без санкции Петроградского Совета. Петроградский Совет рассматривал себя – и, что важнее, рассматривался ЦИКом и до некоторой степени самим правительством – как единственного полномочного представителя всех рабочих и солдат Петрограда и его окрестностей. Высшая классовая власть. И эта власть с 25 сентября 1917 находилась уже в руках большевиков. Ну и конечно, как в 1905 и в феврале 1917, Петроградский Совет отнюдь не считал, что его функции ограничены только Петроградской губернией. Троцкий мыслил всегда только в мировом масштабе. Эх, если бы его юношеские пьесы пошли бы, какой из него выработался бы драматург с безудержной, поистине булгаковской фантазией! Или режиссер с кипучей энергией Мейерхольда! Но он ушел в революцию, подчинив свое мышление железной логике “Капитала” и “Критики Готской программы”. Для него, как и для многих иных, “политика сделалась святая святых”, выражаясь словами Герцена. И уже 2 октября Петроградский Совет принимает постановление о немедленном перемирии на всех фронтах; перемирие должно заключаться сознательными солдатами.

Тут только до правительства дошло: нельзя больше оставаться в Петрограде. И 5 октября оно принимает решение о необходимости переехать в Москву. Задержитесь и перечтите. Правительство не переезжает в Москву (когда ровно через 5

месяцев большевистское правительство решилось на это, оно сначала тайком переехало, а потом известило всех о факте), оно публикует во всеобщее сведение “о необходимости переезда”. Не о подготовке даже, а лишь “о необходимости”. Этакое мышление вслух. Общественность возмущалась, и размышление приостановилось. Но на самом деле, если что-то и могло предотвратить все последующее, то только немедленный перенос центрального правительства в спокойный город, признаваемый чувствами большинства русских жителей за столицу. Но решимости у правительства уже не оставалось. Керенский к своему изумлению обнаружил себя в политической пустоте.

Ибо теперь – и это третье последствие корниловской катастрофы – вся армия отшатнулась от Керенского.

Все генералы, все офицеры, большая часть солдат перестала доверять Керенскому. Если прежде Керенский был вождем, глава правительства, которому присягали и которое надлежит защищать, то ныне он попал в разряд “все они там”, “эти советы собачьих и рачьих депутатов”, “сволочи”. Во всяком случае, если нужно еще исполнять его приказы, то без души, чисто формально, а лучше переждать, покамест вся эта вакханалия кончится, покамест все эти социалисты друг дружку перережут. За свою провокацию с Корниловым Керенский заплатил утратой боевых частей, на которые он мог бы положиться. Если в июле на защиту правительства выступило несколько полков, общей численностью во многие десятки тысяч, под уверенным офицерским командованием, то в октябре защищать Зимний явятся меньше двух тысяч разрозненных войсковых частей, в основном военных училищ, без единого офицера во главе их.

Резюмируем.

Из трех крупнейших и очень влиятельных для Петрограда в марте-апреле организованных сил – партия к.-д., социалисты и офицерство – к началу сентября на политической арене осталась лишь одна – социалисты. Это не значит, будто КДП и офицеры были уничтожены, “ликвидированы”. Это значит, что они были разгромлены, скомпрометированы, парализованы. Их лозунги и приказы перестали весить.

Практически ничего не значившая в марте-апреле экстремистская партия большевиков выросла в политически значимую

силу. Конечно, не дотянуть по влиятельности с прочими социалистами с.-д. и с.-р., но ведь от последних отщеплялись уже левые с.-р. (отдельные деятели коих поддержали большевиков в июльской попытке). И к большевикам тянулись анархисты.

И жила и бурлила еще одна мощная, хотя и неорганизованная, зато вооруженная сила — гарнизон Петрограда и обособовавшиеся в Питере дезертиры с фронта.

§6. Вопросы избирательного права

Всеобщее избирательное право и представительство меньшинства; социалистическое отношение к парламентаризму; партийные списки.

Полностью теряя политическую почву под собой (“Кому они нужны? Кто их слушает?”), правительство начало лихорадочно (Керенский в это время пребывал в состоянии непрерывной истерии человека, который не спит много месяцев) самореорганизовываться и приискивать себе правовой фундамент.

Теоретически все с Февраля считали, что источником власти должен будет явиться народ, представленный Учредительным Собранием. Поэтому с первых же месяцев разрабатывались вопросы и законопроекты, связанные с процедурой созыва Учредительного Собрания. Всегда, пока надо лишь добиваться, можно не думать о процедуре, посредством которой будешь потом пользоваться достигнутым. А когда добьешься — добился — никто не мешает созвать Учредительное Собрание — **как** его созывать?! Казалось бы, просто: бери западные образцы и действуй по ним. Ан, нет, образцы-то разные у разных стран. Вон в Англии, небось, до сих пор монархия и все еще нет **всеобщего** избирательного права (оно было введено лишь в 1918). А мы не хотим, не потерпим, чтобы хоть какая-нибудь часть населения была отстранена от участия в Учредительном Собрании (вот никогда не интересо-

вался: дали ли членам царской семьи право голосовать в Учредительное Собрание?)!

Избирательное право должно быть всеобщим, т.е. никаких цензов (больше всего социалистов раздражал ценз имущественный, но и оседлости тоже). Исторически нигде, кроме разве молодых африканских государств, социальное развитие не начиналось со всеобщего голосования. Обычно право выбора в парламент давалось некоторой части населения, причем разного рода цензы служили критериями ответственности голосующего (или избираемого): если он даже не сумел себе заработать на собственный дом, то как же допустить его участвовать в управлении государством? Если он бродяга без определенного места жительства, то неужели допускать его к выборам моего правительства, которое установит мне потом налоги? У русских в силу широкого развития обостренно отрицательного отношения к собственности имущественный ценз казался совершенно не оправданным. Нелепое, противобщественное управление страной со стороны царской власти породило громадное количество одаренных неудачников, не устроенных в жизни. Немыслимо было лишать их голоса.

Всюду в Европе передовые люди требовали участия женщин в социальной жизни, в управлении (“суфражистки”, “Высшие женские курсы им.Бестужева”), поэтому, разумеется, право голоса должно быть дано и женщине. Когда молодых парней забирают в армию проливать свою кровь за Родину, то нет никаких оснований лишать их права участвовать в управлении своей родной страной – поэтому надо поелику возможно понизить возрастной ценз. Более того, нельзя потерпеть никаких цензов несамостоятельности: скажем, кое-где военнотружущие лишаются права голоса, ибо они в первую очередь повинуются воинской дисциплине и, следовательно, будут голосовать так, как им прикажет начальство, т.е. предоставление солдатам права голоса на самом деле обернется предоставлением офицерам и генералам дополнительных голосов. Кое-где по этой же причине лишают права голоса лиц, работающих по найму, ибо они, естественно, проголосуют так, как велит им работодатель, обеспечивающий их единственным источником прожития. Так вот, никаких подобных ограничений! И в самом деле, как можно было взять в голову идею лишения работающих по найму лиц права го-

лоса, когда проекты правил голосования разрабатывались в атмосфере митингов, шествий и бесконечных прекрасных песней:

“Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой”, “Вихри враждебные веют над нами, черные силы нас злобно гнетут”, “Вы жертвою пали в борьбе роковой за честь и свободу народа”, “Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов”, “Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе”.

Нет, разработчики законопроекта об Учредительном Собрании стремились полностью реализовать **всеобщее** голосование. К августу-сентябрю лозунг всеобщего избирательного права приобрел еще новое звучание.

В самом деле, с первых же дней Февральской революции на первое место в ряду политических факторов встали сначала Петроградский, а потом и прочие Советы, сначала рабочих и солдатских, а потом крестьянских, казачьих, мусульманских депутатов. Некоторые – пусть не очень здравые с точки зрения правительства, но все-таки весьма влиятельные – политические деятели время от времени выдвигали даже лозунг “Вся власть Советам”. Не одни большевики – были многие социалисты (почти все с.-д.), которые полагали, что власть должна перейти к Советам, как органу представительства организованного пролетариата; в отличие от большевиков они стояли за мирный переход, и не в руки одной партии. Пожалуй все социалистическое большинство Петроградского Совета было убеждено в преимуществе советской демократии перед буржуазно-парламентской демократией будущего Учредительного Собрания; Ленин знал, к кому обращался в “Государстве и революции”, когда провозглашал лозунг “отмирание парламентаризма”. И с самого начала XX века на Западе были широко распространены антипарламентские учения французских синдикалистов и антипарламентарный социализм Сореля, из которого позже вышли и Муссолини, и Гитлер. И Плеханов – старый, тяжело больной, при смерти, отринутый Советом за оборончество, не приемлющий Ленина как сознательного либо бессознательного немецкого агента – разве в 1903 не он рубил фразами воздух:

Высшее благо — благо революции. И если Учредительное Собрание окажется не отражающим волю пролетариата, мы должны будем разогнать его!

Поэтому социалистическое большинство ИК и ЦИК не проявило энтузиазма к созыву Учредительного Собрания. Советы — вот путь к социализму.

А как созывались Советы? По классовому признаку, ибо это орган пролетарской диктатуры. Ну да, если бы речь шла только о рабочих Советах. Однако с первых дней преобладали в Советах солдаты, они были Советами рабочих и солдатских депутатов. И тут все классовые критерии лопались, начинали буксовать. Что это за класс такой — солдаты?! В каком из томов “Капитала” он обозначен?! В первые дни еще можно было утешать себя, “что солдаты — это крестьяне в солдатских шинелях”. Но когда возникли Советы крестьянских депутатов? Кто же такие “солдаты” с позиций марксистской терминологии? Получалось, говоря точным русским языком, сословное представительство: сословие солдат — это и Николай I понял бы. Но почему же самая свободная в мире страна Россия, с ее великими завоеваниями Февральской революции будет организовывать свое верховное управление по сословному признаку? Вот какой вопрос стал волновать многих, после того, как роль Советов оказалась осознанной.

Советы лавочников, советы капиталистов, советы землевладельцев не смели возникнуть на политической арене, а если бы и возникли, их не допустили бы в лоно советской демократии. Ну а почему тот же лавочник, после того, как его призовут в армию, сможет стать членом Совета и, может быть, даже руководить рабочими и крестьянами? А как быть с солдатскими Советами после окончания войны? И почему в самой демократической стране практически все грамотные люди должны быть отстранены от участия в управлении: ведь лица с высшим образованием — не крестьяне, не рабочие, не солдаты. Инженеры, священники, скорняки, профессора, врачи, адвокаты — они все отстранялись от советской демократии. Конечно, Александрович, Ильич, Спиридонова, Суханов, Троцкий, Церетели знали про себя лично, что они выражают интересы народных низов, потому их и избрали в советские вожди (конечно, выражаем! послушайте только, как нам

аплодируют!), но ведь большинство-то культурных и грамотных людей остается вне Советов. (“Веду его, значит, в штаб, щекочу слегка штыком, а рожа у него такая интеллигентная, так и хочется прикончить”, — напишет через год Замятин, еще большевик, свой рассказ “Воробушек”).

До революции октябристы, прогрессисты и кадеты боролись с самодержавием за то, чтобы в управлении государством принимали участие “все живые силы страны”. И теперь они вспомнили этот термин в ощущении угрозы “советодержавия”.

Вот что стояло за эпитетом “всеобщее” избирательное право. Но дело было не в нем одном. На сцене появилась уйма партий (не менее 14). Спрашивается, как организовать голосование?

Прямолинейный ответ: нарезать Россию на избирательные округа, в каждом открыть одну вакансию депутата, кто хочет будет выставлять кандидатуры, чья соберет большинство голосов в своем округе, тот и пройдет в депутаты, — не удовлетворял почти никого. В самом деле, почти все политические деятели были собраны в Петрограде, от которого в Учредительное Собрание прошло бы 3, ну 4, ну 5 депутатов. А прочие? Значит им бросить ответственную работу по руководству революцией на самом ответственном участке и разъехаться к черту на рога для обольщения местных избирателей? Или пассивно дожидаться, покамест провинция пришлет депутатами никому не известных лиц (как это случилось во Французскую революцию с Законодательным собранием)?

Еще хуже: если от каждого округа будет посылаться один депутат, собравший большинство голосов, то окажется, что 13 из 14 партий в его округе будут не представлены, даже если они вместе взятые собрали голосов больше, чем его партия! Как только что, в 1912, случилось в США, где президентом был избран Вильсон, получивший лишь 42% голосов от числа принявших участие в голосовании (от общего числа избирателей — так всего-навсего 26%). Могут случиться и совсем уж неуместные парадоксы: некоторые влиятельные партии, бесспорно имеющие право на представительство во всероссийском Учредительном Собрании, вообще не будут в нем представлены ни одним депутатом. В самом деле, эта партия может ни в одном округе не оказаться в большинстве, всюду собрав, скажем, по 10% голосов. Таким образом, 10 миллионов русских людей проголосуют, а не будут никем представ-

лены. Какое же это “равное” избирательное право — возмутились политики.

Проблема отражения воли меньшинства и его представительства в парламенте не нова. Еще в 30-е годы XIX века ее обсуждали американские юристы¹. Но они ее обсуждали спокойно, в условиях функционирования какой ни на есть парламентарной системы, помаленьку предлагая свои усовершенствования. В России же эту проблему постарались решить в лоб и сразу, при первых же выборах (отчасти из-за этого так затянулись выборы в Учредительное Собрание). Пойти на беспринципные коалиции на английский манер, уступая сопернику такой-то округ, дабы он по безмолвному соглашению уступил тебе такой-то, противоречило российской бескомпромиссности. Решение после долгих месяцев споров стали искать на путях изменения мажоритарной системы в духе пропорционального представительства. Оно заключается в том, что голоса, поданные за меньшинство, суммируются и тем или иным способом предоставляются партии, которая выдвигает кандидата меньшинства. Точнее, в России это сделали так.

Вся Россия была поделена на малое число больших избирательных округов с тем, чтобы от округа избирался не один депутат, а десяток. Избиратели голосовали не за лиц, а за партии. Каждая партия выставляла свой список кандидатов, какой хочет длины. Избиратель, бросая в урну бюллетень №2 или №9, или №14, объявлял о своем желании видеть в Учредительном Собрании представителей именно этой партии (или блока партий). Потом все голоса складывались, и свободные места по округу делились пропорционально поданным за партию голосам. Так от списка проходило несколько человек, причем заведомо от каждой партии хоть один. И ехать в провинцию почти никому не надо, можно местную агитацию перепоручить местным кадрам. И никого не обидим. Что при этом нарушался эпитет “**прямые**” выборы — как-то никто не заметил. Что **между** избирателем и его парламентом **стано-**

¹ В 1910, в своем обращении к Сорбонне, американский президент Теодор Рузвельт сформулировал: "Лучшим свидетельством любви к свободе является в каждой стране то положение, в какое ставятся в ней группы, находящиеся в меньшинстве", — и эти слова неоднократно были переведены на русский язык.

вятся партии — воспринималось как должное. И эту мысль позже подхватил Муссолини: он тоже объявил всю Италию одним избирательным округом, предоставил избирателям говорить “да” или “нет” фашистской партии, а депутатов в парламент назначал Большой Фашистский Совет (“назначенные депутаты”). В России они тоже назначались партиями.

И пока шли такие прения о форме выборов, сам созыв Учредительного Собрания безбожно затянулся. Большевики, которые ни одно упущение правительства не оставляли без внимания, начали кампанию против Керенского: тот, мол, умышленно затягивает созыв Учредительного Собрания, мечтая стать пожизненным диктатором! Разумеется, с.-р., для которых созыв Учредительного Собрания был основой основ программы, тактики и стратегии, поддержали большевиков в их справедливых требованиях собрать его как можно скорее.

И в сентябре было, наконец, точно установлено, что выборы в Учредительное Собрание будут произведены 12 ноября, а созвано оно будет 28 ноября, в Петрограде.

Но до того времени правительству нужна была какая-то правовая опора, суверенный источник власти. И 14-22 сентября в Петрограде проводится Демократическое совещание, собранное всякими разными хитрыми способами, примерно как Государственное совещание, но с преобладанием социалистических элементов. Оно одобряет в принципе политику правительства и выделяет из своего состава так называемый Совет Российской Республики, в просторечии “Предпарламент”, под председательством с.-р. Авксентьева для того, чтобы в критические минуты правительство имело к кому обратиться как к высшему авторитету. Еще раз “окончательно” сформировался кабинет. Но уже никаким авторитетом правительство не пользовалось. Оно не имело даже авторитета настолько, чтобы заставить себя выслушать, не говоря уже — чтобы заставить слушаться.

§7. Отмирание правительства Керенского

Чернов уходит из правительства; правительству не подчиняются ни левые, ни правые; национальные движения; растущая дороговизна; позиция “Новой жизни”.

Я уже упомянул в прошлом параграфе, что В.Чернов ушел в отставку с поста министра земледелия коалиционного Временного правительства 31 августа. Объяснялось внешне это недовольством Чернова недостаточно революционной политикой правительства Керенского. Чернов возглавлял всю – тогда еще единую – ПСР и как таковой придерживался центристских воззрений, хотя сам во многих вопросах склонялся влево. Например, Авксентьев его иначе как левым не считал. Действительно, оснований для недовольства правительством у Чернова было, по его счету, предостаточно. Временное правительство не подавило решительно всех тех контрреволюционеров, которые радовались, когда Корнилов вел войска на Петроград. Ведь очень многие (к.-д. и правее) приняли поход Корнилова за решимость навести порядок. “Наведение порядка” в те времена считалось контрреволюцией. Чернов тоже так считал. И он требовал, чтобы с радовавшимися расправились после подавления мятежа. Чтобы правительство решительнее обрушилось на буржуазию – эту социальную базу контрреволюции. Чтобы помещики были лишены земли, чтобы земля была передана крестьянам (земельным комитетам). Чтобы были сделаны решительные шаги к заключению мира. Керенский же сопротивлялся превращению исполнительной власти во власть законодательную, а потому настаивал на отсрочке решения всех этих социальных проблем до Учредительного Собрания. Керенский – в глазах Чернова или по крайней мере в глазах Спиридоновой и других левых с.-р., с которыми Чернов подчеркнуто считался, – недостаточно обелил себя от причастности к корниловскому движению. Поэтому Чернов демонстративно ушел из правительства.

У Чернова были глубокие основания не доверять Керенскому и недолюбливать его. Чернов из всех лидеров ПСР был наиболее догматичен и сильнее всех пропитан марксистской терминологией. Можно сказать: он принимал марксизм целиком в той части, в какой тот не противоречил вопиюще специфике крестьянской России. В частности, во всем, что каса-

ется “городской буржуазии”, он полностью стоял на крайне левых социал-демократических позициях. В том, что касалось империалистической войны, он занимал крайне левую “циммервальдистскую” позицию, т.е. позицию Мартова, Троцкого, Ленина. И вот, вернувшись из эмиграции, где он, подобно вождям социал-демократии, пробыл большую часть своей политической жизни, он обнаруживает, что власть находится в руках “февральского эсера” Керенского. У Чернова хватило государственной мудрости признать Керенского членом ПСР, ибо таково было единодушное пожелание большинства партии в тот момент, но недоверие к Керенскому как к личности и как к идеологически незрелому партийцу и, возможно, как к не вполне морально чистоплотному человеку, у Чернова осталось. Покамест он был вынуждаем своей собственной партией состоять в коалиции с Керенским, Чернов оставался, но лишь только значительное крыло партии обрушилось на Керенского, Чернов радостно ушел из правительства.

Но были и другие, глубже, подспудно лежащие причины отставки Чернова, и их я считаю решающими. Дело в том, что после корниловского движения стало совершенно очевидным, что Учредительное Собрание далее откладывать невозможно. Ситуация висящего в вакууме Временного правительства, которое поддерживается Советской демократией “постольку-поскольку”, сделалась нестерпимой. И Чернов разумно рассудил, что ему не к чему неразрывно связывать свое славное революционное имя с сомнительными шагами агонизирующего Временного правительства. Он решил и сам сосредоточиться и сосредоточить деятельность своей партии на подготовке Учредительного Собрания и на победе ПСР на выборах в это Собрание. Учредительное Собрание было одним из символов веры Чернова, как и большинства партии социалистов-революционеров. Они твердо верили в то, что крестьяне по натуре своей социалисты (в этом принципиальная разница между Черновым-Авксентьевым-Спиридоновой и Лениным-Троцким-Мартовым: последние знали, что крестьянство

ежеминутно, ежечасно порождает из себя капиталистические производственные отношения),

а так как крестьяне составляли 80% населения России, то всеобщее равное избирательное право, конечно, пошлет в Учредительное Собрание социалистов, т.е. в России восторжеству-

ет социализм и земля будет принадлежать крестьянам. ПСР считала, что единственно приемлемый для их совести источник власти – воля народа. А потому надлежало дать этой воле свободно проявиться в акте создания Учредительного Собрания. Чернов был готов взвалить на себя ответственность за управление Россией и за ведение России к социализму, но необходимым предварительным условием он выдвигал, чтобы мандат на такое управление ему вручил весь народ России в лице Учредительного Собрания. Для подготовки такого собрания Чернов решил устранившись от министерской деятельности.

Не один Чернов рассуждал в тот момент эдак. В последний состав правительства, сформированный в сентябре 1917, не вошел ни один крупный партийный деятель – ни с.-р., ни с.-д. Они все либо берегли себя для не связанной министерскою ответственностью агитационной деятельности, либо сосредоточились на подготовке Учредительного Собрания, либо, наконец, были очень больны: Плеханов умирал, Чхеидзе тяжело заболел (чахотка) и сошел с политической арены, Церетели тоже болел в эти месяцы, хотя потом вернулся к политической деятельности. Это обескровливание правительства в последние два месяца его деятельности, отсутствие в нем реальных политических вождей того времени – очень важный факт.

Не только в правительстве не хотели сейчас участвовать политические деятели. Социалисты всех оттенков охладели и к участию в советской демократии. Когда было принято решение созвать 28 ноября Учредительное Собрание, тогда советские политики заключили, что эра Советов миновала. От этой промежуточной формы власти-давления, от этого органа забастовки-восстания революция переходит к более правильной организации всенародного правительства. И газета “Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов” начала планомерную кампанию по свертыванию советских форм власти:

Чем быстрее пойдет все государственное и общественное строительство новой, свободной России, тем быстрее будет, естественно, падать и значение Советов. Мы сами являемся могильщиками своей организации. Мы являемся деятельными участниками в создании нового государственного строя. Когда пало самодержавие и с ним весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов, как временные бараки, в которых могла найти

приют вся демократия. Теперь на место бараков строится постоянное каменное здание нового строя и, естественно, люди постепенно уходят из бараков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом, —

писали “Известия ЦИК” 12 октября. И этому образному “переселению” соответствовало вполне реальное переселение с изменением адреса: Таврический дворец приуговлялся к приему Учредительного Собрания, а потому надлежало оттуда выселить Совет (и Петроградский и ЦИК). Поскольку Советам оставалось жить недолго, решили их **временно** поселить в Смольном приюте для сирот (незначительную часть здания занимал Институт благородных девиц, которые патронировали сирот). В то же время уже был создан Совет Российской Республики, как временный источник власти для Временного правительства. Этот Совет поселили в Мариинский дворец, а правительство из Мариинского дворца на время (ведь с созывом Учредительного Собрания и этот Предпарламент будет распущен) перебралось в Зимний дворец.

Но правительство сейчас уже мало кого интересовало. Разве что Хлебников с Пастернаком из хулиганства звонили в правительство и спрашивали: “Когда прикажете подавать ломовых извозчиков?” — “Каких извозчиков?!” — “А вывезить вас из Зимнего на свалку!” (И до того из рук вон плохо было все организовано в этом временном жилье, что министр непосредственно брал трубку!) Но никакие приказы правительства не выполнялись — ни правыми, ни левыми.

Когда Керенский издал приказ об отстранении от должности атамана Войска Донского генерала Каледина и о его аресте за соучастие в корниловском движении — Каледин гордо ответил ему, что избран донскими казаками и не сложит своих обязанностей до тех пор, покамест казаки не сочтут нужным. Не только у Временного правительства не было силы арестовать Каледина в Новочеркасске, но Войсковой Круг Войска Донского, собравшись, постановил отделиться от России, не признавать больше власти Петроградского правительства, основать собственную Казачью республику.

Когда Керенский издал 18 сентября приказ о роспуске Центробалта — Центрального комитета матросов Балтийского флота — как избранного с некоторыми процедурными нарушениями, морячки так энергично послали его на три буквы, что

уже 22 сентября Керенский отменил свой собственный приказ. А тот, кто знает армейскую дисциплину, знает, что отмененный, невыполненный приказ в сто раз хуже неизданного приказа; что такой приказ – полная утрата авторитета начальника в глазах неисполнявших приказ.

Балтийский флот был безраздельно завоеван анархистами и большевиками. Там царила такая матросская вольница, о которой лишь слабое представление дают “Оптимистическая трагедия” и т.п. Более точное – лагерная пересылка, где верховодят урки, или эти же урки, освобожденные амнистией весны 1953 и завладевшие вокзалом небольшого города.

Но деление на “левых-правых” примитивно. В политической жизни России 1917 возникли такие силы, которые невозможно описать степенью “левизны-правизны”. Это центробежные силы.

Огромная территория, столетиями плохо, оскорбительно для населения управляемая, а сейчас лишившаяся всякого управления, населенная различными национальностями, многие из которых сохранили свой язык и традиции (а поставленные историей в особо благоприятные условия – даже некоторые формы самоуправления), – не могла не распасться. Еще до свержения царя возникла реальная угроза отпадения Польши. Польша – некогда гораздо более сильное государство, нежели Московия – была поделена при Екатерине II тремя разделами между Россией, Пруссией и Австрией. На российской территории Польши самодержавие беспощадно расправлялось со стремлением к обретению польской государственности; в результате, в частности, оно воспитало семью Пилсудских, из которой один соучаствовал в заговоре Шевырева-Ульянова 1887, а другой – был арестован с тайной типографией в 1889; этот второй позже стал повелителем Польши – Иозеф Пилсудский, маршал. На немецкой территории было больше возможностей для организационно-культурных проявлений, поэтому в 1916 уже существовали под эгидой немцев польские национальные организации, ставящие целью восстановление независимой Польши, причем немецкое правительство пообещало, что предоставит такую независимость территории Польши, которую удастся отвоевать от России. Со взятием Варшавы и почти всей русской Польши немцами это обещание сделалось важным фактором полити-

ческой игры. К лету 1917 польские легионы Довбор-Мусницкого, расположенные в России, перестали подчиняться Временному правительству, Советам и вообще чему бы то ни было русскому. Они решили самостоятельно, игнорируя русское правительство, добиваться возрождения Польши, мысля, разумеется, в рамках “*ot morza do morza*”, т.е. мысленно включая в состав Великой Польши всю правобережную Украину (по западному берегу Днепра), галицийскую Украину, Литву, “исконно-польские” земли Восточной Пруссии и т.п.

Правительство было бессильно бороться с такими стремлениями. Но некоторый предел им полагали другие национальные устремления, в частности, украинские. Начиная с Шевченко и Драгоманова до Винниченко и Грушевского в украинцах (“малороссах”) развивалось национальное самосознание, причем в силу личности Шевченко – резко антимоскальское. В начале XX века жившие на территории Австро-Венгрии галицийские украинцы добились значительных прав на национально-культурную автономию; с началом войны немцы использовали этот факт в пропагандистских целях. На развитие украинского национального движения решающее влияние оказал тот факт, что оно в основном протекало в рамках Российской империи, а потому наиболее решительные партии националистов были социалистическими (к слову, так же было и в Польше: главная партия, партия Пилсудского, была ППС – Польская партия социалистична). Так, Винниченко и Петлюра во время революции 1905-1907 были активными функционерами УСДРП – Украинской социал-демократической рабочей партии. По части марксистской терминологии, упрощенного видения мира как некоего капиталистического хозяйства и пр. они ничем не отличались от с.-д., описанных в § 4 и § 10 кн.1. Но они хотели строить свой социализм на Украине, освобожденной от русских, поляков, немцев. Единая – от Галиции до Дона – Украинская социалистическая республика, полностью независимая от Москвы и Петрограда, ведущая самостоятельную внешнюю политику. Была и еще одна специфика: в УСДРП было мало евреев, а позже, в 1918, и вовсе не осталось; это была первая социалистическая антисемитская партия.

Украинцы именовали свой Совет – “Рада” по-украински. И когда он был созван (под председательством Грушевского), то

первое, чего потребовала Рада – это гарантий национальной независимости Украины, т.е. самостоятельных войсковых частей. Рада отдала приказ всем украинцам-солдатам немедленно выходить из москальских войск и формироваться в независимые украинские части, которые не должны уходить с фронта, но подчиняться обязаны не русскому, а украинскому главнокомандованию. Генералу Алексееву, заступившему на пост главноверха после ареста Корнилова, только этой головной боли еще не хватало: изволь успешно командовать фронтом, где происходит такая перетасовка солдат, причем новые части ему не подчиняются. Он взмолился Керенскому. Результат, как всегда, был двойкий: с одной стороны Керенский “запретил” Раде создавать свои войска, “разогнал” Раду, а с другой – сменил Алексеева на Духонина. Разумеется, Рада не разошлась, но усмотрела в приказах Керенского старое колониальное отношение великороссов к украинской самостоятельности и вскоре провозгласила отделение Украины от России. Но покамест это отделение было еще не враждебным: первый Украинский полк назывался именем Богдана Хмельницкого, а отнюдь не именем Ивана Мазепы. В выборах Учредительного Собрания Украина также приняла участие, и в его заседании некоторые ее депутаты присутствовали.

Финляндия, которая пользовалась некоторой самостоятельностью даже при царе¹, решительными шагами двинулась к обретению полной государственной независимости. Это движение несколько осложнялось тем, что в Финляндии было немало развито с.-д. движение среди рабочих, а также наличием в портах Финляндии российского флота (Предоблсовета Финляндии стал Смилга, большевик). Поэтому когда Финляндия (я не вхожу в исследование взаимоотношений между партиями шведской и суоми ориентаций) провозгласила свою независимость, то Керенский, конечно, ее не признал (ибо акт такого государственного значения лежит исключительно в компетенции будущего Учредительного Собрания), но, кроме того, он был неожиданно поддержан матросами: те, утопив и

¹ Юридический парадокс состоял в том, что Финляндия была связана с Россией только личной унией. С исчезновением царя автоматически исчезали правовые притязания России на Финляндию, тогда как политически, экономически и стратегически все было сложнее.

перерезав своих собственных адмиралов и офицеров, избегая каких-бы то ни было морских сражений с Германией, решили осчастливить финских рабочих, власть над которыми захватила финская буржуазия. Они произвели попытку разогнать Финляндский Сейм, арестовать финляндское правительство и были от этого занятия отвлечены только приказом Смилге от Троцкого идти на Петроград.

На Северном Кавказе едва ли не в каждом ауле было свое собственное правительство: по одну сторону Нальчика – одно, по другую – другое, и они мирно торгуют друг с другом через обмелевший ручеек. Казаки не только Войска Донского, но и уральские, и даурские, и кубанские, и все какие ни на есть провозгласили независимые государства. Была Камышинская республика, Саратовская республика, Царицынская республика. Дальний Восток забыл о существовании петроградского правительства: ему важнее были отношения с Японией и США, до которых было в ту пору из Владивостока ближе, нежели до Петрограда. Татары, башкиры пробуждались к самостоятельной организации и спорили только о том, следует ли им быть всем независимым совершенно или же объединиться в рамках панисламизма, пантюркизма или т.п. В Средней Азии торжественно славили героев восстания 1916 года, с которыми жестоко расправилось самодержавное правительство.

Национальные правительства строили свою власть, а потому слабо участвовали в общероссийском представительстве – в Государственном совещании.

Фактически правительство утратило всякий контроль над страной. Да и над Петроградом тоже: когда оно отдало приказ петроградскому гарнизону сменить фронтową часть, Петроградский Совет контрраспорядился гарнизону “не выходить”, и гарнизон остался. Даже в части дипломатического представительства правительство не сохранило за собой монополии: и Украинская республика, и республика Финляндия уже и делегировали своих послов к союзникам, и завязали переговоры о мире с немцами. Кстати, и правительство также завязало было переговоры с немцами о сепаратном мире, но общий взрыв возмущения в стране (очень громко возмущались большевики) заставил прервать переговоры; скомпрометированный

переговорами военный министр Верховский ушел “в отпуск по болезни”.

И конечно, такой развал единого некогда государства не мог не вести к катастрофически быстрому падению жизненного уровня. С августа 1914 по август 1917 цены на продовольственные товары возросли на 300-800%; в частности, в сентябре правительство вынуждено было еще повысить цены на хлеб, уменьшая в иные дни выдачу хлеба до 100 граммов. Особенно вздорожали мясо, картофель. На 500-1900% возросли цены на промтовары, в особенности на сукно и металлоизделия, но страшным грозило и повышение цен на дрова в 12 раз. Ясно, что рост цен в первую очередь связан для Петрограда с отсутствием привоза, плохим привозом, с отсутствием гарантий для привозящего. В самом деле, если во Владивостоке кофе стоил 2 рубля за фунт, то опасности провоза его через многочисленные независимые республики по сибирской железной дороге, вероятность ограбления, реквизиции, порчи от простоев вагонов с грузом, покамест железнодорожники митингуют, – ложились накладными расходами, и кофе продавался в Петрограде по 11 рублей за фунт. Разумеется, потребитель, подхлестываемый социалистической пропагандой, относил повышение цены и разность в 9 рублей за счет капиталистической жадности торговца, за счет общей социальной неправильности частной собственности и радовался, когда ущемляли собственников, надеясь, что тогда-то кофе подешевеет. И когда, скажем, Рябушинский категорически возражал против государственной монополизации хлопчатобумажной торговли, то все социалисты усматривали в этом не заботу о производстве, а жажду сохранить бешеные прибыли, стремление лопать в три горла, наживаться на пролетарском поте и крови. (А подумать только, откуда у правительства взялись бы кадры для проведения этаким монополизацией!..) И промышленникам приходилось туго. В их беды никто не верил, им никто не сочувствовал, никто не принимал во внимание, что за те же три года им пришлось повысить заработную плату в 5-10 раз, что не могло не удорожить производства (ведь ни о какой рационализации труда или повышении производительности труда за счет его интенсификации не могло быть и речи). Что рвались привычные торговые связи, что разруха на транспорте парализовала промышленность отсутствием сы-

рья, что те же дрова нужны той же промышленности как топливо, а они вздорожали в 12 раз, – ничего этого не хотели слушать социалисты без различия оттенков. Сами же капиталисты и виноваты!

И уж, конечно, нельзя было бы ожидать терпения и сочувствия от потребителя, у которого заработная плата либо вовсе не возросла (служащие), либо возрастала (рабочие) медленнее, нежели цены. Даже если кое в чем рост зарплат обогнал растущие цены, это не бросалось в глаза, а замечались нехватки, дороговизна. Если бы Петроград был маленьким государством, то, может быть, его граждане смогли бы обозреть все трудности, которые стоят перед ними, и преодолеть их сообща. Но Петроград был частью огромной Российской империи, которая неохватна (“Умом Россию не понять,.. в Россию можно только верить.”), и жители Петрограда мыкались, будучи вовсе лишенными возможности повлиять на внешние причины своих невзгод – на разруху в стране. От этого росло их раздражение против правительства, не умеющего что-либо предпринять, возрастала враждебность к правительству. А так как правительство было локировано именно в Петрограде, то от этого еще более уменьшалась его реальная власть и возможность хоть как-то уменьшить развал в стране.

И в городе учащались грабежи. Пучилась непролазная грязь: дворникам платили мало, дворники скомпрометированы прежним контактом с полицией, дворники не рискуют подолгу торчать на улицах в виду шальных пуль. Городская Дума не имела сил предпринять шаги по благоустройству, будучи парализована внутренней борьбой: большинство в ней принадлежало ПСР, но примерно поровну (близко к 30% каждая) составляли РСДРП(б) и КДП. Большевики требовали исключить кадетов из Думы как явных корниловцев, не доверять им никаких постов городского самоуправления и т.п. К.-д. ругали большевиков анархистами и немецкими агентами и т.п. Председатель Думы с.-р. Шрейдер старался соблюдать беспартийность в муниципальных интересах, но это плохо удавалось: не было вековой культуры. Ведь для наведения порядка надо проповедовать самоограничение, а это и всегда неблагодарное занятие, тем более в ту пору, и не социалист взялся бы за такую проповедь.

За проповедь самоограничения принялся было Керенский, но столь неудачно (“Граждане ли это свободной России или взбунтовавшиеся рабы?” – патетически-истерически спросил он однажды), что на него все обозлились. Конечно, по существу он прав: откуда появиться гражданам, если всего-то полвека прошло с отмены крепостного права. Конечно – на историческую арену вышли вчерашние крепостные, “рабы”, с их крепостной установкой всего ждать от барина, с верой, что все зависит от **желания** барина при игнорировании его **возможностей**, с умением разве что требовать – а не созидать, договариваться, сознательно самоограничиваться. Но прибегать к такой терминологии премьер-министру едва ли простительно, и ему не простили. Пытались вести некоторую пропаганду государственной мудрости к.-д., но их партия была безнадежно скомпрометирована и “войной до победного конца”, и борьбой против социалистических партий, и “соучастием в корниловском заговоре”, а главное – тем, что эта партия – “наследие царского режима”, уже до революции занимала важное место в Государственной Думе.

Большинство несоциалистических политиков заняли позицию невмешательства, “третий радующийся”. Пусть они там грызутся, толкают страну к анархии. Когда они дойдут до конца, то увидят, что ничего из их социалистических бредней не получается, им придется уйти, и вот тогда-то мы вернемся и успокоим усталый и измученный народ. Точно так же позицию невмешательства занимало офицерство и генералитет. Пусть перебесятся, мы переждем. Некоторые крайне правые даже подталкивали страну влево, к анархии, терминология статей в замаскированно-монархической “Новой Руси” почти не отличалась от терминологии статей в большевистской печати в октябре месяце; кажется, это статьи Шульгина и Пуришкевича.

Монархисты выискивали все ошибки наиболее влиятельных политических партий, ставя целью погубить, расколоть самых главных своих противников. Такой партией в их глазах была ПСР, потому они обрушились в первую очередь на нее. Большевики же в их глазах были настолько бредовой партией, к тому же так скомпрометированной связями с немецкой разведкой, что всерьез их не принимали. Да и в самом деле, разве можно принимать всерьез уверение, будто рабочее правитель-

ство сможет сразу обуть раздетых солдат на фронте¹, “разув 100000 буржуев”, и т.п.

Примерно такую же, но в рамках социалистического лагеря, позицию занимала газета “Новая Жизнь”, в которой участвовали Горький, Мартов, Рожков, Суханов. Она отстаивала основные принципы интернациональной социал-демократии:

Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно. И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты, которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире, —

обличающе хрипел Мартов, веровавший, как и Троцкий, что весь мир созрел для революции, достаточно только провозгласить призыв к честному демократическому миру, всем, всем, всем. С другой стороны эта же газета осуждала крайние выходы большевиков; в ней Горький с большим знанием дела описал Ленина как личность, и в его описании — это весьма грязная и неприятная личность. Эта газета предлагала не участвовать во власти, но направляла любую власть (лучше всего — однородное социалистическое правительство) по правильному курсу к победе мировой социалистической революции.

ЛИТЕРАТУРА

А.Блок — в сб. “Памяти Герцена”, 1920.

М.Горький. “Русские сказки”.

Д.О.Заславский и В.А.Канторович. “Хроника Февральской революции”, Пг., издательство “Былое”, 1924.

А.Ф.Ильин-Женевский. “От Февраля к захвату власти”.

¹ По некоторым данным (восходящим к царским интендантам, но повторенным у Н.Н.Яковлева в 1974) сапог было на всю армию с избытком, хоть по три раза каждого солдата обуть. Но дело в том, что солдаты — вчерашние и завтрашние крестьяне — немедленно продавали, выменивали и пропивали новые сапоги, предпочитая ходить в опорках, да и справедливо “с крестьянской хитринкой” догадываясь, что начальство хоть и выпорет, но все равно обует солдата.

Г.З.Иоффе. “Февральская революция 1917 в англо-американской буржуазной историографии”, М., 1970.

С.Мстиславский. “Гибель царизма”.

Мемуары: Милюков, Родзянко – “Крушение империи”, Деникин – “Очерки русской смуты”, Набоков В., Набоков К., Лукомский, Краснов – “На внутренних фронтах”, Станкевич, Ломоносов, Шкловский, Шульгин – “Дни”.

“Новый Сатирикон”. 1917.

Б.Л.Пастернак. “Доктор Живаго”.

“Падение царского режима”, тт.1-9 (1917-1928).

Перетц. “В цитадели русской революции”, 1917.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. М., 1925 (В этом издании опущены протоколы между 30 июня и 16 июля).

Пражский журнал: “Архив русской Революции”, 1923-1935 годы.

Н.Н.Суханов. “Записки о революции”.

Л.Толстой. “Царство Божие внутри нас” и произведения в т. 36 полного собрания сочинений.

А.Н.Толстой. “Хождение по мукам”.

“Февральская революция”, сост. Алексеев, М., 1925.

А.Л.Чижевский. “Земное эхо солнечных бурь”, М., “Мысль”.

А.Л.Чижевский. “Физические факторы исторического процесса”, Калуга, 1924.

Н.Н.Яковлев. “Первое августа 1914”, М., 1974.

Протоколы VI съезда РСДРП(б)

Протоколы названных в тексте совещаний.

Джон Рид. “10 дней, которые потрясли мир”.

“История гражданской войны в СССР”, т.1, изд.1935 с портретами всех членов ЦК РСДРП(б).

Глава 2. Утверждение большевистской власти.

§8. Низложение Керенского

В ЦК РСДРП(б); Мария Спиридонова; Петроградский Совет действует; этапы взятия власти; позиция с.-д. и рабочих; кронштадтцы и прения в Мариинском дворце; несостоявшийся защитник Зимнего – генерал Черемисов.

Большевики в это время группировались как вокруг своего естественного вождя вокруг председателя Петроградского Совета Льва Троцкого, вокруг деятельно-цепкого организатора Якова Свердлова (он помнил всех людей, с кем ему приходилось хоть раз сталкиваться, всегда точно знал, как лучше всего приспособить этого человека для пользы, для дела партии¹), вокруг руководителя Бюро Военных организаций большевиков (“Военка”) Подвойского. Ленин отсутствовал, скрываясь в Разливе и т.п., Зиновьев, не выдержав, все-таки рискнул приехать в Петроград и появиться на заседании ЦК, а Ленин не осмеливался. Будучи отрезанным от общения с живыми политиками, он, как Антей, оторванный от земли, плохо представлял себе ситуацию, лез с непрошенными и ненужными Советами, которые отвергались ЦК, от этого раз-

¹ Поскольку круг знакомых и родственников его был, естественно, преимущественно еврейским, постольку возникло засилье евреев в первом аппарате власти – весь аппарат был подобран им лично.

дражался и т.п. В то же время он не был загружен текучкой и мог оценить ситуацию со стороны, а он был умен.

Ситуация была четкой. Если дожидаться выборов в Учредительное Собрание, то, несмотря на преобладание большевиков в Петрограде, в целом по стране РСДРП(б) никогда не соберет столько голосов, чтобы стать правящей партией. Если потом, после созыва Учредительного Собрания, попытаться захватить власть, то придется идти против всенародного представительства. К тому же, видимо, с созывом Учредительного Собрания Советы будут распущены, так что не удастся опереться на авторитет Петроградского Совета (и других кое-где в провинции, где большевики также оказались в большинстве). Нужно взять власть. Для этого надо использовать как ступеньку Советы – вернуть лозунг “Вся власть Советам”, придавая ему теперь иную направленность, не столько против агонизирующего правительства, сколько против грядущего сильного Учредительного Собрания. Но власть должны взять именно большевики, а не все социалисты.

И вот 10 октября Ленин появляется впервые на заседании ЦК. Он объясняет:

Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

ЦК соглашается с ним и принимает (10 – за, 2 – против) резолюцию:

ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, – все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), – все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т.д.).

Однако 10 голосов – это меньше половины числа членов ЦК (их было 21 плюс 10 кандидатов), поэтому резолюция переголосовывалась 16 октября, когда была подтверждена на более широком собрании, включая множество рядовых большевиков, в редакции:

Собрание вполне соответствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

Стоит заметить, что на этом собрании, где кроме членов ЦК присутствовали и посторонние, уже не было произнесено слов против Учредительного Собрания. Достаточно, если лишь некоторые члены ЦК будут знать, что мы идем на восстание, дабы не допустить Учредительного Собрания, – а партийцам пониже рангом это необязательно. В широкой прессе, напротив, большевиками была развернута яростная кампания за созыв Учредительного Собрания. При чтении собраний сочинений Ленина, Троцкого, Сталина всегда следует помнить: **к кому** обращено то, что они пишут. У них нет (хотя на первый взгляд иногда кажется, будто есть) безадресных статей, одному адресованы одни слова, другому – другие, прямо противоположные порой. Узкий круг знает цель. И решает, что средством для достижения ее будут такие-то слова, обращенные к более широкому кругу.

Но вернемся к резолюции.

Поправка Зиновьева отложить выступление до консультаций с большевистской фракцией предстоящего Съезда Советов провалена. Создан

Военно-революционный центр в составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский, который должен входить в состав революционного Советского комитета.

Имеется в виду Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, созданный 13 октября под руководством Троцкого (в его отсутствие – Подвойского). В этот ВРК входили не только большевики, но подавляющее большинство принадлежало в нем большевикам. Внешний повод для создания ВРК при Совете Троцкий придумал такой: уг-

роза корниловщины, угроза вывода войск из Петрограда. Разумеется, красивое название “Военно-революционный” пленило сердца левых с.-р. О том, что этот орган создан для захвата власти, для того, чтобы иметь возможность через год расстрелять Александровича, а через 24 года – Спиридонову, они не знали, не догадывались, не ведали.

Я уже не один раз упоминал Марию Спиридонову. Когда ей было 16 лет, она застрелила губернатора, жестоко расправлявшегося с восставшими крестьянами Тамбовской губернии. И ее-то, возмущенную именно массовым сечением крестьян, казаки при аресте “по-отечески” выпороли, как нашкодившую девчонку. Потом ее приговорили к смертной казни, но из-за крайней молодости, некрасивой истории с поркой и близкого открытия Государственной Думы заменили виселицу на каторгу. Там, на одних нарах с Фанни Каплан, взятой, когда заряжала бомбу для очередного теракта, она набиралась знаний и ненависти. Каторжный университет не пропал для нее даром: ее мемуары написаны вполне приличным литературным языком, но все же она набралась гораздо больше ненависти и веры, нежели знаний. Если Морозов после Шлиссельбургского каземата из народовольцев стал к.-д., то Спиридонова сохранила и разве лишь увеличила весь пыл молодости, всю веру в то, что собственным самопожертвованием можно вдруг и сразу осчастливить все человечество, бесконечную любовь к русскому крестьянству.

Каторжанка в вожжах, ты из тех, что бросались в житейский колодец, не успев соразмерить разбег.

И когда ее освободила Февральская революция, она примкнула к крайне левым в своей партии, к Александровичу, Коллегаеву, Прошьяну, Штейнбергу. Учить ее, 27-летнюю и уже прошедшую 10 лет на каторге, необходимости терпения, постепенной работы – было бы и неприлично. Она декламировала социалистические призывы, опьянялась возвышенно звучащими фразами о светлом царстве социализма, ревностно отстаивала интересы крестьянства ото всех и всяческих покушений, откуда бы они ни исходили. Разумеется, если бы она и знала, что большевики затевают заговор с целью свержения правительства, она не стала бы мешать: оно было и ей не нужно, оно скомпрометировало себя и в ее глазах коалицией с буржуазией, т.е. с к.-д. Ее товарищи по партии (например,

Устинов) уже участвовали с большевиками в июльском восстании, так что мысль об антиправительственном восстании была естественной.

А ведь большевики нигде не объявляли, что они затевают восстание с целью воспрепятствовать Учредительному Собранию. Напротив, они тем яростнее обрушились против правительства, обвиняя его в саботировании созыва Учредительного Собрания, уверяя, что только они, большевики, сумели бы правильно, в срок созвать Учредительное Собрание и т.п.

Военно-революционный комитет разослал своих комиссаров во все воинские части с предписанием: не исполнять ничьих приказаний, кроме приказов ВРК, т.е. Троцкого или Подвойского. Офицеры, которым все давно осточертело, еще раз скрестили руки; сие фигуральное выражение реализовывалось в форме кутежей, устраиваемых в гостинице “Астория”¹. Солдаты, зная, что только Совет спасет их от неминуемой отправки на фронт, признали комиссаров².

Одновременно разгорелась борьба за II Съезд Советов. В рамках лозунга “Вся власть Советам” большевики настаивали на устройстве II Съезда для активизации деятельности Советов вообще и с целью перевыборов его руководящих органов – ЦИК – в частности. Напротив, остальная часть советской демократии расположилась уже отмирать в пользу Учредительного Собрания и потому рассматривала съезд как неуместный: за месяц до ликвидации советской власти не к чему устраивать ее съезд. Поэтому большевики интенсивно создавали на местах хоть кратковременные, но Советы, от которых можно было бы делегировать посланцев на всероссийский съезд³. В условиях той общей усталости, раздражения, “чемоданного настроения”, невнимания большей части социали-

¹ Офицеры – от прапорщиков до генералов – не могли и спяну представить себе, что менее, чем через год – 1 ноября 1918 – их всех под страхом расстрела насильно мобилизуют защищать этих самых большевиков под водительством этого самого Троцкого.

² Солдаты – рабочие и крестьяне – не догадывались, что через восемь месяцев эти самые комиссары принудительно мобилизуют всех их, сейчас лузгающих семечки, дабы защищать Совет Народных Комиссаров, провозгласивший Декрет о мире.

³ При создании таких организаций им сгодился опыт созыва и III съезда РСДРП (1905) и Пражской конференции (1912), да и II съезда РСДРП, пожалуй.

стических партий – это удавалось неплохо. Сначала съезд намечался на 20 октября (именно так следует понимать поправку Зиновьева к резолюции от 16 октября: не начинать ничего до 20-го!), но потом за недостаточной явкой делегатов даже рьяные сторонники съезда согласились перенести его на 25 октября.

Приход большевиков к власти – дело не только одного-двух дней, а постепенное, хотя порой и драматическое, изменение состава политических партий и политических деятелей, определяющих судьбы страны. Первый месяц прихода большевиков к власти – с 25 сентября по 20 октября, когда им стала принадлежать власть только в Петроградском Совете, при “соправительстве” ЦИКа, правительства Керенского, Совета Российской республики, при весомом авторитете множества других партий – я описал ранее. Следующий этап – с 24 октября по 27 ноября, когда некоторые из “соправителей” были убраны, когда власть большевиков расширилась, но покамест их правительство все еще называлось “Временное, до созыва Учредительного Собрания Рабоче-крестьянское правительство”. Потом (28 ноября – 5 января) пойдет этап разгона Учредительного Собрания и создания ВЧК. И, наконец, последует бегство в Москву, от недавних союзников – матросов (январь-июль). Разумеется, это не исчерпывающая периодизация, но, в отличие от созданного позже мифа о якобы Октябрьской Революции, – она способствует пониманию происходящего.

То обстоятельство, что Зиновьев выступил против Ленина в вопросе о вооруженном восстании, очень помогло большевикам. Произошло следующее. Покамест один только Ленин помещал в большевистской прессе (“Рабочий путь”) письма, призывающие к восстанию, на это притерпевшиеся с.-д. из числа вождей советской демократии не очень-то обращали внимание: мало ли что этот известный фанатик и бланкист твердит откуда-то из своего тайника. Но когда Суханову стало известно¹, что Зиновьев – alter ego Ленина – протестует против **решения** ЦК РСДРП(б) о подготовке немедленного восстания, газета “Новая Жизнь” забила тревогу. Значит, дело серьезнее, нежели думалось. Не один Н.Ленин, но какое-то

¹ Само заседание ЦК происходило на квартире Суханова.

большинство то ли партии большевиков, то ли ее ЦК, оказывается, затевают игру в восстание. Похоже, что с ними любил петроградских рабочих и солдат Троцкий. Это уже опасно. Надо срочно принимать меры.

Но какие меры? Объединиться с Временным правительством и совместно с ним подавить заговорщиков, которые по мнению и “Новой Жизни” и Керенского усугубляют смуту, развал и угрожают гибелью Русской революции? Нет, это выглядело бы так, словно с.-д. интернационалисты выступают в роли жандармов, карательного отряда, в роли доносчика на своих же, хоть и заблуждающихся, сотоварищей по РСДРП. Кроме того, покамест в составе Временного правительства есть цензовые элементы, т.е. буржуазия, мы, настоящие социалисты, не можем и не желаем с ними объединяться ни в чем, тем более, в травле ошибающихся социал-демократов. Неужели? Совместно с казаками, исконными врагами революционеров, совместно с войсками, приведенными с фронта офицерами, выступить против одной из фракций РСДРП – против большевиков?! Может быть, о ужас, даже придется стрелять в социалистов?! Нет! Думал ли тогда Суханов, что ему придется в 1931, после мучительных пыток, признать себя виновным в никогда не совершенных вредительствах и быть посаженным милым интеллигентом Менжинским, с сестрами-тетушками которого Суханову столько раз приходилось пить чай и любезничать? Думал ли тогда Горький, что по приказу мало кому известного редактора “Рабочего пути” К.Сталина его в 1936 отравит нынешний завхоз “Рабочего пути” Г.Ягода? Думал ли тогда Рожков, что последнее, предсмертное выступление Ленина на заседании ЦК – больной специально ради этого сорвался с Горок в Москву – будет о том, что совершенно недопустимо, грозит свержением нашей власти разрешение, данное ОГПУ, Рожкову жить так близко от столицы – во Пскове; что следует Рожкова сослать подальше? Думал ли Мартов, что его, лишённого всякой парламентской неприкосновенности, травимого, из милости вышлют умирать за границу Ленин и Дзержинский?

Впрочем, может быть, и думали. Из них никто не возмущался словами Плеханова в 1902, когда тот обещал, победив, поставить напротив Казанского собора гильотину для своих политических противников. Те, кто возмущался, как В.А.Пос-

се, – ушли в другие партии из с.-д. Оставшиеся принимали допустимость гильотины. Значит, и для себя. Они веровали в социализм и были готовы ради него на все, даже погибнуть.

Чтобы спасти революцию, не дать ей погибнуть, деятели советской демократии решили противопоставить воле Петроградского Совета – волю Всероссийского Съезда Советов. И так как сделалось спорным, выражает ли эту волю старый ЦИК, избранный на I Съезде, то решили согласиться на созыв II Съезда, будучи уверенными, что массы осудят большевистскую авантюру. Правда, при этом пришлось перенести дату начала Съезда с 20 на 25 октября, но все равно к 20-му приехало ничтожно мало делегатов. Последствия же того факта, что II Всероссийский Съезд Советов был формально созван старым ЦИКом, что имела место некоторая **преемственность этой общественной организации**, будут видны через несколько дней.

Была и еще польза от выступления Зиновьева и Каменева с критикой идеи восстания. После этого увеличилось количество слухов об “уже начавшемся восстании”. Газеты тех дней – от 17 до 22 октября – пестрят “достовернейшими” сообщениями, что большевики уже начали, или вот-вот начнут. Правительство кидалось по указываемым в газетах адресам (своей же “охранки” или “КГБ” у правительства, конечно, не было и в помине), убеждалось, что слух не соответствует действительности; натывалось на другой слух – кидалось, убеждалось. В результате притупилась бдительность, надоело каждый час ожидать переворота, слухи о восстании стали восприниматься как обычная болтовня. Можно уверенно сказать, что, начини большевики штурм Зимнего до 22 октября, они были бы раздавлены. А после – устали ждать их выступления.

22 октября 1917 года является решающей датой. В этот день Военно-революционный комитет отдал два распоряжения, явно входящих в компетенцию исполнительной власти и даже превышающих эту компетенцию.

Первый приказ – распоряжение по типографиям, запрещающее что-либо набирать в типографиях без предварительной санкции ВРК. Еще до взятия государственной власти, до установления однопартийного режима, Петроградский Совет восстанавливал ненавистную когда-то предварительную цензуру на печатное слово. Как и будущие распоряжения Глав-

лита типографиям, это распоряжение Троцкого не было опубликовано. Его прочитали наборщики, некоторые владельцы типографий. Угроза была неопределенно-зловещая: с нарушителями будет поступлено по всей строгости революционного времени, типография будет конфискована Петроградским Советом. Разумеется, в те времена у Совета не было аппарата, который справился бы с задачей прочтения всей печатной продукции, так что приказ остался грозным предвещанием. И, разумеется, он мотивировался угрозой корниловщины¹, наступлением контрреволюции – Троцкий и Ленин были едины в том, как сваливать на врага, с больной головы на здоровую, напомним:

Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение о необходимости вооруженного восстания, *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. (Курсив Ленина) –

и воспринимался в те дни лишь как весомая рекомендация запрашивать мнения Совета в решении: публиковать или нет то или иное политическое воззвание. Однако первый шаг по пути ограничения свободы печатного слова был сделан. Через месяц после того, как Ленин сформулировал (разумеется, для самого широкого круга) свое определение: “Свобода печати означает: все мнения **всех** граждан свободно можно оглашать”.

Второй приказ Троцкого привлек гораздо большее внимание. ВРК назначил своих комиссаров во все войсковые части и отдал распоряжение (не комиссарам, а частям) не исполнять ничьих приказов, кроме приказов ВРК, передаваемых с комиссарами. Штаб Петроградского военного округа отдал контрприказ, тогда Совет отменил подчинение войсковых соединений, расположенных на территории Петроградского военного округа, штабу Петроградского военного округа. В некоторые части не хватило комиссаров, приказ отдавался телефонограммой. В частях прокатились митинги, и одна за другой они стали признавать телефонограмму. Когда штаб округа оказался перед осознанием факта, что в его распоряжении вовсе не остается войск (дольше всего колебались те верные правительству самокатчики, которые были дислоцированы в Петропавловской крепости после 6 июля; они согла-

¹ Напомним, что Корнилов сидел в тюрьме.

сились подчиниться Совету только 24 октября), он метнулся вступить в переговоры с Советом, но уже было поздно. Не нужно преувеличивать значение упомянутых резолюций войсковых частей: в их понимании согласие подчиняться приказам Совета не означало перехода на сторону большевиков (большевистские мемуаристы и историки часто смазывают этот момент). Они соглашались не выполнять приказов штаба без санкции ВРК, но не брали на себя обязательств выступать по приказам ВРК. Такому выступлению непременно должен был предшествовать митинг в части: выступить, на чьей стороне, сохранить нейтралитет, принять резолюцию и т.п. Большинство полков гарнизона хранило нейтралитет, т.е. торговало семечками. Даже от тех полков, которые в принципе соглашались примкнуть к большевикам, реально вступали в действие лишь небольшие отряды, да и те сплошь да рядом ограничивали свое содействие определенными условиями: выступить-выступим, а стрелять не станем. К примеру тот же гарнизон Петропавловской крепости отказался выполнять приказ ВРК стрелять из пушек по Зимнему дворцу.

Рабочие Петрограда вовсе не поддерживали большевиков. Разумеется, отдельные лица были, даже десятки и сотни. Речь идет о массовой поддержке. Таковой не было. На том же заседании ЦК с местными представителями все в один голос отмечали пассивность массы.

Если восстание удастся, рабочие такого-то завода нас поддержат, а выступать сами не станут, –

общее мнение чуть ли не всех докладов. РСДРП всегда была партией, далеко отстоящей от среднего рабочего, а большевики особенно. За последние два года конструктивная деятельность меньшевиков-думцев, а также рабочей группы Военно-промышленного комитета завоевала у рабочих скорее симпатии к меньшевикам. Этим, в частности, объясняется некоторое благодушие меньшевиков в оценке предоктябрьской деятельности большевиков: и куда это они сунутся? Ведь все рабочие (“сознательные рабочие” – специфически меньшевистский термин) петроградских фабрик поддерживают нас. Только на этих рабочих вся наша надежда, когда рухнет большевистская авантюра и сюда придут творить расправу корниловцы... Так думали вожди советской демократии. Но рабочие и не противились большевикам на этой стадии завое-

вания власти. Лозунги, эффектные и неотразимые, заставляли видеть в большевиках “своих”. Проливать же за них кровь, рисковать участием в восстании, когда многие утверждают, что и без восстания все прекрасно получится, – не стремились. Характерно, что, например, большевики не призывали рабочих к забастовке против Керенского.

Где же была та сила, на которую намеревались опереться Троцкий и Подвойский для низвержения Керенского?

Эта сила называлась – матросы. “Идет Кронштадт” – воспринималось жителями Петрограда как кошмар: бросают атомную бомбу, выпустили уголовников из лагерей, как извещение о насилиях, резне, беспощадности. С марта месяца слово “Кронштадт” упоминалось в прессе только в связи с убийствами, анархией, своевољством, необузданностью. И вот в 20.00 24 октября Центробалт получает шифрованную телеграмму, требующую немедленно послать корабли Балтийского флота и экипажи из Кронштадта и Свеаборга в Петроград, в распоряжение ВРК для ранее обговоренного свержения правительства. Тогда же крейсер “Аврора”, перехваченный тем же распоряжением от 22 октября (по плану штаба крейсер после ремонта именно 22 октября должен был направиться на фронт), получает приказ идти к Дворцовому мосту.

Восстание началось. И его основная ударная сила были матросы. Почему именно матросы? Это нуждается в специальном исследовании. В Кронштадте и Свеаборге были восстания в 1905, 1906, 1907, 1915 годах; еще будет в 1921. Все эти восстания ждут добросовестного исследователя, который нашел бы то общее, что их (и поведение Кронштадта и Свеаборга в 1917) объединяет, нашел бы социально-психические основания для поведения матросов. Может быть, их надлежит сблизить с волнениями в Германском флоте в 1915-1918. Стоит вспомнить, что в 1906 из матросов формировались карательные отряды. Для меня, не знающего причин, достаточно знать, что таковы были события. Мне достаточно знать, что на жителей Петрограда обрушились орды с красными и черными знаменами, “голос, привыкший над реями реять”, раскатил: “Хуй в горло мировой буржуазии!”, что все общественные места Петрограда, начиная с Зимнего и Мариинского дворцов, когда они были взяты, были преднамеренно засраны. Вас передергивает от употребления этих слов? Да, вот так же –

только немного сильнее, ибо эти слова сопровождались поигрыванием дулами маузеров и браунингов, – передернуло членов Городской Думы, членов Совета Российской Республики, членов ЦИКа, просто жителей Петрограда, которые думали, будто речь идет о споре в толковании политических лозунгов. Для достижения своей цели Ленин и Троцкий использовали самых темных, самых отсталых, самых беспощадных. Шли урки. Шел Кронштадт.

Население не принимало никакого участия в перевороте. “Дул, как всегда, октябрь ветрами... по Троицкой катили трамы, как катят при капитализме”. Да, Маяковский отмечает одну из главнейших особенностей Октября сравнительно с Февралем: при свержении самодержавия остановилась на несколько дней вся работа на всех фабриках и заводах, остановилось трамвайное движение, улицы были запружены демонстрантами, нормальная жизнь приостановилась, о театрах не было речи. При свержении же Временного правительства нигде не было забастовок, никаких демонстраций, улицы заполнены обычными прохожими, изредка рассекаемыми куда-то спешащими броневиками (броневой дивизион перешел на сторону ВРК), даже трамвайное движение не прервано нигде, работают и полны все театры и кинематографы. А тут, неподалеку, вокруг Зимнего и Мариинского, свое “кино”, на которое мальчишек тем интереснее на спор перебегать улицу под пулеметной очередью.

Крыленко позже писал: “Октябрьский переворот по существу был переворотом военным”. И он прав.

В Мариинском дворце выступил Керенский, юридически доказав, что большевики составили вооруженный противоправительственный заговор, и потребовав полномочий от Совета Республики. Начались прения. Кооператоры (Чайковский, многие последователи Кропоткина, Поссе, Струве) и к. д. предложили проект резолюции:

... в борьбе с предательством родины и дела революции, прибегнувшим перед лицом врага накануне Учредительного Собрания к организации открытого восстания в столице, Совет Республики окажет правительству полную поддержку и требует принять самые решительные меры для подавления мятежа.

Но социалисты не могли ни принять такой оценки текущего момента, ни тем более так отнестись к своим братьям-социалистам. Поддерживать Керенского против Троцкого? Фи! Они внесли свой проект резолюции:

Подготавливающееся в последние дни революционное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного Собрания, новую военную катастрофу и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны. Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением проведения неотложных мер, и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством.

Эта резолюция, выработанная правыми эсерами Авксентьевым и Гоцем при отсутствии центриста Чернова и вопреки левым эсерам, выработанная правым эсдеком Даном, интернационалистом Мартовым и принятая большинством (правда, незначительным), тогда как кадетская была отвергнута (тоже незначительным большинством), – эта резолюция нуждается в анализе.

Наличие опасности признается обоими проектами резолюций. Последствие – срыв Учредительного Собрания – предусматривается обоими. Даже опасность для фронта, хотя и в разных редакциях (“перед лицом врага” и “военная катастрофа”) признается обоими. Но квалифицируется по-разному. Кадеты называют: “открытое восстание”, “мятеж”, “предательство Родины и революции”. Для социалистов это “революционное выступление”. Конечно, социалисты не употребляют неприличное слово “Родина”, ведь “пролетарии не имеют отечества”. Социалисты, мысля “симметрично”, параллельно отмечают две опасности: опасность “анархии” и опас-

ность “погромного движения”, т.е. хотят сразу ударить и по большевикам и по “корниловцам”.

Далее. Кадеты, кооператоры, Струве требуют “принять самые решительные меры для подавления мятежа”. Социалисты **прежде всего** требуют провести “ряд неотложных мер”, вроде передачи земли земельным комитетам и начала мирных переговоров. А что, восставшие будут дожидаться, пока правительство выработает соответствующие декреты (даже если счесть правительство полномочным), пошлет союзникам ноты и дождется от них ответа с текстом их мирных предложений, если те вообще захотят ответить, если их ответы окажутся одинаковыми и мн. др.?

Нет, восставшие не ждали. Как раз в те минуты, когда Гоц и Авксентьев добивались успеха своего проекта резолюции, в трех минутах ходу от Мариинского дворца, на углу Невского и Морской солдатские патрули останавливали и реквизировали все частные автомобили. То же происходило напротив Казанского собора, в пятнадцати минутах ходу от Мариинского дворца. Появились матросы с надписями на бескозырках “Аврора” и “Заря свободы”. И это заседание Совета Российской Республики было последним; назавтра ему не дали собраться броневики, поставленные рядом с памятником Николаю I. И на протесты Веры Фигнер: “Мы отказываемся расходиться! Только силой штыка вы сможете нас разогнать!” — матросы применили штыки. Им и слово такое “народовольцы” не было известно (если Коллонтай, влюбившая в себя Дыбенко и ставшая потом его женой, и упоминала этому вождю матросов про “Народную волю”, то уж, конечно, лишь в плане: они шли неверным путем), а сама Фигнер рисовалась им этакой сухой и злющей старухой-буржуйкой. “Вера — топни ножкой”...

Но вернемся к анализу. Привыкшие государственно мыслить кадеты пишут четко и лаконично: “окажем правительству полную поддержку”. Привыкшие разрушать государственность и составлять партийные программы эсдеки и эсеры нагромождают слово на слове, им жалко расстаться с любимившимся словечком; и они ни слова не говорят о том, о чем их просил министр-председатель Керенский в начале заседания: доверяют они правительству или нет? Блудливое “в контакте” идет после того, как резолюция постановила создать

новую власть: Комитет Общественного Спасения. Совершенно понятно поэтому, что когда резолюцию в принятом виде доставили в Зимний Керенскому, он отреагировал: “Это что – вотум недоверия?” Да, фактически это был вотум недоверия, хотя таких слов в резолюции прямо не содержалось. Собственно, юридически большевикам не было нужды в свержении правительства: оно было свергнуто резолюцией Совета Республики, единственного источника легальной власти правительства. Но большевики метили не в покойника-правительство, свержая его. Они свергали его вместе с источником власти – Предпарламентом. Идеолог итальянского фашизма Альфредо Рокко позже резюмировал опыт этой и иных революций:

Правительство обладает некоторым первоначальным авторитетом, не создаваемым общим голосованием.

Да, большевистское правительство обладало первоначальным авторитетом, источником власти –

...отрядами вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Уже вечером 24 октября были арестованы некоторые члены Временного правительства (с.-д. с середины 90-х годов Прокопович и др.) и препровождены в тюрьму. Правда, Прокоповичу удалось бежать по дороге, но это другое дело.

Так как части исполняли только приказы ВРК, то вызываемые для охраны Главного штаба солдаты и офицеры пускались только по проверке Военно-революционным комитетом их революционности. Поэтому ничего удивительного нет в том, что практически вся охрана Главного штаба – напротив Зимнего дворца – была доверена большевикам и, следовательно, отсутствовала.

Приходи и бери, как бы говорил беспорядок в штабе, – пишет министр Временного правительства с.-д. Малянтович, адвокат, который при царе специализировался на защите политических, – и большевики так и поступили: пришли и взяли.

Да, а что среди большевиков в это время? Ленин, как всегда, прятался “от ищеек Временного правительства” и до такой степени не знал, что творится в городе, что поздно вечером 24 октября, т.е. уже после всего описанного: вызова

кронштадтцев, появления на улицах матросов, первых арестов и броневиков – он страстно убеждал членов ЦК:

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Нельзя ждать!! Можно потерять все!!... Правительство колеблется. Надо **добить** его, во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно.

Но только вечером 25-го Ленин рискнул появиться в Смольном, который давно уже как резиденция Петроградского Совета был окружен часовыми, темными и неграмотными (по свидетельству Джона Рида), безгранично доверяющими поставившим их комиссарам-большевикам. Он явился переодетым:

А в Смольном... Ильич гримированный мечет шажки.

С одной стороны, хотелось поприсутствовать при дележе власти: вдруг эти Троцкие, Ларины, Рязановы урвут себе чересчур много? С другой – опасно: как бы враги, ищейки Временного правительства не опознали. Поэтому сидит в парике и гримированный. Лишь когда его узнал один из меньшевиков на II Съезде Советов, он стащил с головы желтый парик. Вот изображение событий Троцким, который получил упомянутое письмо Ленина, сунул его в карман, никому не показавши, и опубликовал только в 1925 в своей книге “1917 год” в виде приложения:

Правительство по-прежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало тенью самого себя. Политически оно не существовало. Зимний дворец в течение 25 октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского Съезда Советов, власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих кварталах. 25-го он вечером конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о вы-

ступлениях вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение захватывалось за другим стройными и дисциплинированными отрядами матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты, в третьем этаже Смольного института.

Да, Зимний остался практически без защитников. В ночь с 24 на 25 Керенский сумел вызвать разрозненные отряды юнкерских школ, женский батальон и т.п., до 1800 человек без офицеров (напоминаю, офицеры не хотели защищать Керенского). За утро 25-го многие разошлись, тогда как толпа блокирующих Зимний матросов, напротив, сгустилась, перестала пропускать в Зимний (уходить из Зимнего давали беспрепятственно). Несмотря на то, что большевики, согласно своей теории, в первую очередь взяли телефон, телеграф, вокзалы и т.п., телефонная станция продолжала тайком от большевиков обслуживать Зимний до последней минуты, телеграммы правительства рассылались (еще одно отличие от антиправительственного движения октября 1905, **начавшегося** с забастовки телеграфистов и железнодорожников).

Керенский приказал командующему Северным фронтом генералу Черемисову немедленно отправить войска в защиту правительства и революции. Войска все не шли и не шли. Почему? Да потому, что начальником штаба у Черемисова был М.Бонч-Бруевич, который по указанию своего брата В.Бонч-Бруевича мертвецки напоил Черемисова и поддерживал того в невменяемом состоянии двое суток, никому не давая телеграмм премьер-министра, т.е. верховного главнокомандующего. Потом Деникин расстрелял Черемисова за это, квалифицировав как измену. В.Бонч-Бруевич стал управляющим делами Совета народных комиссаров, т.е. начальником канцелярии Ленина. Но М.Бонч-Бруевич не сделался Наполеоном от революции: и данных было маловато, да и большевики больше всего боялись опасности бонапартизма, так что столь реального кандидата в генералы от революции почти сразу же от всего отстранили и затерли. Ему даже не позволили в

своих мемуарах рассказать про свою роль в октябрьские дни – она восстанавливается анализом мемуаров других лиц¹.

Не дождавшись войск, Керенский сам помчался в Ставку, оставив замещать себя Коновалова и Кишкина. Единственными организаторами обороны Зимнего были два инженера: П.И.Пальчинский и П.Рутенберг. Первый в 1905 был анархистом, в 1917 стал беспартийным. Второй в 1898 стал с.-р., а около 1907 перешел в сионисты. И вот, когда матросы по коридорам Эрмитажа прорывались в залы Зимнего и швыряли бомбы, то к ним кидались Пальчинский и Рутенберг, вдвоем скручивали матросов и отнимали у тех бомбы. Надо сказать, что Пальчинский недооценил тактику матросов. Те несколько раз прорывались небольшими группами в разные двери дворца и, оказавшись окруженными, сдавались без сопротивления. Пальчинский презрительно докладывал министрам: “Труссы. Они все низкие труссы. Такие не смогут взять Зимнего.” Но оказалось через несколько часов, что пленных во дворце стало много больше, чем защитников, – по мемуарам штурмовавших, так и было задумано – и тогда пленные накинудились на охрану и дали доступ матросам, находившимся снаружи.

Сколько было похищено ценных вещей из Зимнего, мнения расходятся: называют от пятидесяти тысяч рублей (золотых) до пятисот миллионов рублей. Были расклеены объявления, грозящие:

скупщики, антикварианты и все, кто окажутся в числе укрывателей, будут привлечены к судебной ответственности и наказаны со всей строгостью, –

но самим расхитителям ничем не грозили. Неизвестно, откликнулись ли расхитители на просьбу вернуть.

Вот как красочно описывает Коллонтай – нарком в первые же дни большевистского правительства – первое утро после Великой Октябрьской Революции:

Утро, раннее, промозглое, сырое утро питерской осени. Ночью свершился великий акт: Второй Съезд провозгласил переход власти к Советам. Популярнейший клич последних месяцев стал фактом, вошел в жизнь. Возвращаюсь после бессонной ночи домой.

¹ Сказанное, вроде бы, противоречит мемуарам Краснова: тот расписывает, что видел, де, Черемисова как раз в эту ночь, тот был трезвым и в трезвом виде уговаривал Краснова не идти на помощь Керенскому, а сам идти отказался.

Автомобиля не дождалась. Пошла пешком по городу от Смольного.

Казалось, выйду из Смольного и весь город встретит праздником. То, что желал народ, – совершилось: правительства Керенского больше нет. Есть власть трудящихся. Но старый Питер еще не понял, не учуял, не уразумел всего величия свершившегося. Город по-прежнему живет своими буднями. Там – в Смольном – кипит котел революции, там и ликование, и настороженность, и сознание ответственности сливаются в многозвучный хор ощущений. А на улице Питера в это осеннее, серое, сырое утро люди равнодушно спешат по своим маленьким, будничным делам, служат своим привычным заботам. Кто на работу, кто в очередь – “в хвост” за продуктами... На углах по стенам наклеен кратенький, очень скромный по размерам бумаги декрет Советского правительства о составе народных комиссаров. Спешат прохожие по своим делам. Не замечают объявления.

Кое-кто покосится. И дальше. Новое правительство?... одной переменной больше, одной меньше...

Можно ли представить себе такое равнодушие жителей не 26 октября, но, скажем, 28 февраля 1917 или 18 октября 1905 года? Даже неудачное и далекое декабрьское восстание в Москве в 1905 году переживалось питерцами гораздо напряженнее, с большим волнением. А тут – произошла революция, которой никто не заметил!

Впрочем, все эти подробности грозят разрастись во многотомное сочинение.

§9. Закрепление власти большевиков в столицах

II Съезд Советов; власть на волоске; Пулково; Кремль; ставка; забастовки; конец петербургского периода русской истории – попятное движение в развитии прав человека.

Самое главное для большевиков было получить санкцию начавшегося 25 октября II Всероссийского Съезда Советов. Съезд состоялся (хотя старый ЦИК и оспаривал правильность едва ли не большинства мандатов); после ухода (демонстративного) с него большого числа правых с.-р. и с.-д. в знак

протеста против ареста министров-социалистов он стал преимущественно большевистским. Но **назывался** – Всероссийским. И этот Съезд согласился принять власть от ВРК, признать Временное правительство низложенным (хотя сам Керенский в это время уже собрал войска) и назначил Совет народных комиссаров в качестве нового правительства.

Предсовнаркома – В.И. Ульянов (Ленин),
 нарком по внутренним делам – А.И. Рыков,
 нарком земледелия – В.П. Милютин,
 нарком труда – А.Г. Шляпников,
 по делам военным и морским – комитет в составе: В.А. Овсеев (Антонов), Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко,
 по делам торговли и промышленности – В.П. Ногин,
 народного просвещения – А.В. Луначарский,
 финансов – И.И. Скворцов (Степанов),
 по делам иностранным – Л.Д. Бронштейн (Троцкий),
 юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов),
 по делам продовольствия – И.А. Теодорович,
 почт и телеграфов – Н.П. Авилов (Глебов),
 по делам национальностей – комитет под председательством И.В. Джугашвили (Сталина).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным. Почему? Да потому, что железнодорожники объявили забастовку против большевистского правительства. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников – Викжель – находился полностью в руках РСДРП(м) и решительно осудил узурпаторство большевиков.

Это первое правительство продержалось недолго. Советская демократия столь же не хотела этого правительства, как и предыдущего. Продержаться в Петрограде вопреки воле населения (красногвардейцам и матросам лучше было не показываться на Невском: оплевывали; “Правду” покупать отказывались и насмешками сгоняли бесплатных распространителей; многие заводы вынесли резолюцию против большевистского захвата власти) и, главное, влиятельного для этого населения состава политических деятелей старого ЦИК (хотя формально и замененного новым ЦИК) – было трудно. А если добавить к этому, что Керенский и Станкевич уже вели дивизию Краснова на Петроград, то положение большевиков казалось отчаянным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что одним

из первых действий по управлению Россией явилось следующее: Ленин вызывал особо доверенных лиц, которым давал крупные суммы, взятые из государственного и иных банков (частные были объявлены национализированными), и поручал увезти и спрятать эти деньги, которые понадобятся партии потом, когда, после разгрома, она снова окажется на нелегальном положении. Он учил, что следует порвать связи с большевистской партией, напротив, зарекомендовать себя контрреволюционером, дабы не вызвать подозрений и лучше сберечь золото для партии. Я думаю, что некоторые из демонстративных отставок крупных большевиков (Каменев, Рыков, Ногин и др.) в эти дни были именно такой попыткой сохранить для партии крупные силы, отмежевывая их от большевиков; после поражения основных сил эти, ушедшие сами, будут поощрены реакцией и смогут восстановить партию. Хотя, конечно, лично Каменев мог и просто струсить. Под этим же углом зрения смотрю я на протоколы заседаний ЦК того времени: наверное, они велись в разных вариантах, в том числе был и липовый на случай поражения. Кстати, именно тогда архивы ЦК стали конспиративно рассылаться по разным городам; один “чемодан ЦК” занесло даже в Оренбург. Некоторые их архивов пропали. И еще с этим же связана проблема: уже в 1905 большевики приняли резолюцию, согласно которой надлежало засылать своих людей во все политические партии. Более поздние резолюции такого типа не публиковались, но “энтризм” практиковался. Изучено ли историками, что было сделано большевиками в этом направлении?

Для выигрыша времени, для внесения раскола в лагерь противника (всякого контрагента большевики всегда считают противником) ЦК поручил Каменеву, Рязанову и др. вести переговоры с социалистическими партиями относительно условий, на которых партии согласятся санкционировать переворот. Разговоры велись в общесоциалистических терминах, под аккомпанемент декретов Совнаркома, которых ни один социалист не мог оспорить: “Земля – крестьянам”, “Фабрики – под рабочий контроль”, “Мир – народам”. В глазах социалистов произошедшее выглядело так, словно некоторые сорванцы совершили неприличный поступок, но зато добились всего того, чего хотели они, солидные люди. Поэтому разговор все больше и больше сбивался на торговлю относительно-

но персонально кандидатур будущих министров. Время от времени раздавался чей-нибудь вопль относительно зверств, которые творят матросы (но коллеги понимающе качали головами: “эксцессы, имманентные революции”), относительно закрытия большевиками всех газет, кроме своих (но как же иначе в условиях гражданской войны, развязанной корниловцем Керенским, ведущим казаков против рабочих Петрограда), однако главный спор шел: быть или не быть Ленину и Троцкому в составе “однородного социалистического правительства”.

Керенский и Краснов (генерал-майор) со Станкевичем (поручиком) довели войска до Гатчины и Царского Села. Там они соприкоснулись с матросскими отрядами Дыбенко. Стрелять казаки не хотели; матросов же было мало и они не посмели. Согласно общей линии поведения большевиков, когда они не имеют достаточно сил, Дыбенко вступил в переговоры:

- И чего это вам, братцы-казаки, не повезло: воевать приходится?
- Да, неохота в вас стрелять. У вас вон курево хорошее.
- А кого это вы защищать идете?
- Как кого? Керенского этого, мать его туды. Вишь, там какой-то Ленин объявился, так они не поделили чегой-то между собой, нас воевать заставляют.
- Так это вы против Ленина, значит?
- Ну да, а рази вы не за Ленина сюда против нас пришли?
- Да нам этот Ленин ни на х... не нужен. Хотите, сменяем нашего Ленина на вашего Керенского?
- Как сменяем?
- Ухо на ухо. Вы нам отдайте Керенского, мы его судить будем, а вам отдадим Ленина, делайте с ним, чего хотите. А в друг друга стрелять не станем.

– Верно, братцы, – зашумели казаки, замитинговали и постановили: арестовать Керенского и отдать Дыбенке. Краснов, хоть и нелюбезно, но предупредил Керенского о замыслах казаков, и тот в очередной раз бежал. В это время подошли основные части матросов, вдарили по казачкам и:

Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 мин. ночи. Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получила решительный отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и

рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию от революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия, жертвы. Но путь открыт, и победа обеспечена.

Революционная Россия и советская власть вправе гордиться своим пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена¹. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная народная социалистическая Россия!

Именем Совета народных комиссаров Л.Троцкий.

И власть большевиков начала решительно укрепляться. 4 ноября:

ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совет народных комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии.

Троцкий объяснял:

Наша победа над врагами еще не завершена, газеты являются оружием в их руках; при таких условиях закрытие газет есть вполне законная мера самозащиты.

Ленин ему вторил:

¹ В 1920 эта же фамилия мелькает в числе финляндских военнo-государственных деятелей.

Мы, большевики, всегда говорили, что добившись власти, мы закроем буржуазную печать. Терпеть буржуазные газеты значит перестать быть социалистом.

Эта позиция вызвала кризис: не только большевики Ларин и Рязанов выступили против нее, но и возмущенные левые с.-р. ушли из ВРК. Для левых с.-р. свобода печати была такая же непререкаемая догма, как Учредительное Собрание, как личная порядочность.

В Москве несколько дней шли бои. Сначала силы порядка оказались значительно сильнее большевиков, которые по приказу ЦК начали восстание 25 октября; большевистские отряды были разбиты и капитулировали. Но через несколько дней, когда удалось подтянуть силы из Петрограда (в частности, матросский отряд Железнякова и из Иваново-Вознесенска отряд Фрунзе), борьба возобновилась, и после яростного обстрела Кремля засевшие в нем войска Городской Думы подписали договор о прекращении сопротивления и выходе из Кремля. Как откровенно объясняет Усиевич, автор договора со стороны большевиков, “мы и не думали выполнять стесняющих нас условий договора, когда те окажутся разруженными”.

И, в самом деле, не соблюли, как и договор с казачками в Пулково.

Керенский объявил, что в целях облегчения поисков выхода из кризиса власти слагает с себя обязанности премьер-министра, если ЦИК, Совет Республики и прочая демократия берут на себя организацию власти.

10 ноября начался Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов. Большинство на нем имели левые с.-р. И к этому времени удалось уговорить Марию Спиридовну – председательствовавшую на Съезде. Большевики полностью приняли всю аграрную программу ПСР (куда делись все “принципиальные” возражения против ее ненаучности!), согласились выпустить кое-кого из-под ареста, передать министерство юстиции в руки с.-р., фактически отменили свой декрет против печати (заменив его, правда, запрещением газетам публиковать платные объявления, т.е. перешли к удушению прессы лишением ее источников финансирования; но левые эсеры восприняли это как войну капиталу, а тут у них расхождений с большевиками не было). Военно-революцион-

ный комитет по требованию с.-р. прекратил функционирование как репрессивный орган. За это левые эсеры согласились поддержать большевиков своим авторитетом, войдя в их правительство, и порвали с правым крылом своей партии, основав свою собственную партию ПСР(л). Чернов был ими со съезда изгнан. В правительстве теперь было 8 большевиков, 5 с.-р.(л) и 2 левых с.-р. без портфеля.

Левые эсеры нетерпеливо рвались наделить крестьян землей, не оттягивая этого до Учредительного Собрания (на котором **все** эсеры хотели провести тот же закон), и большевики их купили своим декретом о земле. Я уже писал, что все социалистические силы поступали так, словно их знания о земельном вопросе остановились на сведениях 1861, когда крестьян “ограбили при освобождении”, словно у помещиков было море разливанное земли, передел которой мог облагодетельствовать крестьян.

А тем временем в Петрограде шли погромы, обыски, разбивались винные погреба и взрывались дома, в подвалах которых обнаруживались винные склады. “В потоках крови и Chateaux d'Iqueime”... Население по собственному почину организовывалось в домовые комитеты, которые брали на себя защиту и охрану подъездов и домов (в это время гражданам еще не запрещалось иметь личное оружие), но по улицам лучше было не ходить. Городская Дума была распущена, взамен ее выбрана – в описанных условиях – новая. В ней большинство принадлежало большевикам, председательствовал Петровский.

Но и сейчас еще Петроград не принадлежал большевикам. И, конечно, власть не справлялась – да и не думала всерьез о своей ответственности накормить жителей, обеспечить подвоз продовольствия, создать условия для безбоязненного подвоза дров, очистить улицы, пресечь бандитизм. Власть пока большевикам принадлежала только в том смысле, что никто в Петрограде больше не претендовал на власть, не оспаривал ее у большевиков. Соперники либо были постреляны (смертная казнь была отменена еще Керенским в последние дни правления; потом Совнарком торжественно провозгласил ее отмену; но матросы и красногвардейцы расстреливали на месте – и никто не спрашивал), либо бежали, либо притаились.

А в стране? Не лишне напомнить, что как раз в те дни, когда восставшие большевики обстреливали Кремль, отбивая кусок за куском от кремлевских колоколен (не только Луначарского потрясли эти варварские разрушения, их заметил и Джон Рид), как раз в эти дни в Москве происходил Собор православной церкви. Впервые в истории России с послепетровских времен собрались епископы и митрополиты, чтобы решить, как жить дальше. Петр I лишил церковь самостоятельности, подчинил себе духовную власть: он назначил “око царево” – обер-прокурора – надзирать за Святейшим Синодом, а патриарха – упразднил; он обязал каждого священника быть доносчиком: коль на исповеди узнал что противоправительственное – нарушь тайну исповеди и донеси светскому начальству. Теперь освобожденные от царя священники не нуждались больше в обер-прокуроре Синода. Они не желали быть агентами политической полиции. И они собрались учредить новый строй освобожденной православной церкви, выбрать себе патриарха и иных главенствующих лиц. Еще заседали они, как 28 октября телеграф донес до них весть о перевороте в Петрограде, и в Москве началась братоубийственная война. Они приступили к выбору патриарха – наметили кандидатов, избрали из них трех достойнейших, затем предоставили жребии выбрать из троих – но еще не кончили выбора, как Кремль 2 ноября был взят Бухариным, которому Фрунзе из Иванова-Вознесенска привел на помощь отряд в 2000 штыков. Новый патриарх был возглашен 5 ноября – патриарх Тихон. Колокольным звоном отзывались церкви на возрождение патриаршества – а колокольный звон в ушах революционеров есть набат к контрреволюции. И хотя **политически** не отношения с церковью окрасили те месяцы, не нужно забывать и

про нее¹. Она еще жила в душах многих, и во многие души ранее религиозно-индифферентных интеллигентов войдет она.

А что еще происходило в стране? Как и в февральские дни, никто не защищал павшее правительство. Керенский метался, то заявлял, что слагает полномочия, то настаивал на том, что он – единственный теперь в стране законный носитель власти, но его не слушали, даже на порог не пускали. Идея центральной власти была непопулярна. Каждая область устраивалась жить по-своему, по возможности не считаясь с центром. Кое-кто думал об Учредительном Собрании. Кое-кто просто переживал. Потянулись офицеры, профессоры, писатели и актрисы из голодного Петрограда на сытый Юг. Иногда их ловил ВРК, подозревая, что бегут к контрреволюционному Каледину (в те дни жупелом контрреволюции было имя “Каледин”, слова “союзники”, “Антанта”, да “кадеты”), арестовывал, если живым доводил до тюрьмы.

В Москве тоже делалось голодно:

...на рынке сбивались в кучу только по привычке, а толпиться на нем не было причины, потому что навесы на пустых ларях были спущены и даже прихвачены замками, и торговать на загаженной площади, с которой уже не сметали отбросов, было нечем. ... Он видел жавшихся на тротуаре худых, прилично одетых старух и стариков, стоявших немой укоризною мимоидущим, и безмолвно предлагавших на продажу что-нибудь такое, что никто не брал и что никому не было нужно: искусственные цветы, круглые спиртовые кипяtilники для кофе со стеклянной крышкой и свистком, вечерние туалеты из черного газа, мундиры упраздненных ведомств. Публика попроще торговала вещами более насущными: колючими, быстро твердеющими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезан-

¹ Сейчас среди антицерковных кругов очень широко распространена версия, будто православная церковь с самого начала была настроена антибольшевистски; договариваются даже до утверждения, будто поместный Собор 1917 был умышленно созван в дни Октября, дабы помешать Революции. Предоставим слово официозному историку ВКПб, ярому безбожнику Ем.Ярославскому (Губельману): "Когда к нам в московский Совет приходили священники, когда Церковный собор посылал к нам послания... они не злобствовали. Быть может их тон, их поведение изменятся впоследствии, но сейчас надо сказать правду: вражды особенной мы с их стороны не почувствовали". Эти строки опубликованы тогда же, в конце 1917 года.

ными пополам через всю обертку пакетиками махорки в полосушки.

Корнилов с прочими “быховскими узниками”, узнав, что свергнута арестовавшая его власть (которой он присягал), выстроил свой текинский полк и походным порядком двинулся на юг – на Дон, там осмотреться. Но сколь бездарным воителем был Корнилов: он даже не подумал, что лошадям надо питаться! За неподготовленностью фуража горячо любившие генерала текинцы стали таять, таять, пока, наконец, не осталось 6 генералов без единого солдата¹. Переоделись они в штатское и порознь пристроились в проходящие поезда на Ростов-Дон.

Украинская Рада, естественно, признала большевиков, как союзное правительство, с которым можно обменяться посылками, но подчиняться которому не приходится. И самостоятельно Рада начала переговоры с германо-австрийцами относительно мира, чем почему-то возмущала Ленина и Троцкого. Ведь в это же самое время Троцкий и Ленин приказали Духонину, и.о. главковерха, начать немедленные переговоры с немецким командованием относительно заключения перемирия. Духонин почему-то затребовал инструкций относительно условий перемирия, тогда его объявили “врагом народа” (прокламировал его врагом народа тогда “прапорщик”, а после “прокурор республики” Крыленко, которого через 20 лет товарищи по партии объявили врагом народа) и отрешенным от должности. В тот же день 9 ноября главковерхом был назначен Крыленко, который отдал приказ всем полкам и дивизиям каждому на своем участке фронта немедленно заключать перемирие с немцами. Так чем же возмущались Троцкий, Ленин и Крыленко, когда Рада заключила свой мир – на своем участке фронта?

Никто не защищал старую власть. А новая совершала свое “триумфальное шествие советской власти”. Это значит, что поезда с матросами двигались по железным дорогам, наводя

¹ Сия бездарность характерна именно для **генералов**. Чином существенно ниже Б.Анненков как раз в эти недели сумел довести свой отряд (силами около полка) с фронта до Омска, т.е. на гораздо более дальнее расстояние, полностью сохранив все вооружение, людей и дисциплину. А по дороге Анненков разоружал Советы.

страх на железнодорожников, вгоняя в панику обывателей, стреляя в каждого, кто вызывает подозрения. Вот эпизод, рассказанный большевиком.

Матросы движутся по насыпи к противнику, который расположен шагах в 200-500. Офицер, который при них инструктором, настаивает, чтобы они сошли с насыпи, где они представляют хорошую мишень для врага, рассыпались бы в цепь и шли придорожными кустами. Матросы после препирательств было послушались, сошли, но через десяток минут вернулись: там сыро, кусты хлещутся, лучше уж пойдем по сухим шпалам. На возражения офицера пригрозили ему нагаками. Пройдя несколько шагов, они попадают под обстрел, кричат: “Измена!” – и немедленно стреляют в своего офицера, заведшего их под пули. Такая нервность, естественно, приводила к жесточайшим расправам с пленными и вообще безоружными. Крыленко с фантастически большим отрядом окружил Могилев, где находился Духонин, один-единственный, ибо Духонин приказал всем офицерам Ставки спасать свою жизнь и немедленно уехать, а сам вышел на перрон в парадной форме встречать нового главнокомандующего – тот прибыл, матросы в ключья разнесли Духонина штыками (с тех пор пошел эвфемизм “отправить в штаб Духонина”), и Крыленко радостно обратился к солдатам:

Товарищи! Сего 20 ноября я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя, последнее препятствие делу мира пало.

И много таких “препятствий делу мира” падало в те дни повсюду, куда доходили матросы Балтийского флота...

Но страна не торопилась признавать большевиков. Там, куда не ступала нога кронштадтца, либо не было никакой власти, либо устанавливалась какая-нибудь местная власть. По-прежнему заседал “малый совет министров” – совет управляющих ведомствами – та техническая власть, которая при всяком правительстве делает свою рутинную работу, исполняя директивы политически ответственных министров. Этот кабинет спокойно функционировал, ибо большевики в своем государственном невежестве просто не знали о его существовании. А он распоряжался, ставил нужные печати, утверждал-не утверждал мероприятия. Полтора месяца продержался этот орган всероссийской власти.

Петроград и Москва были объаты забастовкой протеста. С некоторыми – именитыми – забастовщиками большевики обращались бережно, т.е. уговаривали-обманывали их. Так они поступили с Викжелем. Викжель держал забастовку, ультимативно требуя, чтобы Ленин и Троцкий ушли из правительства. От имени ЦК РСДРП(б) Каменев и Рязанов пообещали. Викжель снял забастовку. Большевистские войска поехали в Москву и другие места, Ленин и Троцкий остались на своих постах. Чаще же большевики просто сажали в тюрьмы забастовщиков. Из приличия – неловко все-таки рабочей власти запрещать забастовки – стали употреблять иную терминологию: забастовку называли саботажем. Слово иностранное, шипящее, научное. Иногда удавалось прекратить забастовку одной угрозой, иногда – сажали, иногда стреляли. Ничего, что смертная казнь была отменена, уже 25 октября всюду прозвучал Приказ №1:

Приказываю солдатам, матросам и красной гвардии беспощадно и немедленно расправляться своими силами с представителями преступного элемента, раз с очевидной несомненностью на месте будет установлено их участие в содеянном преступлении против жизни, здоровья или имущества граждан.

Слова уже начинали свою жизнь, отдельную от обозначаемых ими деяний: смертной казни нет, но расстрелянных много.

Многое в эти дни свершалось того, что сейчас ретроспективно пронзает, а тогда не замечалось, воспринимаемое как “естественные эксцессы революции”. Кончался петербургский период русской истории, и процесс разделения властей, процесс усвоения идеи ответственности власти перед населением своей страны, процесс возрастания суммы прав человека и гражданина – этот процесс оборачивался вспять. Его сменил процесс слияния властей: исполнительная власть подминала под себя – или готовилась подмять – власть информационную, власть законодательную, власть судебную, власть экономическую (отменялось право на забастовки). Его сменял процесс отнятия у личности всех прав, и прежде всего, гарантии всех прав – права на экономическую самостоятельность. Один из первых декретов Совнаркома разрешал выдавать из сберкассы по личным вкладам не более 150 рублей в неделю (дорога от трех вокзалов до Кремля в эту неделю стоила 50 рублей на извозчике в один конец). О, еще много предстоит сделать новой власти, прежде чем индивидуум

поймет, что личность не имеет никакой ценности, что ей никто не должен, что она ничего не имеет права требовать.

До сих пор основной вопрос в соотношении государства и индивидуума был: права индивидуума и обязанности государства. Мы переворачиваем вещи с головы на ноги и ставим вопрос так: права государства и обязанности индивидуума,

– учил дуче Муссолини.

Ты одинок, и вслед беда стучится. Ушедшими оставлен протокол, что ты и жизнь – старинные вещицы, а одинокость – это рококо. Тогда ты в крик: “Я вам не шут, насилье, я жил, как вы!” – но отзыв предreshen: история не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом.

§10. Учредительное Собрание

Выборы в Учредительное Собрание; 28 ноября; создание ВЧК; охранять ли Учредительное Собрание? 5 января; комментированный разбор поэмы “Двенадцать”; место разнузданной черни в описываемом перевороте.

Страна не знала никакого правительства, армия не знала никакого командования, партии готовились к Учредительному Собранию. Совнарком в первые же дни назначил комиссаром по делам Учредительного Собрания Урицкого. Кроме того, существовала утвержденная еще Советом Российской Республики и правительством Керенского Комиссия по созыву Учредительного Собрания. Комиссия и комиссар взаимно не признавали друг друга, но ни у кого не было сил отменить другую сторону. Поэтому в назначенный срок – 12 ноября – по России прошли выборы, по партийным спискам, как описано в §6. Разумеется, в тех местах, где не было иной власти, кроме большевистской, за большевиков голосовало большинство избирателей, хотя и не такое внушительное, как на сегодняшних выборах. В прочих же местах России – т.е. всюду, за исключением Петрограда и Москвы – большинство досталось партии социалистов-революционеров; в эти дни еще не было формального раскола ее на левых и не левых, потому они избирались единым списком. Большевики получили в Учредительном Собрании еще меньше мест, нежели предполагали.

Правда, и левые эсеры получили мест меньше, нежели была их роль в Петрограде: ведь партийный список очередности получения мест отдавал предпочтение старым членам партии, а большинство левых были молодые, да и роль левых до августа-сентября, когда в основном составлялись списки, была меньше. Немало – около 20% голосов, следовательно, и мест – получили к.-д., шедшие в блоке с радикальными демократами.

Прошли выборы. Стали известны результаты голосования. И встал вопрос: что делать дальше. Совет народных комиссаров провозгласил себя Временным рабоче-крестьянским правительством до созыва Учредительного Собрания; так значилось в его первых о себе извещениях. Так что же: уступать теперь власть? Уходить? После геройского низвержения буржуазии?! Не таковы были эти люди, чтобы уйти. И никогда-то за всю свою политическую жизнь не подчинялся Ленин противостоящей ему воле большинства. Если он уходил, то всегда только ультимативно, только срывая; он непрестанно создавал свои собственные фракции, где был главой, не признавал никаких съездов, на которых не оказывался в большинстве. Тем более не уйдет он из правительства теперь, когда ему удалось отколоть от ПСР самую значительную для Петрограда фракцию ПСР(л), удалось убедить их признать большевистское правительство и снять ультиматум относительно изгнания из правительства Ленина и Троцкого. Да и не новость для Ленина, что на выборах в учредилку победили не большевики; он и раньше, еще 10 октября это предсказывал; удивляться “такому сюрпризу” могут разве что Каменев да Бухарин, которые строили какие-то планы использования учредилки (Каменев – с признанием ее, Бухарин – с частичным разгоном, на манер Конвента, изгоняющего жирондистов). Правда, протоколы тех обсуждений, которые велись в ЦК относительно Учредительного Собрания, не опубликованы. Да и были ли протоколы?! Ленин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Сталин не нуждались в протоколах, у них было то самое общее “мышечное чувство в политике”, которое и стало ленинизмом. Протоколы нужны, когда фиксируются разногласия своих же товарищей по партии, а когда решается отношение к врагу, то можно ограничиться поджатием губ, широким жестом руки, иронической усмешкой-приглашением: “Товарищи, действуйте!” – освобождая их от всякой ответст-

венности за форму действия при одном-единственном условии: победить.

Надо разгонять. Но как?

28 ноября, в день, назначенный еще в августе-сентябре, в Петербург съехались несколько сот членов Учредительного Собрания. Да, они ехали в Петроград, где у власти находились “эти анархисты”, о которых телеграф разносил по всей России одно ужасное известие за другим¹. Но и к.-д. и с.-р. ехали в Петроград. Кое-кто из них, правда, обсуждал идею созвать Учредительное Собрание в Москве, Могилеве, еще где-нибудь, где нет политического террора, где не закрывают газет, где нет произвольных арестов (даже Чернов и Савинков уже были арестованы большевиками, хотя общий вздрог возмущения заставил быстренько их освободить; по той же причине были освобождены и многие другие). Но магия столицы, но вера в святость **Учредительного Собрания**... И депутаты потянулись в столицу.

28 ноября комиссия по созыву возглавила процессию депутатов, двинувшуюся к Таврическому дворцу, где назначено заседать Собранию. Очень внушительно выглядят фотографии этого шествия по Невскому в сопровождении ликующих демонстрантов. У дверей их встретил комиссар по делам во главе матросского отряда, который арестовал часть лиц, а прочих не пустил во дворец. Матросы ворвались в дом графини Паниной, арестовали к.-д. депутатов Собрания и заодно – хозяйку дома С.В.Панину.

Что это было: разгон? Нет, пробный шар, вроде апрельско-июньских демонстраций: сойдет или нет? Не сошло, даже тут, в Петрограде, поднялось возмущение. Отовсюду стали приходить известия, что никто не одобряет, что настроение – свергать большевиков за разгон Учредительного Собрания. И тогда живо переиграли: товарищи, да о каком разгоне вы нам твердите? Не разгоняли мы учредилки и не думаем разгонять!

¹ В этом смысле очень показательны и впечатляющи первые послеоктябрьские статьи Горького и особенно Короленко, которые за последние десятилетие весьма широко распространились в самиздате и дают довольно-таки полную картину всеобщего возмущения общества против “худшей и самой унижительной из цензур, потому что эта цензура партийная, во-первых, и самозванная, во-вторых”. Менее известны, но также живописны зарисовки Замятина в рассказах тех лет.

Нужна она нам?! Мы вовсе не разгоняли, а, напротив, наш комиссар по делам (слышите, по делам, а не по разгону) У.С. товарищ Урицкий оберегал Таврический дворец от самозванцев и смутьянов, которые пытались самочинно (мы же всегда за строгую законность) начать заседание Собрания, не дождавшись кворума, не проверив мандатов. А, что там? Арестовали, говорите, мы? Так кого же, товарищи?! Не людей же, не народных представителей¹, а кадетов, этих явных главарей контрреволюции, развязывающих гражданскую войну (словно бы и не большевикам принадлежал лозунг: **превратим войну империалистическую в войну гражданскую**). Неужели же вы, товарищи-социалисты станете на защиту кадетов? А Каледин? А Могилев? А Париж? А Лондон? Мы же против империализма, а потому издаем декрет об исключении из Учредительного Собрания партии кадетской, как явно монархической, не отражающей воли народа. Ведь вы же революционеры, вы же изучали, что именно так в мае 1793 из Конвента был исключен 21 жирондист. Неужели вы нас не поддержите?!

Несколько десятков лиц, назвавших себя депутатами, не предъявляя своих документов, ворвались вечером 28 ноября в сопровождении вооруженных белогвардейцев, юнкеров и нескольких тысяч буржуев и саботажников-чиновников в здание Таврического дворца.

Задача кадетской партии состояла в том, чтобы создать якобы "законное" прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания. Голос нескольких десятков буржуазных депутатов они хотели представить как голос Учредительного Собрания.

Совет Народных Комиссаров доводит об этом заговоре до всего народа. ...

Долой буржуазию. Врагам народа – помещикам и капиталистам не должно быть места в Учредительном Собрании. Спасти страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа! –

¹ Графине Паниной, арестованной 28 ноября "за учредилку", срочно переквалифицировали обвинение: "за сокрытие казенных сумм", с каковым она вошла в советскую историографию Революционного Трибунала. В 1904 Панина (падчерица И.Петрункевича) пожертвовала 800 000 руб. своих денег на создание Народного Дома в Петербурге.

гласило “Обращение СНК ко всем трудящимся и эксплуатируемым о подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией” от 30 ноября 1917.

И что вы думаете? Поддержали-таки!

Ну, конечно, не арестованные к.-д., из которых, кстати, двое – Шингарев и Кокошкин – были позже зверски убиты матросами, ворвавшимися в больницу, где те находились (за это врачи получили нагоняй: почему не организовали охрану больницы; матросов не нашли, если и искали); и не те рабочие, что на суде Ревтрибунала заступались за гр. Панину. Но левые с.-р. радостно приветствовали это углубление революции, это сметание с пути революционных рабочих и крестьян всех и всяческих буржуазных препятствий. Но с.-д. интернационалисты, хоть и сквозь зубы, все же обосновали теоретическую правильность этого шага; против него ничего не имел даже Плеханов, хотя тому назад к нему в дом ворвались красногвардейцы, стащили его больного с кровати, все перерыли, расшвыряли, ища следов связи Плеханова и с Керенским, и с Красновым. Да и ПСР в целом ничего не имела против. И если она не выразила восторга, то и неодобрения также не высказала. Естественно, что раз революция социалистическая, то буржуазным представителям в ней делать нечего.

Акция Урицкого прошла. Хоть со скрипом, но прошла. Собрание не состоялось в назначенный день. Однако пришлось – вот неприятность-то! – дать обещание все-таки открыть Собрание. Правда, Урицкий сумел схитрить, точной даты открытия не назвал: когда в Петроград соберется не менее 400 депутатов. А там попробуй, сосчитай их, особенно когда царит неясность: у кого регистрироваться – у комиссара или у комиссии? И – совсем уж неприятно – дабы уломать левых с.-р., пришлось дать им обещание “распустить ВРК и другие репрессивные органы”. Ну, обещание, конечно, можно бы и не выполнять, да вот гады Штейнберг (нарком юстиции) с Карелиным оказались настырными, все донимают, требуют. Пришлось 5 декабря распустить Военно-революционный комитет и все его организации (одних комиссаров ВРК назначил несколько сот). Но святу месту пустовать непристойно. Еще 21 ноября, когда ВРК был уже обречен, но тянул, один из его руководителей предложил “взамен” создать Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию, естественно, для борьбы с контр-

революцией. И через день после роспуска ВРК, а именно 7 декабря, этот руководитель – Ф.Э.Дзержинский – получил от ЦК РСДРП(б) и СНК полномочия возглавить ВЧК. Правда, ПСР(л) быстро прослышала про эту комиссию, потребовала допустить в нее своих представителей, а те (Александрович, Попов) подчинялись все-таки другому ЦК. Так что по-настоящему ВЧК развернулась лишь много позже, пожалуй, лишь с дела Рейли.

Как бы там ни было, но большевики готовились к неприятному для них дню, когда придется открыть учредилку.

Готовились ли к этому дню, и как, те, кто намеревался заседать в Учредительном Собрании?

Большинство, бесспорное, непоколебимое ничем, ни к.-д., ни большевиками, принадлежало в Собрании ПСР, точнее – ее центру и правым с.-р. Даже при отколе левых с.-р. у основной ПСР оставалось большинство. Вождем этой партии (“армии”, как выражался он) был В.М.Чернов. А он свято верил в Учредительное Собрание, в его магическую силу.

Броневой дивизион – одна из ударных частей большевиков в октябрьские дни – перестал доверять большевикам. Прислал делегацию в комиссию по созыву, предложил свою часть в качестве охраны Учредительного Собрания от возможных покушений на разгон. Чернов величественно отмахнулся:

Учредительное Собрание не нуждается в военной защите. Оно стоит под защитой всего русского трудового народа.

Савинков с первых дней октябрьского переворота понял для себя необходимость борьбы с большевиками. Находясь в партийной изоляции, он мог сделать мало, но в начале декабря, когда быть или не быть Собранию стало актуальностью, и его мнение и воля значили много для членов ПСР. И вот несколько членов ПСР создают тайком свою Боевую организацию для совершения террористических актов против узурпаторов власти. Им удастся проникнуть: одному – шофером к Троцкому, другому – секретарем к Ленину. Бомбы готовы. Но в духе традиций социал-революционной партии необходимо, чтобы акт был санкционирован партией, ее ЦК. Иначе будет простое убийство, уголовное преступление, а не политический акт, не террор. (Как не понимают этой потребности русского человека иметь высшую санкцию, верховное оправдание – те, кто, вроде Л.Н.Толстого, усматривает в терроре простое убийство, кров-

пролитие, отрешение от всякой религии. Нет, политический террор – это сопричастность к величественному, “я счастлив, что я – этой силы частица”, отнюдь не индивидуальный акт личности, это – выполнение тяжелого приказа, но приказа, получаемого от самого ценного, самого дорогого, самого святого в жизни.) И Ракитников обращается к Чернову за санкцией. Чернов на заседании ЦК разражается горячей речью с упреками: как вы могли подумать, что ЦК ПСР пойдет на политический террор против социалистов? Откуда в вас такое малодушие и неверие в демократизм русского крестьянства? Неужели же Учредительное Собрание нуждается в бомбистах? Да кто посмеет стать на его пути, тот будет сметен мощным крестьянским движением! Да пресловутый Совнарком рассыплется в прах! Покушение запрещается. Дисциплинированные члены ПСР подчиняются.

Савинков метнулся на Дон: большевики вот все пишут, будто там центр контрреволюции, туда вот и Корнилов убежал. Может, вправду, там есть силы для борьбы с большевиками? Посмотрел. Увидел, что Каледин ни о чем, кроме своего Дона, не думает и не желает думать. Увидел полное ничтожество Корнилова и неготовность того к вооруженной борьбе. Вернулся. Попробовал уговорить Плеханова. Тот отказался, да и последнее, за что поднялся бы Плеханов, было Учредительное Собрание. Метался и Керенский, но с еще меньшим успехом: с ним Корнилов и вовсе разговаривать отказался.

Этот же догматизм сохраняется у Чернова и в день заседания Собрания. “В порядке ведения” слово взял взволнованный депутат:

Пока мы с вами тут заседаем, там в Петропавловской крепости томятся такие-то и такие-то депутаты нашего Собрания¹. Приглашаю Собрание потребовать от большевиков их освободить!

Председатель Чернов проводит резолюцию: “Учредительное Собрание **постановляет**, что такие-то и такие-то свободны”. Ни посылки приказа кому бы то ни было, ни требования освободить, ни возмущения арестами. Высшая воля – Учредительное Собрание, ему достаточно принять решение, а дальше само все сделается... И позже, когда Чернов выпускал

¹ В частности, Авксентьев.

“Стенографический отчет об Учредительном Собрании”, – тот же догматизм и пристрастие к “принципам” вместо фактов.

Собрание открылось 5 января (по новому стилю 18). Ему предшествовали забастовки: не тяните с открытием, скорее. Ему предшествовали демонстрации, организованные РСДРП (объединенная). Одна из них – (4) 17 января – рабочих Путиловского завода, расстрелянная большевиками из пулеметов, даже попала в историю, ибо по требованию Собрания была создана комиссия по расследованию расстрела демонстрации; председателем ее досталось быть Луначарскому. Впрочем, и некоторые большевики колебались: разгонять ли? На следующий день после окончательного разгона Собрания старый большевик Лазуркин выйдет из партии в знак протеста (но потом вернется, и расстреляют его только в 1939, когда он будет ректором Ленинградского университета).

Собрание открылось, начались споры, кому его открывать: представителю ли СНК или старейшему депутату Собрания. Споры, начать ли обсуждение с вопроса о власти или кончить этим вопросом. И т.п., подоплекой чего было желание знать: согласится ли Собрание признать нас, большевиков, в качестве власти, хотя бы и промежуточной? Ведь не случайно 16 января ВЦИК вынес постановление

О подавлении **попыток каких бы то ни было** лиц или **учреждений** в присвоении ими тех или иных функций государственной власти, кроме Советов и советских учреждений.

Когда стало ясно, что в отличие от Съезда Советов крестьянских депутатов с Собранием сговориться не удастся, большевики и левые с.-р. ушли из него. Кстати, они, конечно, не полагались на авторитет одного лишь лозунга “Вся власть Советам” или декрета СНК, но и вызывали верные им отряды:

Еще брезжил рассвет, когда я дал распоряжение батальону Егерского полка занять прилегающую фабрику, укрепиться с пулеметами для охраны моста через Неву, откуда можно было ожидать какой-нибудь диверсии против Смольного. Самый мост охранялся сильным отрядом этого же батальона. Обеспечив таким образом тыл Смольного и рассыпав охранные посты вокруг него, к 9 часам утра я вытребовал к Смольному отряд матросов во главе с товарищем Железняковым. Он привел свой отряд в полной готовности к Смольному и молодецки, по-военному представил его мне. <...> если вы встретите врагов революции, – пощады им нет, и пусть ваша рука не дрогнет.

Когда культурный человек с университетским образованием, более 20 лет участвующий в общественном движении России, **так** поучает серых, неграмотных и озлобленных матросов, то интересно посмотреть, что же из этого выходит. В.Д.Бонч-Бруевич продолжает:

Чернов стал говорить столь расплывчато и обширно, что ясно было, что его краснбайству не будет конца. Матросы, стоявшие внизу около нас и в других проходах, имевшие к Чернову какое-то прямое отвращение, подмигивали мне, указывая на его ораторствующую фигуру. Я заметил, что двое из них, изловчившись, окруженные своими товарищами, брали его на мушку, прицеливаясь из винтовки.

Но Чернов был настолько догматиком, что даже в изданной им стенограмме нет ни слова о целившихся в него и других депутатов Собрания, в зале Собрания, – матросах. Это, видите ли, не относится к деятельности Собрания. А что же относится?

Символом веры ПСР было “Земля – крестьянам”. Именно потому партия всегда поддерживала крестьян, громивших помещицьи усадьбы в 1917 так же, как и в 1905 (см. §16 кн. 1). Блок вступил в партию левых социалистов-революционеров и оставался в ней, несмотря на то, что в его усадьбе сожгли библиотеку! Земля, земля, земля! Отдать крестьянам землю значит уничтожить вековую несправедливость¹. Значит, открыть им путь к светлой счастливой жизни. Значит, встать на путь социализма. Земля – тем, кто ее обрабатывает. Непосредственно крестьянам (а не государству, как предусматривала программа РСДРП), с запрещением перепродажи, с наделением по трудовой норме. Ленин именно тем и привлек левых с.-р. в середине ноября, что отказался от соц.-демократической программы, принял и провозгласил в декретах Совнаркома полностью всю соц.-революционную программу. Провозгласил – не дожидаясь пока еще соберется Учредительное Собрание. (Провозгласил, теперь-то мы знаем, вовсе не рассчитывая соблюдать обещанное.)

¹ Совестьливая и бескорыстная интеллигенция десятилетиями тщиалась уговорить себя в справедливости этого шага: "Иль я не знаю, что в потемках тычась, вовек не вышла б к свету темнота? Иль я урод – и счастье сотен тысяч не ближе мне пустого счастья ста?"

Декретированное Совнаркомом не признавалось за законное почти никем в России. Во всяком случае, все декреты Временного (хоть коалиционного, хоть рабоче-крестьянского) правительства автоматически утрачивали легальную силу с момента начала заседаний Учредительного Собрания, единственно правомочного говорить от имени всей России. Поэтому Чернов первым делом настаивал говорить о земле, принимать закон о земле. Ни Ленин, ни Чернов, как я уже несколько раз отмечал, не знали элементарной статистики: крестьянам на февраль 1917 года принадлежало не меньше $\frac{3}{4}$ всей пахотной земли России, 90% в среднем, как было сказано в §5. Передел оставшихся 10% не изменил бы существенно участь русского крестьянства. Не оправдывались им сожженные библиотеки да замученные помещики – ни экономически, ни нравственно. Но для Ленина такой декрет был нужен, дабы завоевать на свою сторону петроградских с.-р. А для Чернова – чтобы завоевать всю Россию. Опять же проявляется политическое вдохновение и чутье Ленина и догматичность Чернова: первый хочет быть сильнее противника в данном месте, сейчас. В Петрограде, где надо нейтрализовать сильную партию Спиридоновой-Александровича. Чернов же мыслит о “вообще России”, о “вообще крестьянстве”, которое и не представлено никем в этом политическом споре на Шпалерной улице в день 18 января по новому стилю¹.

Учредительное Собрание, состоящее в большинстве своем из членов ПСР, не поддавшихся расколу, патетически обсудило Закон о земле. Приняло его. Несмотря на то, что матросы выключили свет и пошаливали винтовками. Приняло большинством всех против двух голосов. Только два ответственных в России нашлось человека, понявших что в такой обстановке нельзя выносить никакого закона, что недопустимо принимать какой бы то ни было закон, определяющий условия жизни 80% населения страны, после всего-навсего 18-

¹ Когда же крестьянство по зову ПСР полгода спустя выступило, как рассчитывал Чернов, против большевиков в громадном уральско-поволжском восстании под руководством Комуча (см. §15), – оно воевало не за то, чтобы сменить власть в Петрограде, заменить ВЦИК на Учредительное Собрание, а за то, чтобы комиссары ВЦИКа и СНК не приходили к крестьянам, чтобы оставили деревни в покое.

тичасового обсуждения. Большинство же проголосовало, как требовала партийная дисциплина.

А матросы продолжали свое. Депутаты заседают уже больше полусуток. Иные проголодались. Выходят, в поисках буфета (кстати, не было, не позаботились). По приказу Урицкого их выпускают из зала заседания и даже из дворца, но назад не велено никого пускать. Сколько могут просидеть люди, лишённые уборной? Но они досидели до принятия Закона о земле. Ни штыки, ни “караул устал”, ни тьма крошечная не остановили их от выполнения партийного долга, долга перед всей Россией. Уже светало, когда они расходились, намереваясь собраться сегодня же после обеда.

Но собраться во второй раз им не дали.

Кто не дал?

Гуляет ветер, порхает снег. Идут двенадцать человек. Винтовок черные ремни, кругом – огни, огни, огни... В зубах – цыгарка, примят картуз, на спине б надо бубновый туз!

Да, даже в дни своего очарования левыми эсерами, отдаваясь им беззаветно (“единственная партия, которая честно и всерьез отнеслась к лозунгам Октябрьской революции, была партия левых эсеров”, – писал он позже, уже после того, как в феврале 1919 его с другими левыми с.-р. арестовали), Александр Блок сохранял поэтическое умение **видеть мир**. Точными деталями. Как Маяковский подметил, что в момент Октября по-прежнему ходили трамваи, не замечая, что снижает этим величие революции, так и Блок отнюдь не для снижения великих событий отмечает то, что видит: на улицу вышли урки. Даже странно, что бубнового туза на их спинах нет. Вооруженные урки. Идут по центральной улице Петрограда: горит электрическое освещение. И что же они видят?

Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек. Ветер, ветер, – на всем божьем свете.

Да, когда пурга, это первое, что бросается человеку, вышедшему из тепла комнаты, навстречу.

Завивает ветер белый снежок. Под снежком – ледок. Скользко, тяжело, всякий ходок скользит – ах, бедняжка!

Ну да, улицы не убраны. Их теперь и снегорасчистителем пришлось бы несколько дней скрести, да и не было в ту пору такой техники. А выходить под пули “двенадцати” разгребать

снег жители не осмеливались. И потом, разгребай-не разгребай, если его не вывозить прочь с улиц, толку никакого с места на место перекидывать. Дума же городская, которая может быть и могла бы обеспечить транспорт, разогнана большевиками 26 ноября.

Не слышно шуму городского, над Невской башней тишина, И больше нет городского...

По улицам ходить трудно, что, впрочем, на руку большевикам, как и внезапные, необычные для Петербурга морозы: погода препятствует демонстрациям, а они все могут быть только враждебными. И вот главное бросается нашему отряду в глаза, то, из-за чего их выслали в патруль:

От здания к зданию протянут канат. На канате – плакат: “Вся власть Учредительному Собранию!

Да, лозунг “Вся власть Советам” столкнулся с “Вся власть Учредительному Собранию”. И через несколько дней после прекращения работы Собрания, 23 января, Свердлов открывал уже III Съезд Советов, с которого юридически и следует исчислять рождение советской власти. Только тогда Совнарком перестал называться “временным” правительством. Вот он, тот самый лозунг контрреволюции, из-за которого им приходится под вьюгой идти и помнить:

Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь! Пальнем-ка пулей в Святую
Русь – в кондовую, в избяную, в толстозадую! Эх, эх, без креста!

Наши уркаганы окидывают взглядом улицу. Они видят плачущую старушку, которой приписывают свои мысли (о том, что братишкам-матросам не хватает портянок), хотя, впрочем, ветер доносит до них, что старушка ругает большевиков. Видят, и сердце их радуется увиденному, как “буржуй на перекрестке в воротник упрятал нос”. Не обращают внимания на проповедующего длинноволосого: они еще не знают, что за слово надо хватать. Снова сердце их радуется при виде, каким грустным шагает поп, и любясь падением “барыни в каракуле”, которая плакала, наверное, как газеты тех дней, что на Рождество не только птицы, но и мяса не достать. А, может быть, о том, что к ним вломился Петерс с реквизицией и арестом. А, может быть, ее или ее мужа просто раздели бандиты; ведь если в день открытия Собрания самого комиссара Уриц-

кого грабители лишили шубы на улице между Смольным и Таврическим; если у Ленина в тот же день сперли из кармана револьвер, – то говорит же это хоть сколько-нибудь о том, каково было простым “барыням в каракуле”?

А может быть, эта “барыня в каракуле” на ветру была Вера Фигнер, которая не плача, с сухими глазами мучительно думала и думала:

К борьбе социалистических партий – этих родных братьев – я была неподготовлена. Революционный романтизм периода студенчества, с его увлечением красивыми картинками из истории революций, крепко держал меня в плену. В чтении это воспринималось иначе: столетидесятилетняя давность гибели жирондистов, потом Дантона, потом Робеспьера во Франции смягчала впечатление; взаимное истребление того времени переживалось иначе, чем явь XX века у себя дома – в России. Роспуск Учредительного Собрания был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивного благоговения веривших в него масс. Период парламентарной свободы казался мне необходимым для политического и гражданского воспитания масс. И наряду с этим я осознавала, что мы, революционеры старшего поколения – отцы наступивших событий, и когда слышала вопли, говорила: “Разве мы не призвали социальную революцию в 73-74 годах? Не звали народ к ней при гораздо худших условиях?”.

А может быть, это была землеволка Ольга Буланова-Трубникова, которая вспоминает, в частности, о своем муже, тоже землевольце:

С восторгом приветствовал Анатолий Петрович Февральскую революцию. Он как будто помолодел на 20 лет, вступил в партию с.-р., наиболее близкую его взглядам, а затем в группу “Воля Народа”, где он наравне с Леонидом (его братом) был в числе учредителей... Позднейшие события переживались им очень тяжело. ... тяжелые моральные переживания резко отразились на его когда-то богатырском организме, и 1 октября 1918 он внезапно скончался от разрыва сердца... Я после Октябрьской революции была секретарем “Помощи сиротам и нетрудоспособным политическим”, где и работала вплоть до прекращения деятельности этого кружка за исыякновением его средств.

Мало ли кто издали покажется “барыней”...

Радуются, когда можно мысленно сблизить “Учредительное Собрание” с собранием проституток: конечно же, все эти

черновы, авксентьевы, гоцы, фигнеры, каледины, корниловы – все они бляди. И остается:

Черное, черное небо. Злоба, грустная злоба кипит в груди... Черная злоба, святая злоба... Товарищ! Гляди в оба! ... Как пошли наши ребята в красной гвардии служить – в красной гвардии служить – буйну голову сложить! Эх, ты, горе-горькое, сладкое житье! Рваное пальтишко, австрийское ружье! Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – Господи, благослови!

Да, святая злоба, ярость благородная. Ибо отчаянные, забубенные головушки, которых все равно ждет перекаладина. Но идут они с великими целями: раздуть мировой пожар. На меньшее ни Троцкий, ни Спиридонова не согласны. Почему-то мыслится, что в пожаре погибнут одни только буржуи, но все-таки “и впервые вместо “и это будет” пели “это есть наш последний и решительный бой”... И Блок – на стороне тех, кто разжигает мировой пожар, в котором уже горел Лувр в 1870, в 1917 – его собственная библиотека. Потому, что творится новое небо, новая земля для человечества, вечное справедливое общество. Потому, что лозунги прямолинейны и чарующи.

И, пожалуйста, не думайте, будто “мировой пожар” – это поэтическая вольность. Мы все в курсах марксизма-ленинизма должны были заучивать цитаты:

Победивший пролетариат одной страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, восстал бы **против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов их государств. ...Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом.

Это сказано в 1915. А вот в 1916:

В третьих, победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще всех войн. Наоборот, он их предполагает. ...Социализм победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными... В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии.

А вот как это реализовалось, послушаем отчетный доклад Каменева на партконференции в 1920:

Мы сказали себе, что мы достаточно сильны для того, чтобы устроить вылазку на соединение с армией европейских пролетариев. Где же могла быть произведена такая вылазка? Пушечными выстрелами под Екатеринодаром мы, конечно, не могли расшевелить английских и французских рабочих. Прямая дорога на соединение с западным пролетариатом идет только через Польшу. Вот почему ЦК, говоря о советизации Польши, на самом деле говорил, что это есть первая такая попытка проложить дорогу к средневропейской системе государств и поднять там революцию. Это была вылазка на соединение с пролетарскими армиями... Теперь говорят: надо было подождать. Спорить бесполезно. Легко сказать. Истории не предоставляется возможность делать удары только тогда, когда мы рассчитываем на успех. Первая вылазка гарнизона социалистической крепости окончилась неудачей.

В частности, одна из причин, почему Богданов отошел от большевиков, была та, что уже в 1912-13 он сообразил насчет “гарнизона социалистической крепости” и перспектива нескончаемой войны против всего мира ему не понравилась. Но остальным большевикам, анархистам, левым с.-р. и, как мы видим, Блоку в те дни она импонировала.

Правда, по дороге приходится между прочим совершить уголовное преступление: застрелить Катьку, метаясь в Ваньку, ее сегодняшнего любовника. Метаясь не по политическим мотивам, а из ревности:

Трах-тарарах! Ты будешь знать, как с девочкой чужой гулять!..., – но, впрочем, услужливая идеология и здесь подсовывает мотивы: Ванька уже не наш:

Ванюшка сам теперь богат... Был Ванька наш, а стал солдат! Ну, Ванька, сукин сын, буржуй, мою попробуй поцелуй!.

(Кстати, и здесь Блок метко схватил политическую деталь тех дней: солдаты уже переставали быть опорой большевистского режима.) Но уголовное преступление – понятие отжившее, при социализме не бывает никакой преступности, разве что свергнутые классы пакостят. Мы же, которые идем от ВЧК поддерживать порядок, мы не совершаем преступлений:

Что, Катька, рада? – Ни гу-гу... Лежи ты, падаль, на снегу!..

А если солдат революции вдруг начинает колебаться:

Загубил я, бестолковый, загубил я сгоряча... ах! –

то товарищи не под суд его отдадут, но поддержат:

Ишь, стервец, завел шарманку, что ты, Петька, баба что ль? – Верно, душу наизнанку вздумал вывернуть? Изволь! – Поддержи свою осанку! Над собой держи контроль! – Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой! Потяжеле будет бремя нам, товарищ дорогой!

Последняя реплика, бесспорно, принадлежит уже не уркаганам-матросам, привычным сотоварищам Петьки, а идейно подкованному товарищу, кому-нибудь вроде Крыленко, который всюду выступал под наименованием “прапорщик Крыленко”, словно бы от имени солдат, темных и необразованных, а сам имел за плечами и юридический, и историко-филологический факультеты Петербургского университета, и 12-летний стаж революционной деятельности в рядах РСДРП и анархо-синдикалистов, а “прапорщиком” стал случайно на одном из крутых изгибов своей биографии. Эти идейно подкованные товарищи освобождали петек от “химеры совести”, вспомним словечко Гиммлера. Напомним процитированное в § 11 кн.1 высказывание 1894 года о том, что марксизм свободен от нравственности. В 1920 тот же автор объяснит комсомольцам, что “наша мораль выводится из наших интересов”.

И Петруха замедляет торопливые шаги... Он головку вскидывает, он опять повеселел...

И вот происходит то, из-за чего старые чекисты вспоминают ноябрь-декабрь 1917 как самое светлое времечко своей жизни, когда они, не стесняемые никакими буржуазными законами, входили в любую буржуазную квартиру и буржуазия трепетала перед ними:

Эх, эх! Позабавиться не грех! Запирайте этажи, нынче будут грабежи! Отмыкайте погреба – гуляет нынче голытьба! Ох, ты, горькое! Скука скучная, смертная! Уж я времечко проведу, проведу... Уж я темячко почешу, почешу... Уж я семечки полушу, полушу... Уж я ножичком полосну, полосну! ...Ты лети, буржуй, воробышком! Выпью кровушку за зазнобушку, чернобровушку...

Впрочем, может быть, это – поэтическая вольность, гипербола, и не надо ей придавать веса исторического свидетельства? Дадим слово управделами Совнаркома:

Тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, выдававший себя за матроса с корабля “Республика”, носивший какой-то фантастический полуматросский, полуштатский костюм с брюками и высокие сапоги бутылками, – сидел здесь и чертил в воздухе пальцами большие кресты, повторяя одно слово: “Сме-е-ерьть” и опять крест в воздухе: “Сме-е-е-ерьть” и опять крест в воздухе – “Сме-е-е-ерьть” и так без конца. ...Наибольшим авторитетом среди матросов пользовался Железняков младший, но и то уже за последнее время много потерявший в их глазах, так как он имел постоянное сношение с властями в Смольном и подчинялся их распоряжениям.

На всякий случай мы приготовили Волынский и Егерский полки, отличавшиеся в то время трезвостью, или, лучше сказать, терпимым пьянством... предписав им быть в полной боевой готовности... Желая избежать кровопролития, мы тотчас направили наших делегатов матросов на “Аврору”.

...Немного робея и преодолевая первую неловкость, он тихо рассказывает нам: – Ко мне вчера пришел матрос и потребовал, чтобы я шел за ним. Я повиновался. Мы вышли на улицу. У дома стояли два закрытых автомобиля, в одном сидели те два офицера и два матроса, а меня посадили в другой автомобиль, и со мной сели два матроса. Мы отъехали, и вскоре тот автомобиль ушел в другую сторону. Меня спросили, кто у меня есть знакомые, которые могли бы дать за меня деньги. “Если соберешь, – говорили они, – пять тысяч, – останешься жив, а не соберешь – сегодня расстреляем”. Я помертвел. Я видел всю опасность и чувствовал, что вот-вот моей жизни конец. В Петрограде у меня много знакомых. Я колебался, как быть, а они понукают, скорей да скорей. Я говорю, что не знаю, как быть. Они свое: “Вот расшибем башку, тогда узнаешь”. Я решился. Заехали к одним. Звонюсь. Вхожу, и они со мною. Вынули револьверы. Отзываю в сторону хозяина и говорю: “Простите, но спасите!” В двух словах рассказываю. Они в ужасе, соболезнуют и дают 200 рублей. Я передаю матросам. Те кладут деньги в карман. “Ну, – говорят, – так ты долго не соберешь. Отправляйся. Вы тут не шевелитесь!”... Нас посадили в угол. Одного оставили сторожить, а сами разошлись по комнатам с девицами. Тут, в притоне мы пробыли часа три. Потом один матрос стал “крестить комнату” (ссать, помахивая в разные стороны), “окрестил” и нас. Нам велели собираться. Мы поднялись и поехали в какую-то глушь. На пустыре, около забора, остановились, нам велели выходить. Мы вышли. “Снимай шинели!” – сказали они нам, площадно ругаясь, окружая нас с выхваченными револьверами. Мы сняли. “Отнеси в автомобиль”, – сказали они мне. Я понес и влез сам в автомобиль

и замер. Через некоторое время раздались выстрелы и крики. Потом опять выстрелы, еще и еще. И все замерло. Я обомлел. Ну, думаю, за мной. В автомобиль ввалились матросы. “Ах, сукин сын, ты здесь! – заорал один. – Как же это мы про тебя забыли? Ну, черт с тобой!” – заговорил другой, подминая под себя одежду с расстрелянных... Меня утоптали под ноги между сиденьями, и все колотили каблуками...

Бонч-Бруевич продолжает:

Едва успели мы закончить этот предварительный допрос, как к нам (в Смольный) позвонили из гвардейского экипажа: “Извольте нам сейчас же отдать офицера, – грубо говорил кто-то в телефон, – иначе плохо вам там будет, сами придем брать”... Не прошло и получаса, как к нам вновь позвонили из гвардейского флотского экипажа. Тот же голос еще более нахально стал требовать выдачи нашего пленника. Я сказал, чтобы позвонили через час.

Ничего не мог придумать начальник канцелярии Ленина, чтобы спасти этого офицера, иначе как арестовать его и отправить в Петропавловскую крепость: авось ее не придут штурмовать. Предписание-то Ленина матросам освободить этого офицера (и его расстрелянных после получения предписания товарищей) уже было, но матросы на такие предписания клали с прибором. Так что, думаю, нет оснований заподозрить Блока в преувеличении. И Троцкий, выговаривая Блоку за то, что поэт написал “Двенадцать”, пользовался более гибкой терминологией: “нетипично это для мировой революции”.

Да, ведь шла мировая революция! Смена общественно-исторических формаций!

Стоит буржуй на перекрестке и в воротник упрятал нос. А рядом жмется шерстью жесткой поджавший хвост паршивый пес. Стоит буржуй, как пес голодный, стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пес безродный, стоит за ним, поджавши хвост.

...И идут без имени святого, все двенадцать – вдаль. Ко всему готовы, ничего не жаль... Так идут державным шагом – Позади – голодный пес, Впереди – с кровавым флагом, и за выюгой невидим, и от пули невредим, нежной поступью надвьюжной, снежной россыпью жемчужной, в белом венчике из роз – впереди – Иисус Христос.

Да, Христос. Ибо со времен Герцена “политика должна быть святая святых для русского революционера”. То самое место в иерархии ценностей, которое в душе традиционного русского занимало православие, занималось – целиком и не рядом, а

вместо – политикой, революцией. Символ веры взамен христианства, православия, “без креста” – во имя мирового пожара. И относиться к новому символу веры с тем рвением, с тем же отстаиванием перед всеми иными религиями, идеологиями, партийными программами, как православие – к своему. На костер взойти, на плаху лечь, дать поносить себя, как угодно, но не повредить новому Богу своему – социализму, мировой революции, всеобщему братству и полной справедливости. “Себя самого приношу я в жертву – и близких своих вместе с собою”.

Во имя этой всеобщей справедливости уже была отменена плата за проезд в трамваях, поездах, плата за лекарства, отменен брак. И вот-вот должны были откликнуться немецкие рабочие на декрет Совнаркома о мире, восстать и свергнуть своих немецких империалистов, а за ними – французские и английские. Но этой справедливости препятствовали враги. Ведь когда тот же Крыленко стягивал войска штурмовать Ставку, он искренне не знал, что там оставался единственный Духонин, распустивший по домам свой штаб и охрану. Крыленко верил тем слухам, которыми в Смольном пугали друг дружку Зиновьев, Каменев и Ленин: в Ставку стягиваются все войска контрреволюции! Туда идет Каледин и Корнилов! Антанта послала своих офицеров в Ставку для свержения большевиков! Совет Республики заседает в Могилеве (месторасположение Ставки) во главе с Черновым, Авксентьевым, Керенским и Станкевичем! Ставка идет походом против Петрограда! И поэтому:

Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг! ...Их винтовочки стальные на незримого врага... В переулки глухие, где одна пылит пурга... Да в сугробы пуховые – не утянешь сапога... В очи бьется красный флаг. Раздается мерный шаг. Вот – проснется лютый враг... И вьюга пылит им в очи дни и ночи напролет... Вперед, вперед, рабочий народ!

Да, Савинков, носясь в эти дни по России для сколачивания сил против большевиков (“Комитет спасения родины и революции”), с ужасом признается себе: “За Родину умирает горсть, за свободу борются единицы”. Нет врагов у власти Смольного – кроме пьяных матросов. Но власть этого не знает. Этому не верит. Она сама поставила целью уничтожить весь старый мир (“весь мир насилия мы разрушим до осно-

ванья”), она сама осознает себя врагом всему миру. Но мир этого не знает, не может допустить, мир не готов с ней бороться, никак не соберется. Но Смольный этому не верит, благодушием было бы верить отсутствию опасности, хотя покамест ни на какую опасность, кроме пурги да сугробов не натываются. И вот:

Кто еще там? Выходи! Это – ветер с красным флагом разыгрался впереди... Впереди – сугроб холодный, – Кто в сугробе – выходи!... Кто там машет красным флагом? – Приглядишься-ка, экая тьма! – Кто там ходит беглым шагом, хоронясь за все дома? – Все равно, тебя добуду, лучше сдайся мне живьем! Эй, товарищ, будет худо, выходи, стрелять начнем! Трах-тах-тах! – И только эхо откликается в домах... Только выюга долгим смехом заливается в снегах...

Шел великий эксперимент. Сначала этими словами называли эксперимент Троцкого с заключением мира. Все социалисты-интернационалисты веровали, что достаточно будет предложить честный, неграбительский мир, предложить во всеуслышание всем народам, как народы сметут свои грабительские правительства и немедленно установится мир. Народный комиссар по иностранным делам (а так как революция всемирная, то сие – главнейшая должность) всем-всем-всем разослал декрет о мире, вдогонку опубликовав все тайные договоры, хранившиеся в архиве министерства индел России, отрекшись от них безоговорочно, и мир, затаившись, ждал, как кончится этот эксперимент с “грабительского мира не заключать, войны не вести”. Потом “великим экспериментом” стали называть эксперимент по строительству коммунизма. Как первый – Брестским миром – так и второй закончился провалом: нэпом. И сейчас мы знаем, что это был великий эксперимент над душами людскими: сколько может выдерживать обычный простой человек – и остаться человеком.

§11. Коалиционное правительство

Брестские переговоры и мир; конституирование власти в первые полгода и партийный принцип; переезд СНК в Москву;

ликвидация анархистов; Мирбах, комбеды и ликвидация левых с.-р.; социалистический характер всех тогдашних местных правительств; роль кооперации; очередные задачи советской власти.

После разгона 6 (19 нового стиля) января 1918 года Учредительного Собрания рухнуло, выражаясь термином Крыленко, еще одно препятствие делу мира. И 30 января (12 февраля) главковерх Крыленко отдал приказ о демобилизации армии (впрочем, демобилизовать уже было некого: все разбежались), а через неделю немецкие войска перешли в решительное наступление по всему фронту. Перед этим немцы соглашались тянуть время на мирных переговорах в Брест-Литовске (и тайных в Швеции) перед советской делегацией под руководством Каменева, затем – Троцкого, потом Иоффе. Но пламенное ораторство большевиков, произносивших в заседании комиссии социалистические или интернационалистические речи, почему-то не зажигало германских и австрийских генералов и экспертов; даже тот факт, что Троцкий отказался пользоваться услугами денщиков, кинувшихся чистить ему грязные от перехода русской линии окопов сапоги, а самолично – не эксплуатируя чужого труда – провел по ним щеткой, – даже это, говорю я, не вызвало немедленной мировой революции денщиков в прусской армии, а только довело их до состояния полного обалдения. Немецкие эксперты объясняли (а немецкие генералы требовали), что Германия имеет право на такие-то и такие-то земли, принадлежащие Российской империи, что Германия поиздержалась на сию войну, а потому Российскому правительству надлежит выплатить такую-то контрибуцию и т.д. Социалисты, которые принимали резолюции о немедленном заключении мира без аннексий и контрибуций, оказались в нелепом положении. Честно говоря, я не понимаю, как могли немецкие представители на мирных переговорах проявлять столь несусветную жадность, неразумность которой была в глаза. Им и так с неба свалилось счастье, о котором нельзя было и грезить: на всем Восточном фронте (включая Румынский фронт) почти весь 1917 год не велось активных военных действий; можно было снимать корпус за корпусом на Западный фронт. Если бы не бездействие русских армий в 1917, то мировая война кончилась бы победой

союзников, и Россия вышла бы из войны победительницей, получив с Германии контрибуцию для восстановления народного хозяйства. Но человек редко ценит наличное, ему всегда чего-то недостает. И аппетиты германцев росли от делегации к делегации, по мере того, как они убеждались в военной беззащитности России. Подписывать грабительский мир социаллисты-интернационалисты не могли; большинство ЦК РСДРП(б) было категорически против (8 голосов против мира, 7 голосов за мир). Ленин, настаивающий на заключении мира на германских условиях, оказался в меньшинстве.

Почему он требовал принять немецкие условия? Я думаю, прежде всего потому, что альтернативой для него было бы потерять власть. В самом деле, если не принимать немецких условий, то правительство вынуждалось вести войну против немцев; как раз на такой революционной войне по образцу Французской революции настаивали Бухарин и практически все москвичи-большевики. Но вести войну наличными силами было невозможно: войск не было. Значит, следовало заблокироваться со всеми патриотическими силами в стране, с с.-р., к.-д., офицерами, с.-д. оборонцами, даже монархистами и др. Но те пошли бы на такой блок только при условии, что им будет предоставлена реальная власть, что будут уничтожены репрессивные органы вроде ВЧК, будут прекращены произвольные обыски, аресты, расстрелы. Призвать на помощь — утратить свою власть. Призванные на помощь прежде всего спросили бы ответа с того и с тех, кто за пять месяцев пребывания у власти довел Россию до куда большего развала, нежели Романовы за 300 лет, нежели Львов и Керенский за восемь месяцев. На это Ленин идти не мог.

И он находит единственно верную тактику, чтобы заставить партию принять то решение, которое ей не по нутру. Он заявляет ультимативно, что ежели ЦК не примет его, Ленина, требование немедленно подписать мир на немецких условиях, то он, Ленин, выходит из партии большевиков, организует новую политическую партию для борьбы против большевиков, за немецкие условия мира. Надо сказать, что никто в заседании ЦК не поддержал его угрозы, присоединившись к выходу из партии. И мне кажется, что сама угроза была блефом, но точно рассчитанным блефом. Как всегда, Ленин прекрасно знал своих партнеров по спору, кто из них на что спо-

собен. Он знал, что Троцкий выше всего на свете ставит единство партии и испугается угрозы очередного раскола (а уж поверить-то в ее реальность – поверит, зная Ленина как профессионального раскольника). Действительно, Троцкий дрогнул первым. Он тут же заявил, что оставаясь решительным противником заключения грабительского мира, он считает невозможным вести революционную войну, имея против себя всю буржуазию, немецких империалистов и новую партию во главе с т. Лениным; поэтому при голосовании он **воздержится**. К нему немедленно присоединились Иоффе, Крестинский и Дзержинский. Эти четверо своим неучастием санкционировали голосование 7 против 4 в пользу мира. А потом и все вместе в порядке партийной дисциплины запретили всем членам партии вести агитацию против заключения мира, голосовать во ВЦИК или на IV Съезде Советов против мира и т.п. Большинство противников мира ушли со своих постов; например, Бухарин тут же нелегально выехал в Германию подготавливать там революцию. В какой мере они все связывали свое поведение с близким наступлением германской и мировой революции, видно из такого красочного эпизода: во время обсуждения вопроса, соглашаться на мир или нет, всерьез рассматривалось предложение Ленина послать аэропланы, чтобы они покружились над Берлином и разглядели бы, началась там революция или нет.

Похожее положение было в ЦК ПСР(л). Там за мир было 7 голосов, против мира – 8, но никто из меньшинства не выставил ультиматума, потому вся партия в порядке дисциплины голосовала против Брестского мира.

Мир был подписан. По условиям этого мира немцы получали не только контрибуцию (о ней речь позже), не только острова в Балтийском море, не только оккупировали Польшу, пол-Белоруссии, всю Украину, некоторые даже великорусские города. Они заставили не только вернуть Турции все, завоеванное Кавказским фронтом, но передать Батум – Турции, отказаться от защиты Закавказья, если Турция сочтет нужным увеличить там свои владения. Главное в том, что германцы получили неограниченное право вмешиваться во внутренние дела России, под предлогом возвращения своих военнопленных (из которых большинство, славяне, не желало возвращаться и даже рвалось воевать **против** Германии), под пред-

логом устранения союзных миссий Антанты (а их было в России полно, ибо союзники оказывали России активную помощь продовольствием, боеприпасами, техникой и, естественно, приглядывали за тем, как расходуется помощь). Одно из первых вмешательств немцев было вызвано требованием соблюсти параграф пятый Брестского мира и передать им Черноморский флот, ушедший из-за оккупации ими Крыма из Севастополя в Новороссийск и там потопленный Раскольниковым. Другое. Они потребовали привезти царя в Москву, дабы он санкционировал Брестский мир. Вынужденные вспомнить о Николае II, большевики его расстреляли.

Естественно, что после подписания такого мира даже те, кто не верили, будто Ленин – агент Вильгельма, перестали сочувствовать большевикам. И в одной области за другой началось формирование собственной власти, даже номинально уже не связанной с центральной. Я ощущаю себя крайне виноватым перед теми, кто действовал в эти месяцы и годы в разных концах необъятной России, кто вступал в организации, создавал их, провозглашал правительства, поддерживал их, чаще всего геройски и безвестно погибал в общем хаосе и неразберихе. О некоторых из них я знаю, о некоторых – нет. Но умалчиваю обо всех: говорить о людях, о каждом, надо подробно, с корнями, а это требует иного жанра. Пусть другие сделают это и создадут библиотеку героев и неудачников гражданской войны.

Итак, возрастало противостояние всего общества, всей страны, всех ее живых сил – большевистскому правительству. Если в декабре-январе врагами были только “переулки пустые”, то в апреле-мае появились и живые враги. Даже левые с.-р. сразу же после того, как ВЦИК ратифицировал Брестский мир, демонстративно ушли в отставку из Совнаркома. Однако правительство по сути все равно оставалось коалиционным. Во-первых, левые с.-р. ушли из Совнаркома, но не из всех органов исполнительной власти: из ВЧК они не ушли, из реально соприкасающихся с крестьянами органов власти они не ушли, весь Земельный отдел ВЦИКа оставался в их руках. Во-вторых, они остались в “парламенте” – ВЦИКе, перед которым согласно резолюции III Съезда Советов было сделано ответственным правительство; и там их фракция занимала значительное место. В-третьих, была налицо еще одна состав-

ляющая коалиции: анархисты. Эти, правда, презирали буржуазные выдумки вроде правительств, ВЦИКов и т.п. и формально в них не входили. Они считали, что народ **непосредственно** должен осуществлять диктатуру над капиталом, а ради этой великой цели предоставляли к услугам народа в лице Совнаркома неплохо организованную вооруженную силу под черными знаменами и с артиллерией. Эти три партии с ноября 1917 составляли правительственный блок. При этом к январю 1918 влияние анархистов в Петрограде сделалось гораздо весомей, нежели влияние большевиков. Время от времени большевикам удавалось разоружить отдельный матросский отряд, покамест тот вповалку пьяный спал с девками, но не всегда это проходило гладко, а кроме того, на месте одного высланного пьяного возникал десяток еще горших пьяниц. И большевики в Петрограде ютились на окраине, в Смольном, дрожа в ожидании, когда их придут бить матросы.

Гораздо лучше было положение в Москве. Там с самого начала большевики завладели Кремлем и расположились в нем. Морозы в Москве посильнее, нежели в Петрограде, что препятствовало разгулу уличного хулиганства и бандитизма. Кроме того, как я уже отмечал раньше, в Москве вообще было спокойнее, и Кронштадта под боком не было. Большевики правильно оценили ситуацию, вспомнив уроки Французской революции, где городские массы (под предводительством клубов и без оного) фактически держали заложником центральное правительство и самый Конвент, и решили убраться из Петрограда подобру-поздорову, покамест гарнизон и матросы не ликвидировали их. Поэтому, в ночь с 10 на 11 марта (уже после подписания Брестского мира, так что вовсе не от немцев, как распространено утверждать) Совнарком тихо-хонько, никого не оповещая¹, экстренным поездом перебрался в Москву². Тут еще совпало, что большинство ответственных московских большевиков ушли только что со своих постов,

¹ Переезду предшествовало авторитетное опровержение: "Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов заявляет: 1. Все слухи об эвакуации из Петрограда Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета совершенно ложны. СНК и ЦИК остаются в Петрограде и готовят самую энергичную оборону Петрограда," – принятое на расширенном заседании ЦИК 27 февраля ("Декреты Советской Власти", т.1, стр.500, М., 1957, и там же, стр. 578).

так что посты пустовали, а потому появление в Москве такого большого количества видных руководителей партии, которым разорвись – а подай крупный пост, никого не ущемило. Правда, некоторые трения все-таки произошли; они привели к очень быстрой ликвидации Совнаркома Московской области, точнее, Совнаркома нескольких губерний, примыкавших к Московской губернии. В Петрограде остались Зиновьев с Урицким.

Впрочем, это я только так небрежно говорю: “в Петрограде”, умаляю величие руководящей деятельности этих лиц. Ведь их тоже не обидели, они не городскими чиновниками оставлены были! Была провозглашена “Северная Трудовая Коммуна”, территориально состоявшая из Смольного и сколько удастся удержать; в лучшие времена в нее входили Петроградская губерния, Карелия, Псковская губерния; претензии распространялись на Прибалтику, Мурманск, Архангельск. И у этой-то Северной Трудовой Коммуны был свой Совет народных комиссаров во главе с т. Зиновьевым и своя Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией во главе с т. Урицким. Был и свой комиссар по делам печати – т. Володарский. И комиссар по продовольствию – т. Скрябин – будущий т. Молотов.

Совнарком Северной Трудовой Коммуны не подчинялся Совнаркому в Москве (как и СНК Московской области), он был подотчетен только Съезду Советов Рабочих и Крестьянских депутатов Северной Трудовой Коммуны. Здесь следует задержаться на конституировании власти того времени.

Общей догмой всех социалистических и революционных партий было – уничтожение центральной власти, развитие федерализма. Государственный строй США в этой части представлялся если не идеалом, то неременной моделью, с которой нужно сверять свои построения. Это стремление навязать русскому народу, отродясь не привыкшему к самоуправлению, воспитанному на барско-царском всеилии и произволе урядника, федеративную форму правления, требующую высокого развития гражданской культуры, умения самоограничиваться и понимать свои и чужие интересы, стремление это родственно Петровскому желанию:

² Выехали в 22.00 10.03.18., приехали в 20.00 11.03.18. См. Зубов о Козловском.

Не далее, как к святкам, я вам порядок дам, и тотчас за порядком уехал в Амстердам.

Опять же на этом примере подтверждается великая социальная истина, что наиболее радикальные революционеры чаще всего действиями своими лишь выражают наиболее устоявшиеся традиции общества. Здесь такой традицией были нетерпение и вера в возможность введения социально-государственного уклада палкой. Либеральнейшие и радикальнейшие деятели были те, кто писал проект Советской Конституции. Принятая на Съезде Советов, она определила форму бытия России как Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику – РСФСР; злые языки тогда же придумали: “Редкий Случай Феноменального Сумасшествия Расы”. Россия мыслилась как федерация Советов. Каждый населенный пункт имеет свой Совет (классовый принцип выдерживался именно в том, что в Совет допускались лишь говорившие от имени рабочих и частично крестьян). Для координации действий различных населенных пунктов одной волости, уезда, губернии, области Советы делегируют на Съезд Советов своих представителей, которые избирают волостной – областной ИК или ЦИК (как кому понравится), те, в свою очередь, избирают своих делегатов на Всероссийский Съезд Советов, который избирает свой исполнительный орган – ВЦИК. ЦИК же и ВЦИК могут по своему усмотрению создавать подотчетные им комиссариаты или Советы народных комиссаров. Гибкость и неформальность этой системы (например, состав делегатов, избирающих ЦИК, всегда текучий, довольно-таки случайный; к тому же избиратели вооружены правом отзыва делегатов) выглядела довольно привлекательно. Даже к.-д. не находили серьезных возражений против этой стороны организации советской власти; они в основном напирали на классовый характер этой власти, но, разумеется, **такие** нападки лишь укрепляли социалистов и коммунистов (на VII Съезде в марте 1918 РСДРП(б) была переименована в РКП(б)) в убеждении, что они поступают правильно. За областными органами власти были оставлены **все** права, включая право ведения непосредственных дипломатических переговоров с иностранными державами, включая право иметь собственные вооруженные силы (например, существовала такая должность: “главкомверх

армий южных республик”, которую занимал Антонов-Овсеенко и которая не включала никаких армий или республик южнее Новочеркасска и восточнее Волги). Поэтому, решая вопрос о том, какая область признала власть большевиков, а какая – нет, следует помнить, что признание даже формально не налагало никаких обязательств.

Такая была схема власти, ее органический закон. Однако в России не часто соблюдаются органические законы. И чаще всего их даже не нарушают, изменяя, а просто забывают про них. А этот органический закон имел еще один недостаток: он не учитывал в явном виде, в форме тех или иных параграфов конституции, одной могущественной – самой могущественной – общественной силы. А если конституция игнорирует важный социальный факт, то она нежизненна, ею нельзя руководствоваться. Таким фактом был **партийный** характер тогдашней общественной жизни. Революционные партии в России все носили характер армии (Бухарин и Сталин совершенно напрасно приписывали характер “партия-армия” только большевистской партии; таковы были и все прочие, имевшие нелегальное происхождение; наименее драконовой была партийная дисциплина у к.-д. из-за легального характера их деятельности, но она тоже была). Поэтому делегаты Съездов, члены ЦИКов не имели возможности поступать по совести, руководствоваться личным мнением, вступать друг с другом в договорные отношения. Они были орудиями голосования своих партийных машин.

А помимо партий нельзя было оказаться на политической арене. Только партия могла выдвинуть и делегировать, поддерживать и ограждать от ареста. Ленин даже выдвинул проект, который вроде бы формально был принят Совнаркомом, но потом забыт, ибо нашли более простые методы борьбы с прессой: как следует в социалистическом государстве организовать газетное и вообще типографское дело. Придерживаться прежнего принципа частных (при Екатерине II говорили “вольных”) типографий было нельзя, ибо это противоречит социалистическому мировоззрению как отрывка преклонения перед проклятой частной собственностью. **Каждый** трудящийся должен иметь право на пользование типографиями, запасами бумаги и пр. Для этого типографии, бумага и пр. передаются **государству**, которое распределяет их **трудя-**

щимся в зависимости от того, к какой партии принадлежит трудящийся, пропорционально численности партии. Прекрасно, не правда ли? Беспартийному нечего делать в газетах!

Поэтому самое существенное решалось не в Советах, не на съездах Советов, не на заседании ВЦИКа, а на узких совещаниях ЦК РКП(б), ЦК ПСР(л), ЦК РСДРП (объединенной, в просторечии “меньшевики”), ЦК КДП, ЦК РДП, ЦК ПСР и других ЦК. Эти решения сообщались потом в виде партийной директивы членам партии – делегатам и депутатам государственных органов, где те и отрабатывали свой партийный долг. Лишь очень немногие влиятельные партийные деятели позволяли себе нарушать такую партийную дисциплину (у большевиков, например, всегда Рязанов, который вообще до самого исключения из партии в 1931 держался так, что это не он присоединился к большевикам, а большевики к нему, только вот по дурости никак не научатся от него уму-разуму), но и тем – пример Савинков – это не всегда сходило с рук.

И большевики стали укреплять свою власть в правительстве именно в этом смысле. Они стали избавляться от своих союзников по коалиции. Первыми пали анархисты. Тому было много причин. Я назову лишь две, возможно, не главные. Прежде всего, это было очень уж сподручно сделать. Ведь, не зная, что правительство перемещается в Москву, анархисты помчались ему вдогонку из Петрограда (то-то Зиновьев радовался, выпроваживая!) уже тогда, когда правительство обосновалось в Москве. И вот, едва черные знамена с белыми надписями “Смерть мировой буржуазии” были наспех водружены в нескольких московских особняках (эка безделица, что владельцев потеснить или пострелять пришлось: не будь буржуем!), как московская ЧК совместно с латышским полком разоружила их (и, само собой, кой-кого постреляла и арестовала). Грех было бы пропустить столь удобный случай. Правда, арестованных освободили по настоянию Кропоткина. Другая причина относилась лично к Ф.Э.Дзержинскому. Когда-то, в бытность свою (в 1901-1902) в Александровском центре (в Иркутске) он, выражаясь по-лагерному, ссучился и стал стукачом. Он сопровождал начальника тюрьмы при обходах и давал характеристики арестантам, обращавшимся к начальнику с просьбами. При этом он повлиял на отклонение ходатайств

нескольких анархистов, те его запомнили, узнали в 1918 и начали шуметь. Разумеется, Феликс Эдмундович не мог стерпеть такой наглой клеветы. Так как обвинение было опубликовано (газетой “Анархия”), то он подал докладную в ЦК, где просил “назначить следствие”; “для ускорения следствия” он сообщал вкратце – перечнем – места, где он сидел при царизме. В этот перечень он **не включил** Александровского централа. Ну, а раз он там не сидел, то и все вышесказанное, естественно, выдумка. “Анархию” закрыли. Сейчас, правда, идет пьеса о том, как Дзержинский “поднимал восстание в Александровском центре”. Да и другой анархист, Генкин, издававший многотомные труды о царской тюрьме, в том, посвященном другому, Орловскому централу, где Генкин сидел одновременно с Дзержинским в 1912-14 (опубликован в 1928 в СССР), избегает говорить что бы то ни было про Дзержинского: был, де, такой каторжник, нате вам его портрет, но ни слова о нем, хотя обо всех других арестантах – подробно.

Итак, одного участника коалиции свалили, быстро и лишь немножко попавив из пушек. С другим обстояло дело сложнее. Стоит напомнить, что для большевиков не бывает **“против союзника”**. Для них всегда речь идет о **“союзнике – против кого?”** В октябре-ноябре-январе им были нужны левые с.-р. как союзники против Чернова. Сейчас, когда опасность со стороны Чернова отпала, или выглядела отпавшей, длить союз с ПСР(л) было не к чему. Союзник-то сам больно энергичный, и от съезда Советов к съезду Советов набирает больше и больше голосов. И армия находится в руках левого эсера – Муравьева, профессионального военного, подполковника (ой, Наполеон начинал с капитана!), одерживающего победу за победой (как раз в начале 1918 Муравьев командовал большевистскими войсками, штурмовавшими Харьков и там провозгласившими Советское Украинское правительство; украинские националисты рассказывали мне десять лет назад про вырезанных Муравьевым украинских студентов – память жива). И, еще важнее, у ПСР(л) все больше появлялось своих причин для недовольства политикой большевиков.

Уже 17 мая 1918 местные с.-р. максималисты и левые устроили в Самаре вооруженное восстание против Совнаркома; но это восстание было подавлено самим же Муравьевым. И в Москве с.-р. делали все более недовольны. Собственно, не

столько большевиками, сколько германским послом графом Мирбахом, прибывшим в Москву в мае. Граф вел себя как диктатор, как Грибоедов в Персии, а Совнарком предупредительно исполнял – или, по крайней мере делал вид, что исполняет, – все распоряжения Мирбаха. Так, Мирбах потребовал немедленно разоружить чехословацкие части и как военнопленных вернуть их Австрии, где их ждала судьба дезертиров – изменников “власовцев”; Троцкий услужливо рассылает по всем станциям сибирской железной дороги (ибо чехословаки дислоцировались вдоль этой дороги) приказ **разоружить**. Историки ломают голову: почему Троцкий послал эту телеграмму не зашифрованной, открытым текстом? По небрежности? Или он хотел предупредить чехословаков? Как бы там ни было, сознательные телеграфисты довели до сведения чехов содержание телеграммы, разоружить не удалось, напротив, чехословаки объявили, что перестают признавать советскую власть и будут сражаться против нее, доколе им всем, раскиданным по всей России, не дадут возможности уехать в Америку, дабы оттуда попасть на Западный фронт против Германии.

Англичане высаживаются в Архангельске (и совместно с японцами – во Владивостоке) охранять свои военные склады (та помощь, которую они предоставляли своему союзнику по войне, не предназначена для попадания в руки дезертировавшему союзнику, ставшему, фактически, союзником Германии); англичан призывает Мурманский Совет (мурманская власть умирала от голода, ибо даже Петрограду не хватало “классового пайка”, введенного в мае); англичан призывает Бакинский Совет (ибо угрожает нашествие турок, которые-таки дошли до Баку раньше англичан из Персии и вырезали там полгорода; именно за это, т.е. за то, что своими безответственными обещаниями помощи от Ленина Бакинский Совнарком задержал подход английских войск, и были арестованы 26 из его комиссаров); Корнилов на Дону или на Кубани ведет переговоры с французскими офицерами – все это основания Мирбаху вмешаться, вызвать к себе наркоминдела Чичерина и угрожать, угрожать, угрожать.

Мирбах требует от Совнаркома во исполнение договора немедленно начать поставки хлеба из России в Германию в счет контрибуции. Хлеба, сала, масла, мяса. Россия – источ-

ник сырья для Германии. Германия уже давно страдает от недоедания, блокированная английским флотом. Немцев надо кормить. Но хлеба не хватает самим. Но брать хлеб – можно только у крестьян. Позволят ли они себя обобрать?! Весной, когда все съедено, и зерна осталось только на посев? Большевики придумывают тонкий классовый подход (для всякого житейского поступка находится идеологическая терминология): государство не будет брать хлеб у крестьян. Нет, пусть бедные крестьяне отберут хлеб у богатых в своей деревне. А когда мы станем перевозить его бедным в другие места, мы сумеем выделить и себе, и Мирбаху. Так создаются “комбеды” – комитеты бедноты 20 мая. Но левые с.-р. (да и все с.-р. вообще) встают на дыбы: не позволим грабить крестьянство! Не для того мы давали крестьянам орудие труда – землю, чтобы позволить отбирать плоды труда – хлеб! Крестьянская политика – это наша монополия, не смейте помимо нас ничего вводить в деревне, решать вопросы налогообложения крестьян, раздувать в деревне классовую борьбу! Долой комбеды! Только через месяц ВЦИК утвердил создание комбедов.

Страсти накалялись. Накал их усугублялся положением в стране. В Самаре Комитет членов Учредительного Собрания (в просторечии “Комуч”) не только собрался, провозгласил себя властью, завязал переговоры с иностранными державами, но и вступил в обладание золотым запасом России (еще до революции отправленным подальше, в Самару или Казань), про который большевики конфискуя петроградско-московские банки просто ничего не знали. Более того, Комуч создал свою собственную армию: “Народная Армия”. В народоармейцы преимущественно шли рабочие (например, в полном составе ушли все рабочие Ижевского завода; да и вообще почти все с Урала), крестьяне были озабочены весенним севом. Распоряжались в Комуче по-прежнему с.-р. В Омске 3 июня был создан Западно-Сибирский комиссариат (а уж до Восточной Сибири и Дальнего Востока Совнаркому нечего было и мечтать дотянуться), который состоял из с.-р. и позже к.-д., а военным министром был Гришин-Алмазов. Грузия 28 мая провозгласила независимость; правительство ее состояло из членов РСДРП, меньшевиков в просторечии; возглавлял Жордания. Я уже упоминал, что Архангельск и Мурманск фактически перестали подчиняться Совнаркому; впрочем, чекист Кедров на

некоторое время удержал Архангельск. Весьма важная черта того времени: правительства всюду были социалистические. Даже на самостийном Дону, где на какое-то время победили пробольшевистски настроенные казаки (от чего Каледин застрелился), идеалы социализма не ставились под сомнение. Год 1918 есть год социалистических экспериментов по всей России, исключая разве лишь области, оккупированные Германией. Всюду проводилось в жизнь или хотя бы провозглашалось законодательство, близкое земельному закону Учредительного Собрания (естественно, что в Сибири, где испокон не бывало помещиков, оно модифицировалось); всюду в той или иной форме вводился рабочий контроль, страхование рабочих, ограничение прибылей. В первой половине 1918 к.-д. нигде не могли формировать власть, ибо почитались слишком правыми. Монархисты не имели нигде опоры. Как пела частушка: “Полюбили сгоряча русские рабочие Троцкого да Ильича, и все такое прочее”. Прелесть, свежесть и нравственная неотразимость социалистических лозунгов, провозглашенных декретами октябрьских дней, сохранялась, особенно в тех областях, куда не дошли матросы, где “иезуитизм реальной политики не вывернул наизнанку чистейшие лозунги на второй день их провозглашения”, – если перефразировать слова доктора Живаго.

Кроме партийных социалистов громадное значение принадлежало кооперации. И до Февральской революции в России было довольно сильно кооперативное движение, которое, фактически, базировалось на социалистических идеях взаимопомощи, устранения частной торговли (и тем самым на устранении присвоения частными лицами прибавочной стоимости), замены капиталистической торговли прямым продуктообменом производительных товариществ. (Была и потребительская, была и производительная кооперации.) Однако кооператоры подчеркнуто устранились от участия в политических вопросах, не желали организовывать никакой партии: зачем нам партия? Сумел создать кооператив, он процветает, выдерживает конкуренцию – вот это дело, а пропаганда и партии ни к чему. Активное участие в кооперативном движении принял, особенно после Февральской революции, Чайковский – “дедушка русской революции”. Сочувственно к кооперативному движению относился другой ветеран: анархист князь

Кропоткин. Кропоткин видел (да так оно и было на самом деле) в кооперативном движении разновидность мирного, неревolutionонного анархизма: самостоятельные трудовые организации заступают место капиталистических трестов и государственных чиновников. За 1917 год, когда в своей партийной борьбе никто не обращал внимания на кооператоров, а свобода им была предоставлена полная, они весьма укрепились, выросли численно и организационно, создали даже свои банки. Фактически все снабжение столиц оказалось возможным в той атмосфере неразберихи и отсутствия грамотной власти только за счет кооперативных объединений. Им несколько подрезал крылья Совнарком в марте 1918, лишив их определенных прав, но кооператоры еще при царском режиме привыкли незаметно брать права явочным порядком, а Совнаркому не до того было, так что до осени 1918 кооператоры еще росли и развивались.

Итак, в этой атмосфере в Москве в начале июля открылся V Съезд Советов. ПСР(л) решили в расчете на сочувствие левых коммунистов провести вооруженную демонстрацию, добившись переизбрания Совнаркома и отказа Совнаркома от угоднической перед империалистической Германией политики. По-видимому, Дзержинский вел двойную игру, иначе в его поведении многое выглядит необъяснимым; но, впрочем, это малоинтересно: я же не пишу его биографии! Развитием событий (Осинский поддержал Ленина, а не Спиридонову) вооруженная демонстрация превратилась в неподготовленное восстание, закончившееся арестом почти всех активных его участников (и всех до одного левых эсеров-делегатов Съезда); правда, почему-то почти никто расстрелян не был, кроме убитого на месте Александровича и застреленного на фронте Муравьева. Пресловутый Попов, начальник войск ВЧК, якобы арестовавший Дзержинского, позже был начальником контрразведки Махно и склонил того к последнему, губительному для Махно союзу с красными в ноябре 1920. Решающую роль в вооруженном подавлении лево-эсеровской авантюры сыграл латышский полк. Он и далее будет играть роль, стоит сказать о нем. Еще при царе в противовес германской пропаганде был создан полк латышских стрелков как самостоятельная часть. И вообще-то латыши не любили немцев, которые в Латвии (часть Остзейского края) держались как колонизаторы, “дру-

гой расы”, нежели грязные туземцы-латыши. Во время беспорядков 1906 года и латыши охотно вырезали немцев-баронов, и те радостно вешали латышей. Когда смотришь на перечень фамилий латышских стрелков, то в глаза кидается, что фамилии – те же, что в списках повешенных в 1906-07. При эвакуации Латвии (пол-Латвии было занято немцами еще при Керенском, другая половина – при Ленине) полк отошел сначала в Петроград, где большевики дали ему определенные обещания (впрочем, тем и деваться было некуда), а потом с ними – в Москву. Этот полк, солдаты которого практически не умели говорить по-русски, служил надежной опорой для Кремля¹. Многие белогвардейские источники называют еще китайские части, но я не нашел документальных подтверждений.

Коалиция закончилась. И Коммунистическая партия перешла к очередным делам. А они были такими:

16 июля – расстрел Николая Александровича Романова, Александры Федоровны Романовой, их сына Алексея Николаевича (еще не исполнилось 14 лет от роду), дочерей Анастасии (17 лет), Марии (19 лет), Татьяны (21 год) и Ольги (23 года), а также сопровождающих царскую семью лиц. Расстрел производился по личному указанию Ленина Белобородову, но в прессе тех дней выдавался за самостоятельную акцию уральских партизан, боявшихся, де, как бы царь не достался белым армиям (упомянутая Омская директория). Белобородов позже был наркомвнудел, расстрелян в 1937.

23 июля – арест в Москве возглавляемой Абрамовичем рабочей конференции, которая приняла меньшевистские решения.

2 августа – СНК принял постановление о правилах приема в высшие учебные заведения, дабы непролетарская молодежь не могла получать высшего образования, и вообще дабы студенты перестали выступать против советской власти.

4 августа – закрытие всех газет, признанных Совнаркомом буржуазными.

5 августа – постановление об обязательности товарообмена на условиях, устанавливаемых комбедами или комиссиями правительства.

¹ В деревнях мужики часто принимали за латышей – венгров, поэтому доля участия латышей в карательных акциях преувеличена.

24 августа – отмена частной собственности на недвижимость в городах.

Инцидент с убийством германского посла Мирбаха Чичерину удалось уладить ценой громадной контрибуции, тем более, что на Западном фронте у немцев пошли неудачи, и они сделались податливее.

§12. Террор индивидуальный и террор массовый

Отнятие неотъемлемых прав; о происхождении власти вообще и о гарантиях прав в частности; ВЧК; массовый террор; покушения Каннегисера и Каплан; внеправственность.

Стало ясно, что эта новая власть отнимает у управляемых право на существование (“кто не работает, тот не ест”, а целые слои населения были **объявлены** паразитическими и лишены пайка), на достойную жизнь (“в те дни, когда вам слали на дом повестки и никто вас не щадил”), на путешествия (“ты чего тут шляешься? становись к стенке!”), свободу личной жизни (“Свобода жить, думать, ездить на лодке, бить полотенцем мух, писать стихи, вешаться от любви на галстук, об этой свободе забыли все”, – с гаерством, но точно подмечает Эренбург в “Хуренито”). Нечего уже говорить про **гражданские** свободы: слова, собраний, ассоциаций, печати, передвижения, политической деятельности. Отнимались **человеческие** свободы, вроде бы и неотъемлемые. Кто знал историю, тот понимал, что общество отброшено в дониколаевские (Николая I) времена. Помимо того, что у человека было отнято все, кроме обязанности работать на правящую партию, человеку и не гарантировалась никакая охрана его спокойствия и безопасности от посягательств преступных элементов. Известен хрестоматийный рассказ о том, как бандиты напали на Ленина со спутниками, отняли автомобиль, шубы и преспокойно скрылись. Это на главу-то правительства, в центре Москвы, на трамвайных путях (хотя, правда, трамваи уже давно перестали

ходить). Менее известно объявление в “Петроградской правде”:

За последнее время участились случаи самоуправных расстрелов граждан различными организациями и лицами, выдающими себя за правомочные организации. Настоящим доводится до сведения всех граждан, что правом расстрела на территории Северной трудовой коммуны обладают только органы Чрезвычайной Комиссии, снабженные соответствующим мандатом.

Не правда ли замечательное утешение для расстреливаемого? А пресечь “самоуправные расстрелы” у власти не было ни сил, ни желания. А вот описание Москвы Пастернаком:

Испакошенный тес ее оград растащен. Взамен оград какой-то чародей огородил немолчный шорох чащи живой стеной людских очередей. Кругом – фураж, недожранный морозом: застыв бурана в бледных челюстях, чернеют крупы палых паровозов и лошадей, шарахнутых врасяг. Пещерный век на пустырях горбатых.

Власть может вести свое происхождение от народа (в широком смысле этого термина¹, т.е. от населения, проживающего на более или менее определенно очерченной территории) и назначением иметь сохранение (или увеличение) материальных благ народа, в первую очередь сохранение жизни и территории, затем уклада жизни, уровня жизни, разрешение возникающих конфликтов.

Власть может вести свое происхождение “от Бога”, и тогда она назначением своим ставит исполнение заповедей Божьих, которые либо содержатся в Святой Книге, либо жрецами или самим монархом непосредственно каждый раз приемлются из уст Божьих. В этом случае она не обязана заботиться о подданных. Подданные – лишь орудие для достижения Целей Божьих. Власть не ограничена интересами подданных и может идти против желания всего народа, если такова Воля Божья.

Власть может вести свое происхождение от шайки, клана завоевателей, немногочисленных, но покоривших себе обширные территории и многочисленное население. Тогда

¹ Наилучшее определение понятию “нация” см. в статье покойного И.И.Ревзина “Об индуктивных определениях в исторических науках. К логической экспликации понятий “нация” и “национальный язык”.” – Труды по знаковым системам, вып. 7, Тарту, Университет, 1977, 28-44.

власть ограничена лишь своими собственными интересами выживания. Народ, его благо, его территория, его спокойствие – все это интересно только в той мере, в какой затрагивает благополучие и спокойствие управляющей клики. Никаких внутренних, идущих от Божьих заповедей либо от сознания своих собственных обязанностей перед управляемыми, ограничений у власти нет. (Конечно, у каждого человека есть те либо другие ограничения, идущие, как говорят одни, “от совести”, а как говорят англичане, “от желудка” (кто через что может переступить, чтобы его не стошнило). Это уже “вопрос твердости”.)

Пришедшая власть утверждала себя на то место, которое в социальной психике прежде занимала власть от Бога. **Наука и справедливость** давали санкцию на переустройство общества, провозглашали заповеди **социализма**, сметали устаревшие, антинаучные и несправедливые буржуазные предрассудки насчет “личности”, заменяли ее целиком и полностью **коллективом**. (О том, что социалистическая нравственность требует полного растворения личности в коллективе, писали еще в 1906 социалисты-революционеры в своих брошюрах.) Святое, святейшее дело строить социализм, сметать, как мусор, с лица земли тех, кто препятствует этому величайшему в истории человечества замыслу. “Это – единственная великая война, которую знала история!”

Но есть один безошибочный критерий, который отличает свято верующих в своего бога савонарол и робеспьеров от прикидывающихся ими управителей третьего типа. Это – жесткость и негибкость фанатика, неискание выгоды для себя лично, готовность на личную гибель, даже поиски ее. Когда Ольга Давыдовна, пользуясь своим положением жены Каменева и сестры Троцкого (кстати, они почти все находились в родственных отношениях: Ягода – муж сестры Свердлова, сестры Менжинские – общепартийное достояние, Инесса Арманд – одна из жен Ленина, и т.п.), весной и летом 1918 устраивала в Кремле попойки-банкеты, где щеголяла перед оголодавшими писателями, поэтами и актерами (она была назначена ведать искусством), то это бросалось в глаза. Когда Луначарский перепробовал почти всех актрис Москвы, которые еще не успели сбежать на сытый Юг, – это бросалось в глаза. И поэтому мудрый политик Ленин обедал в двух вариантах:

со своими – сытно и весело, с винишком, а в присутствии беспартийных гостей – подчеркнуто картошкой в мундире без масла и при пайковом хлебе. Однако одной из первых мер В.Бонч-Бруевича было создание “Кооператива ЦИКа” для бесперебойного снабжения членов правительства всеми яствами. И когда кругом в Москве умирали с голоду, когда Блок в Петрограде колол себе дрова и умер голодной смертью, когда зверей в московском зоопарке кормили трупами расстрелянных, – тогда в Кооперативе ЦИКа было и маслице и мясо, и хлебец, и винцо, и сенце, и даже деликатесы. И был резерв: не обделяя членов правительства, можно было позволить себе из фонда Кооператива ЦИКа подкормить умирающего в Дмитрове (с голоду и от старости) Кропоткина, дабы расположить его к себе и внушить ему подговорить анархистов прекратить взрывать на воздух московский горком и прочие правительственные здания. Правда, не все большевики позволяли себе прикасаться к продуктам Кооператива ЦИКа; например, нарком Семашко предпочитал сам умирать с голоду. А некоторых и не тянуло на жратву и вино, они предпочитали кокаин, вроде Менжинского.

Фанатизм революционных лозунгов и первых декретов сменился готовностью отказаться от святейшего из лозунгов, лишь бы удержаться у власти. Робеспьеры так не поступали. И это тоже уже видели многие.

И отчетливо ощущали на самих себе жители занятых большевиками районов, как у них отнимали материальные гарантии какой бы то ни было независимости. Эта линия отнятия материальных гарантий выдерживалась неуклонно, ибо удержать власть третьего типа можно только превентивным уничтожением всех потенциальных соперников.

Одним из первых таких шагов, еще до отнятия собственности на жилище, было разоружение народа.

Хранящие у себя дома оружие будут рассматриваться как налетчики и караться со всей беспощадностью революционного времени, –

гласило одно из первых распоряжений ВЧК (от 21 марта 1918), лишь только 23 февраля была восстановлена смертная казнь официально. Поэтому жители не могли ничего противопоставить ни уличным бандитам, налетчикам и насильникам, ни тем, кто вламывался в дом грабить и расстреливать – вла-

мывался без мандата установленной формы. Всякое общество всегда пользуется имманентным ему правом самозащиты; если не существует установленных властей или власти неэффективны, то жители прибегают к личной мести своему грабителю или насильнику, прибегают к коллективному самосуду, к индивидуальной или групповой самообороне. Именно для того, чтобы пресечь связанные с этим произвол и эксцессы, они обычно соглашались в цивилизованных обществах на отчуждение от себя права на судебную расправу в руки специальной судебной власти, в руки исполнительной власти в лице полиции и т.п. Эта власть устанавливает для всех граждан те или иные ограничения, так что от нее страдают не только преступники, но эти страдания благонамеренных граждан искупаются сознанием, что зато не приходится страдать от самих преступников. Тут же власть предписывала одно ограничение и страдание за другим, но ни от кого не защищала, не избавляла от страдания из-за преступников, но дополнительно лишала возможности эффективной борьбы с преступниками или хотя бы защиты от них. Власть же, конечно, в таких терминах не думала: она знала, что оружие **может быть** использовано в противоправительственных целях, а потому отбирала его. Что там будет с безоружными жителями, ее просто не интересовало. Жители не входили в объем понятия “наши”.

Большевики не даром изучали марксизм, который первостатейным социальным фактором полагает фактор экономический. Когда пришло время обезоружить народ – и в буквальном и переносном смысле – они наносили точные удары по самим гарантиям человеческих свобод. Право на человеческую независимость? Оно гарантируется возможностью человека какое-то время жить в своем собственном жилище на заработанные ранее деньги, деньги, не обесцениваемые произволом, даже если сейчас его по тем или иным причинам нигде на работу не берут. Реальной возможностью прожить, пусть лишенным сознания социального участия, но без непроглядных страданий самого и своей семьи – вот чем гарантируется в конечном счете независимость индивидуума, его “свобода”, не уточняемая никакими эпитетами и сужающими определениями.

Свобода и возможность предлагать свой труд на приемлемых условиях, получая взамен средства существования для себя и своих близких, получая ощущение социального участия, – следующий вид независимости и свободы, более долговременной и значимой.

Население имеет свои реликвии, святыни, порой различные. Одному дороги семейные портреты и возможность их развесить, другому дорог храм науки – Университет и его прерогативы. Третьему – Пасха. Были и такие эмоции:

О, самозванцев жалкие усилия! Как сон, как снег, как смерть, святыни – всем! Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья! И по-сему запрета нет на Кремль!

Коли в землю солдаты всадили – штык, Коли красною тряпкой затмили – Лик, Коли Бог под ударами глух и нем, Коль на Пасху народ не пустили в Кремль, Надо бражникам старым засесть за холст, Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам – ползть, Конь на всаднике должен скакать верхом, Новорожденных надо поить вином, Реки жечь, мертвецов выносить – в окно, Солнце красное в полночь всходить должно. Имя суженой должен забыть жених, Государыням нужно любить простых.

Ведь Кремль был исконной религиозной святыней, с его колоколами, крестами, соборами и иконами. И вот в нем поселились безбожники, которые немедленно посдирали иконы, поставили стражу и не пускают (до 1954 года в Кремль пускали только по спецпропускам) помолиться. Кошмар и крушение. И – возмущение властью. Власть создает себе новых врагов.

Наконец, возможность активно участвовать в жизни своего родного общества, создавая те или иные объединения (общество любителей слоеных пирожков; ассоциацию по строительству моста через ручей; союз поэтов, не признающих запятые; независимую гимназию; политическую партию; религиозную общину) или действуя единолично (выступая с речами на улицах, организуя собственную типографию или издательство), – следующий уровень свободы. В период от Николая I до Николая II все движение за гражданские права находилось на этом уровне, боролись за права, позволяющие и обеспечивающие функционирование на этом уровне. Материальная же основа для пользования этими правами была. Сирота рассыльный мог, полюбив типографское дело, стать с

возрастом владельцем крупнейшего петербургского издательства – Сытин.

Новая власть рубила под корень. Она ликвидировала гарантии личной и общественной независимости, возможности свободного социального участия – под флагом ликвидации частной собственности. Великие и трогательные слова о несправедливости частного владения имуществом, о недопустимости нещадной эксплуатации человека человеком, о некрасивости купли-продажи сбивали и сбивают с толку, мешая разглядеть, что происходило. Собственность на средства производства – туда попадали и фабрики, и жилье, и парикмахерские, и типографии – отнималась у индивидуумов. Средства производства провозглашались всенародным достоянием. Но понятие собственности помимо идеи “владения”, “права на отчуждение” включает в себя еще идею “распоряжения”, “пользования”. Кто и как будет распоряжаться “всенародным достоянием”? Анархисты всех оттенков – от кооперативников до махновцев – право распоряжения мыслили за свободными ассоциациями граждан. Первые декреты о рабочем контроле на фабриках и п.5 программы РКП(б) дают основание думать, что этот синдикалистский уклон был замечен и в рядах РКП(б). Но довольно быстро схема власти и собственности прояснилась: фабриками, жильем, типографиями (а позже и землей) распоряжались лица, назначенные властью, т.е. партией, т.е. назначенные ЦК РКП(б). Распоряжение средствами производства – иными словами гарантиями независимости личности и группировок личностей – осуществлялась некоторыми личностями же, уполномоченными на то **доверенностью** от безусловного распорядителя ими (и средствами, и личностями), доверенностью от не ограниченного ничем носителя власти – ЦК РКП(б) (“У нас один хозяин – товарищ РКП”).

Итак, ликвидация частной собственности свелась на деле к передаче всей собственности в распоряжение правящей партии. Среди какой-то части населения такая передача была популярна, в том смысле, в каком вассалы радовались, когда абсолютный монарх прижимал их феодального сюзерена, умалял власть их хозяина. Абсолютизм – будь то Людовик XIV, будь то Наполеон III, будь то Гитлер – всегда заигрывает с простонародьем, выставляя себя освободителем простых людей от власти знатных, сильных, богатых. Интеллигенция же

не осмеливалась защищать частную собственность по моральным причинам: неловко выступать пособником эксплуатации человека человеком. А то, что ликвидация частной собственности не уничтожила эксплуатации человека другим человеком – уполномоченным от имени правящей партии распоряжаться средствами производства и тем эксплуатировать трудящихся с помощью этих средств производства и получать себе за эту эксплуатацию толику из Кооператива ЦИКа – это либо не осознавалось, либо осознавалось только за день до того, как тебя приходит брать ВЧК.

Ибо ВЧК ликвидировала все: от свободы разговора в очереди до свободы поездок добывать себе жратву. Если человек ехал из Москвы на Волгу, менял там свое пальто на мешок муки (крестьяне страдали от нехватки промтоваров), то на обратном пути он подвергался риску быть расстрелян как “мешочник”, и уж во всяком случае, попавшись на глаза ЧК, он лишался мешка. Была провозглашена государственная – т.е. партийная – монополия на провоз хлеба. ВЧК была сформирована в декабре 1917. По какой-то игре исторических совпадений чекисты селились на тех самых улицах Москвы – в Арбатских переулках – которые Иван IV подарил опричникам. ВЧК состояла в кадровом отношении из трех слоев. Руководящие посты занимали поляки, латыши и евреи: Дзержинский, Урицкий, Петерс и др. У всех у них были и свои личные и общие причины для лютой ненависти к старому строю и к соглашателям-социалистам. Я уже упоминал, что почти у каждого латыша из ЧК был родич, казненный в 1906. Вот документ:

Обязательное постановление Келецкого военного генерал-губернатора от 13/26 января 1906 года. В случае обнаружения у кого-либо оружия, данное лицо будет подвергнуто смертной казни без суда. Если оружие окажется у детей, не достигших 14 лет, то смертная казнь постигнет их родителей или опекунов.

Правда, это постановление за его незаконностью было приостановлено Главным начальником края Польского уже к 27 января (к сожалению, из документа не видно, нового или старого стиля). Но ведь постановление успело покрасоваться на тумбах и заборах, объявлялось в газетах. И поляки, пришедшие в ВЧК, видели его собственными глазами, а может быть, и слышали про случаи его применения. Так неужели же они

будут церемониться теперь? “И рухнуло, браунингом в провал, римское и еще какие-то права”.

Следующий слой чекистов состоял из “социально-близких”, пользуясь марксистской терминологией, или “приблатненных”, по терминологии лагерной. Это та специфическая среда, которая возникает на грани политических преступников и преступников бытовых. Надо перевозить нелегально через границу пропагандистскую литературу – вступаешь в контакт с контрабандистами, промышленяющими нелегальным провозом и торговлей духами или чулками, а они сами находятся в связях с ворами, бегающими из России в Румынию и обратно. Попал первый раз в тюрьму за кражу со взломом (как Малиновский или Ягода), в тюрьме тебе социалисты объяснили, что ты – жертва несправедливого общественного устройства, ты соглашаешься и дальше мстить обществу, буржуям вместе с ними, а если сохраняешь свои воровские замашки, то на это закрывают глаза и Ленин и Свердлов. Начинал как убежденный политик, попал в тюрьму за пропаганду, да под влиянием примера уголовников и сам начал поворачивать, либо же занялся мужеложеством (как Енукидзе), устраивал экспроприацию казенного банка на дело революции, по обстоятельствам пришлось набрать специалистов по разбойным нападениям (как Коба Сталин), либо как минимум укрываться с помощью профессиональных делателей фальшивых документов. Много есть путей. И эта промежуточная среда – знакомства, родственные связи, общие иерархии ценностей, сходный жизненный опыт, одинаковая отрешенность от здорового общества с ощущением **своей** правоты и **вины общества** поставляла второй и наиболее многочисленный слой чекистов. Есть даже гипотеза, что Дзержинского еще из последнего класса гимназии вытурили за уголовное преступление, которое по доброте дирекция не хотела доводить до суда, но я недостаточно проверил ее. Во всяком случае в 1905-1907 Дзержинский очень тесно был связан в Польше с полуразбойными, полуполитическими нападениями (и, конечно, всегда легко отделялся при арестах). Этому слою чекистов поручались аресты, обыски и прочее “представительство перед обществом”.

Следующий слой состоял из спецов. “Спец” – это термин, возникший в начале 1918, когда победившие большевики и левые с.-р. убедились, что их опыта и знаний не хватает для ре-

ального управления делами: ни в муниципальной деятельности, ни в общегосударственной, ни в военной, ни в сыскной. И как к управлению заводами привлекали – под наблюдением рабочих комиссаров – инженеров и бывших владельцев, как полки доверяли недострелянным ротмистрам и генералам – под наблюдением политкомиссаров, так и розыскно-оперативную часть ВЧК поручили бывшим жандармским полковникам, (например, Джунковскому) – под наблюдением наших товарищей и, разумеется, без огласки. Еще бы, даже появление спецов на заводах вызывало негодование рабочих, а использование военспецов привело к шумным волнениям среди красных командиров. Ни в коем случае не следовало добавлять массам лишних поводов для беспокойства, и ВЧК умело пользовалась опытом царских охранников, сохраняя при этом всю обстановку секретности, необходимую для своей собственной деятельности. Это использование облегчалось еще тем обстоятельством, что привлекаемые спецы должны были делать привычное им дело: замирать революционные волнения в России.

Однако достаточной агентуры в других политических партиях у ЧК не было, поэтому первый этап ее деятельности в 1918 году состоял в основном в расстрелах да во внушении ВЦИКу идеи, что ВЧК – самый необходимый для революции орган. Мешал и двухпартийный состав органов ВЧК. Поэтому сотрудникам ВЧК просто давали заранее подписанный и заверенный печатью пустой бланк, и даже кипы таких бланков, куда сам сотрудник вписывал свои полномочия “расстрелять имя рек”, “произвести обыск по адресу”, “изъять ценности”, “арестовать”, “мобилизовать на выполнение такой-то трудповинности” и т.п. Настоящий расцвет чекистской деятельности – осень 1918 и позже.

Но и того, что происходило, достаточно, чтобы впечатлять. Вот документ:

Председателю Пензенского губисполкома, 11 августа 1918 г. При подавлении восстания пяти волостей, приложите все усилия и примите все меры, в целях изъятия из рук держателей всех излишков хлеба, осуществляя это одновременно с подавлением восстания.

Для этого по каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возложите обязанности собрать и свезти на указанные станции

или ссыпные пункты и сдать властям все дочиста излишки хлеба в волости.

Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков определяется предгубисполкомом и губпродкомиссариатом, на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам даются соответствующие полномочия.

Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение ее; укажите, что ответственность заложников налагается на кулаков, мародеров, богатеев, исконных врагов бедноты.

О получении сего телеграфируйте регулярно. Сообщайте о ходе операции не реже чем через день, повторяем – не реже.

Предсовнаркома В. Ульянов (Ленин). Наркомтруд Цюрупа. Наркомвоен Склянский.

Не похоже, чтобы центральное правительство помнило при составлении этой телеграммы о том, что губисполком – ответственен перед губернским съездом Советов, а не перед Совнаркомом. Однако губернские деятели помнили, они саботировали исполнение. Специальный комиссар по Пензенской области Е. Бош (жена Г. Пятакова) жаловалась на проволоочки местных властей. Поэтому лично ей Ленин дает директиву:

Необходимо организовать усиленную охрану из отборно-надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концетрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход...

Не хочу думать, чтобы вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Позже Ленин пересмотрит точку зрения на назначение заложников: не стоит брать заложников из богатеев, ибо это не устрашает населения; надо брать заложников из авторитетных трудящихся.

Не одной Бош объяснял Ленин про необходимость **массового** террора; он ругая ругает Зиновьева, Лашевича и других руководителей Петрограда, которые в начале июля удерживали свою ЧК от расправ с невиновными. Дело было так. Ко-

миссар по делам печати Северной Трудовой Коммуны закрывал одну за другой газеты (это было еще до декрета о повальном закрытии небольшевистских газет), произносил прокурорские обвинительные речи на процессах издателей, редакторов и авторов. Вот образчик обвиняющей логики т. Володарского (дело газеты “Петроградское Эхо”, редактор гр. Василевский):

В №56 мы читаем: “Автономная Сибирь и союзники признали сибирское правительство”. Союзники признали!... вопрос, опирается ли сибирское правительство на какую-нибудь иностранную союзническую силу, – вопрос колоссальной важности. А “Петроградское Эхо” каждый раз заявляет с уверенностью, не могущей вызвать никаких сомнений, что “союзники признали сибирское правительство”. Откуда эти сведения, кто их передал? “Союзники, по сведениям из Пекина, признали сибирское правительство!” Вторая строчка неизвестно откуда появилась, потому что ссылка на Пекин смешна, не выдерживает никакой критики, но она дает право гражданину Василевскому выйти из затруднительного положения. Я утверждаю, что нет, тысячу раз нет. Гр. Василевский не имел права категорически заявлять, основываясь на двух строчках, якобы полученных из Пекина, что союзники признали сибирское правительство. Граждане члены революционного трибунала, я считаю вопрос о том, муссировало ли “Петроградское Эхо” слух о силе и растущем влиянии и поддержке сибирского контрреволюционного правительства союзными державами, безусловно доказанным.

В конце концов, с.-р. Сергеев застрелил Володарского (и благополучно скрылся)¹. Я так и не знаю, был ли это его личный поступок, организовалась ли какая-нибудь партизанская боевая организация, постановлен ли был индивидуальный террор против большевистских комиссаров Центральным комитетом ПСР или еще что. ВЧК в это время не умела искать, позже она фальсифицировала все показания по этим террористическим актам, а сами с.-р. преимущественно погибли, не успев написать мемуаров. Савинков в воспоминаниях намекает, что он причастен к некоторым из актов лета

¹ Примечательно, что убийца **не искал** убитого. Случилось так, что Володарский на автомобиле заблудился за городской свалкой на Охте, вышел из машины спросить дорогу, а встречный его узнал и – столь хорошо знал и любил – тут же выхватил револьвер и застрелил. Позже еще несколько раз в Петрограде взрывались памятники Володарскому.

1918, но в 1922, когда он издал “Мою борьбу с большевиками”, был слишком близок к событиям, и неясно, как относиться к этой книге: как к историческому свидетельству или пропагандистскому произведению. Обозленная ЧК кинулась бить буржуев, которые, конечно, де, **не могли не быть** причастны к этому убийству, ибо убит Володарский за борьбу против **буржуазной** печати. Зиновьев и другие (Зиновьев и позже отрицательно относился к чекистам) стали удерживать их; дескать, надо уметь отличать правых от виноватых. Виновных в убийстве надо найти и сурово покарать, но незамешанных – не следует. Словом, была типичная отрыжка так называемого гуманизма, попросту мягкотелость (“что ты, Петька, баба, что ль?!”), и Ленин обрушился на него и других требованием не мешать массовому террору, необходимость которого правильно осознают питерские рабочие.

Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере **рабочие** хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские чекисты или чекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, **тормозим** революционную инициативу масс, **вполне** правильную.

Это не-воз-можно!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контр-революционеров, и особенно в Питере, пример которого **решает**.

Не помогло, не убедил. У Зиновьева и позже бывали вздоги душевные. Так, в петроградском разорении 1920 года, когда Невский проспект порос травой, он говорил Анненкову:

Конечно, все это нужно для победы революции, и не жалко Петрограда, несколько, оно подумать только, неужели все это должно случиться и с Парижем?

Ведь здесь, в Петербурге, он себя ощущал пришлым, он привык к эмигрантскому существованию в кафе Ротонда

(...издалека, подобно сотням беглецов, заброшен к нам по воле рока. Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы, не

мог ценить он нашей славы, не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал.)

и все, что он делал тут, – было для него временным, а главной целью была **мировая революция**. Зиновьев обнаруживал человеческие чувства и в иных ситуациях. Присутствуя в 1920 на митинге в Баку, где спецы только что наладили нефтяные промыслы, он заметил, каково инженерам и бывшим владельцам выслушивать на этих митингах все пропагандистские фразы и обещания

воспользоваться трудом бывших буржуев для того, чтобы уничтожить буржуев во всем мире.

Не случайным было человеческое движение у Зиновьева, и не случайно покрыл его бранью Ленин.

И когда волочили Григория Евсеевича из камеры на расстрел, не о марксизме вспомнилось ему, не вскричал он “Руби Петлюру!” – как Иона Якир, но зывал он к “Богу отцов своих, к Богу Авраама, Исаака и Иакова”...

Так что массовый террор не налаживался. Но 30 августа в Петрограде 22-летний поэт Каннегисер застрелил предпетро-чека Урицкого, а 31 августа в Москве политкаторжанка с.-р. Каплан¹ тяжело ранила предсовнаркома Ленина. И 31 же

¹ Появились публикации, ставящие под сомнение факт: стреляла ли Каплан или Коноплева. Доводы, что Каплан не могла стрелять (полуслепая, практически не видящая в темноте – а покушение было в сумерках – не могла из трех пуль три всадить в цель; Каплан не имела прежде дела с браунингом, а только с бомбой, а террорист обычно действует привычным ему оружием), – правдоподобны. Доводы, что стреляла Коноплева (по сути сводящиеся к “если не она, то кто же?!”) невесомы и растекаются между пальцев. Но бесспорно, что Каплан после третьего вопроса арестовавшего ее комиссара взяла на себя ответственность за покушение и не изменяла в этом пункте своих показаний. Поэтому, если она предпочла взять на себя чужой акт, сбить со следа ищущих, – то пусть ее имя и останется в веках. Коноплева же была, неизвестно с какого времени, агентом ЧК, и к ее и Семенова “показаниям” всерьез относиться не стоит. Конечно, юмористично и свидетельствует о полном бессилии ВЧК то, что именно стрелявшая в Ленина Коноплева (если принять эту версию) сделалась потом чекисткой и коммунисткой. Но усматривать в этом диавольский план **русского правительства** – снять вину покушения против русского Ленина с русского народа и переложить ее на еврейку Каплан (именно такова была концеп-

августа ВЧК объявила о раскрытии крупного заговора (“заговор послов”), имевшего целью переворот в Кремле и арест Ленина, Троцкого, Свердлова. Поэтому уже 2 сентября Троцкий провозгласил массовый террор. Был создан Революционный Военный Совет, к которому отходили все функции Совнаркома, во главе с Троцким. Это РВС, как год назад ВРК, обладал всей полнотой неформально понимаемой власти. В создании РВС выразилось и признание того, что ВЧК не справилась с задачей (кстати, “заговор послов” – это была липа, которую ЧК подсунула только для того, чтобы изобразить хоть какую-то деятельность на фоне двух громких терактов, которые она проглядела), и любовь Троцкого к диктатуре, личной власти и громкой фразе.

И начался массовый террор. Уже в самом объявлении о нем было недвусмысленно объяснено, что за каждый разовый случай убийства представителя власти ответственность будет возлагаться на **всех** представителей враждебных классов.

И, действительно, за покушение Каплан в одной только Алушке в одном разовом расстреле было расстреляно 500 человек (мотив: убивать Ленина Каплан приехала из Алушки, что в Крыму). За Урицкого расстреляно 900 человек. Заложники ранее взятые, заложники вновь набранные, банкиры и учителя, юнкера и писатели, домовладельцы и коммерсанты, и в первую очередь интеллигенция – все они гнали к стенке. Предстояло выполнить важную, исторически необходимую задачу: напугать население своей страны так, чтобы и пятьдесят лет спустя боялись. Ведь жители Кремля сами были обьяты страхом. Они-то знали, что с.-р. умеют бросать бомбы. Каменев после покушений метался по коридорам Кремля и стenal: “началось!!” И Кропоткин как раз в сентябре 1918 пояснял Ленину, что опасность быть убитым – профессиональный риск всякого государственного или политического деятеля. Надо было выбить оружие из рук страшнейшего врага.

И удалось. Снова безудержная смелость мысли Ленина и Троцкого подсказали единственно надежный способ борьбы с индивидуальным террором. Ведь индивидуальный террор

ция разбираемой публикации) – нелепо. И Ленин не был русским более чем на 25 %, и правительство в тот момент состояло из Свердлова, Троцкого, Каменева, Дзержинского. Кто из них – русский? Не у них родился бы такой план!

ПСР против царских и советских чиновников базировался на нравственных предпосылках. Когда с.-р. узнал, что за его – удачное или нет – покушение на Троцкого будет расстреляно Троцким или его охраной несколько десятков, или сотен, или тысяч (в октябре 1917 Троцкий установил пропорцию: за одного нашего – пять ихних, но потом расценки менялись) ни в чем не повинных людей, то из рук у с.-р. бомба вываливалась (ср. §§ 4 и 7). Он не мог позволить себе приносить в жертву близких своих – незнакомых ему близких. Себя самого он готов был принести в жертву, понимал и был готов, что причастные к убийству, к покушению могут погибнуть. Но абсолютно чужие, может быть даже по принципиальным соображениям не признающие террора, толстовцы какие-нибудь? Нет. Один только подобный акт прозвучал в ответ на объявленный Москвой террор – дело 26 комиссаров. Арестованные местной азербайджанской властью по обвинению в дезертирстве с фронта, эти комиссары были фактически отпущены на волю тем же правительством “Диктатура Центрокаспия”, когда турки ворвались в Баку. Комиссары подговорили было капитана-латыша направить пароход в Астрахань, но сотни беженцев-пассажиров взбунтовались: в Астрахани было нечего жрать и свирепствовал террор Шляпникова. Пароход пошел в Красноводск. Пришел он туда как раз 16 сентября, когда весть о потоках крови, пролившейся согласно резолюциям от 2 и 5 сентября о массовом терроре, достигла Средней Азии. Глава Ашхабадского правительства с.-р. Фунтиков самолично под свою ответственность истребил этих ленинцев как исчадия ада. После этого товарищи по ПСР отвернулись от Фунтикова и старый с.-р. Вадим Чайкин и в Средней Азии, и в Закавказье весь 1919 год добивался наказания виновных в убийстве двадцати шести. К слову сказать, атмосфера была отнюдь не такой простой, как кажется издали, а вот какой:

Когда повели к месту казни т. Розанова, он обратился к Фунтикову и говорит: “Ты, тов. Фунтиков, в своих действиях ошибаешься, мы вашего решения не заслуживаем и, пожалуй, за свои действия ты заплатишься слишком дорого.” Тогда Фунтиков говорит: “Я исполняю не свою волю, а волю и решение Стаечного комитета и партии социалистов-революционеров, как преданный их член”. Тов. Розанов снова обращается к Фунтикову: “Я-то погибаю за рабочий класс, спрашивается, за кого же ты борешься?” Фунтиков отвечает: “Я тоже за освобождение рабочего класса”.

Тогда тов. Розанов просит разрешения, целуется с Фунтиковым, а затем становится на место казни и предлагает привести в исполнение гнусное решение.

Здесь речь идет об одном из девяти ашхабадских комиссаров, но тем же летом 1918. Фунтиков был свергнут антисоциалистическими силами в марте 1919. Расстрелян ОГПУ в 1926. Но вернемся к нити повествования.

Хотя были отдельные акты и после сентября 1918 (самым значительным был взрыв бронепоезда Троцкого, из которого тот вышел живым, но погиб едва ли не весь его штаб), но систематический индивидуальный террор был исключен из рассмотрения как орудие борьбы в арсенале ПСР. Анархисты-боевики, менее стесненные моральными догмами, взорвали в 1919 московский горком, но, не имея надежной агентуры в большевистской партии, произвели взрыв на полчаса раньше, нежели туда прибыл ЦК РКП(б), так что погибли лишь сравнительно второстепенные деятели¹.

Конечно, ВЧК не умела предотвратить ни названных покушений, ни каких-либо иных реальных заговоров. Она стреляла подряд, а для отчетности устраивала одну за другой инсценировки якобы заговоров, якобы руководимых из единого штаба контрреволюции (о том, каким он был – “единым”, см. в главе 3). Впрочем, мне трудно судить: для отчетности перед ЦК или только для запугивания и обмана населения; есть основания думать, что по крайней мере питерские вожди знали цену чекистским инсценировкам. В октябре 1918 среди многих коммунистов вспыхнуло возмущение кровавыми методами ВЧК; Дзержинскому пришлось на время выехать в Швейцарию, полномочия ВЧК были урезаны. Возможно, это связано с практикой массового террора. Но когда Ленин выздоровел, он высказался в защиту Дзержинского.

Так создалась не ограниченная ничем, кроме страха, власть, соединившая в своем лице полномочия всех общественных институций, равно некомпетентная ни в одной из функций этих институций, кроме умения ответно внушать страх.

Нравственные проблемы снимались. Не в гегелевском смысле, где “снятие” подразумевает оставление в сфере рассмотрения в преображенном виде, а **снимались с рассмотре-**

¹ Если верны слухи, будто Свердлов был убит, то бесспорно, что беспартийными массами, т.ч. к теме не относится.

ния, как несущественные, не относящиеся до повестки жизни. В самом деле, когда с.-р. вели индивидуальный террор, они **убивали** или **казнили** или **мстили** или хотя бы **лишали жизни человека**. Террористы всегда помнили, что им противостоит **человек**, и террористический акт воспринимался ими как нравственное явление: пролитие крови, запрещенное нравственностью, но оправдываемое в данном исключительном случае такими-то и такими-то мотивами. Сазонов, убивший министра Плеве, писал с каторги: “Сознание греха никогда не покидало меня”. О том же думал и Каляев в те два с половиной месяца, которые он прожил между убийством князя Сергея и собственной казнью. Этому посвящена вся проблематика “Коня бледного”. Об этом думал и террорист 1879 года Попко. Нравственное мучение, потребность оправдать пролитие человеческой крови, единоборство человека и человека – вот душевный мир социально-революционного террориста.

Теоретический мир социал-демократического террориста, большевика-чекиста нуждается в совершенно иной терминологии. **Ликвидируют** врага, **уничтожают** контрреволюцию, **прибегают к мерам социальной защиты**, вредителей **истребляют**. Можно спорить о целесообразности или нецелесообразности применения массового террора, или массовидного террора, но к делу этому следует подходить без интеллигентских истерик, не рассусоливая насчет “пролития крови”: ведь “революцию не делают в белых перчатках”. Проблематика отношений личности к личности отстраняется как ненужная, ее заменяет проблематика отношений личности к **массе** (классу; расе или нации – позже), или даже проблематика отношений **одной массы к другой массе**. **Нравственные проблемы** сменяются проблемами **статистическими**, в которых личность с ее неповторяемым миром выступает досадной флуктуацией, портящей красоту и безукоризненность расчетов.

§13. Диктатура Реввоенсовета

Как видно из текста Конституции РСФСР и других документов государственного строительства, летом 1918 никакой отдельный орган военной власти не предусматривался. Высшим законодательным источником власти служил ВЦИК, который делегировал исполнительную (и частично законодательную) власть Совнаркому. В состав Совнаркома входили наряду с другими нарками нарком по военным и нарком по морским делам, каждый из коих имел свою собственную коллегию, как и всякий нарком. С мая 1918 наркомвоен был Троцкий, бесспорно, подчиненный тогда Ленину. Ни Реввоенсовет, ни Совет рабоче-крестьянской обороны конституцией не предусматривались и не функционировали даже во внеконституционном, чрезвычайном порядке (как ВЧК). После выстрела Каплан 31 августа ситуация резко изменилась. Ленин — выбыл. Надолго ли — было совершенно не ясно. Врачи ожидали летального исхода. События тех дней — ширящееся наступление Учредилловских войск в Поволжье, очищение Добровольческой армией Кубани и Северного Кавказа от большевиков, требование Германии уплатить ей за убитого Мирбаха 863 миллиона золотых рублей — вынуждали принимать сиюминутные решения, безотлагательно и энергично действовать, а не ожидать проблематичного выздоровления председателя Совнаркома.

Но как и кем заменить? Назначить взамен подстреленного другого — политически немыслимо. А если он все же поправится, то не будет ли выглядеть заменявший его как покусившийся сменить!? Ведь предсовнаркома должен вести политику. Выздоровевший должен будет либо политически дезавуировать своего сменщика, либо признать и те его акции, которых его политическая доктрина не приемлет. Положение усугублялось тем, что по устройству Совнаркома у его председателя не было заместителя (ни “первого”, ни какого иного). Поэтому “автоматически” никто не становился на его место. Председатель же Малого Совнаркома, готовивший текущие дела на утверждение, Красиков, как и управделами Бонч-Бруевич, поставление которых взамен себя Ленин не считал бы узурпацией власти, были отнюдь не политическими деятелями

и нисколько не годились возглавлять правительство в те бурные дни. Персонально же почти все яркие личности, могшие бы возглавить страну, были в разгоне. Левые коммунисты бойкотировали ЦК, и как коллегия ЦК не собирался до августа 1918. Бухарин находился в германском подполье, готовя вместе с Иоффе там революцию. Сокольников за свой протест против отмены денег был изгнан из Москвы в командование одной из армий. Зиновьев с трудом удерживал Петроград, где только что убили Урицкого. Каменев, который был известен всей неэмигрантской части дореволюционных большевиков как бесспорный вождь, руководитель “Правды” и думской фракции, кадровый руководитель и мартовской и апрельской конференций 1917, — был скомпрометирован своим поведением в ноябре 1917. Как организатора его сменил Свердлов, который был бесспорной кандидатурой возглавить страну, но он и так ее возглавлял как председатель ВЦИКа, а заменять этот пост законодательной промультации на пост исполнительной ответственности не рвался. Надежная опора Каменева — Сталин — ходил на вторых ролях, и не могло быть речи, чтобы этого ленивого человека ставить во главе правительства в миг, требующий сверхчеловеческой энергии. По сходным причинам отпадали Пятаков, Шляпников и все, кроме одной бесспорной кандидатуры.

Троцкий, с его самолюбием, тщеславием и жадной во всем быть первым, не боящийся никакого риска (“В момент Революции — учил он, — самое главное: не сдрейфить!”), уже был овеян славой творца Октября и репутацией дисциплинированнейшего партийца. На посту одного из 18 наркомов, обязанный во всем отчитываться и лично перед Лениным и на коллегии Совнаркома, он ощущал себя неуютно. Позже сам он признавался, что умеет хорошо делать только ту работу, которую выполняет единолично, не разделяя ни с кем ни полномочий, ни ответственности.

Поэтому нет ничего удивительного, что 2 сентября на том самом заседании ВЦИКа, на котором по предложению Свердлова была принята резолюция, предписывающая массовый террор, было принято Постановление ВЦИК о превращении Советской республики в военный лагерь:

Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет:

Советская республика превращается в военный лагерь. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный Совет с одним главнокомандующим.

Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников.

Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью...

Это постановление, принятое от имени всех рабочих и крестьян России по предложению сына херсонского помещика Бронштейна-Троцкого под председательством купеческого сына Свердлова из-за тяжелого ранения отбывшей царскую каторгу социалисткой Каплан сына статского генерала Ульянова-Ленина, и украшенное такими перлами, как “буржуазия, предавшая дело рабочих и крестьян”, имеет два аспекта. Первый, обращенный вовне, мы, собственно, уже обсуждали в §12: людям, живущим на своей земле, запрещается впредь жить своими интересами, иметь свои мнения и суждения, а предписывается всем выполнять волю одного органа — РВС Республики — беспрекословно. Защита интересов этого органа и провозгласившего его ВЦИКа остается единственным содержанием жизни всех жителей территории, контролируемой армией, подчиняющейся РВС. Даже во времена Отечественной войны 1812 года самодержец Александр I не посягал на такое: он приглашал купцов и дворян пожертвовать имением своим и жизнью, но не обязывал их. Если к этому добавить, что у авторов рассматриваемого Постановления отсутствуют иллюзии, будто бы ВЦИК является свободно выбранным представительным учреждением всего населения страны или хотя бы даже большинства населения на территориях, контролируемых ВЦИКом, то внешний аспект четко

резюмируется словами: власть не зависит от воли населения, а население да будет надежным орудием власти.

Внутриполитический аспект этого Постановления определяется прежде всего тем, что в нем отсутствует какое бы то ни было упоминание о Совнаркоме. Страна превращена в военный лагерь, все силы отдаются военным задачам, во главе лагеря ставится РВС. Никаких ограничений власти РВС не ставится, не предписывается¹.

Источником власти РВС служит не декрет Совнаркома, а волеизъявление высшего государственно-конституционного органа: ВЦИКа. Как когда-то ВЦИК делегировал часть своей власти Совнаркому, так теперь ВЦИК же делегирует всю власть Реввоенсовету². Таким языком говорит не одна из составных частей СНК, ограничиваемая хотя бы наличием других комиссариатов в СНК, не говоря уже о главе СНК, но совершенно самостоятельная государственная власть. Расплывчатость, приподнятость и всеобъемлемость формулировок Постановления напоминает первые возвещения о Советской власти в октябре-ноябре 1917. Хотя в явном виде в тексте Постановления не говорится об упразднении СНК, юридический смысл его именно таков³. Именно такой бывает стилистика военных переворотов, когда хунта берет власть, но из осторожности не отстраняет прежнее правительство: власть, де, сосредоточивается в интересах обороны. И если бы Ленин не выздоровел, то СНК в силу названного Постановления редуцировал бы в орган, придаточный к РВС. Во главе РВС стал Троцкий. Подтверждением сказанному служит свидетельство, как воспринималось назначение Троцкого в Советской России в это время. Вот текст "Телеграммы", опубликованной в "Известиях Яренского Совета крестьянских депутатов" № 33, 16 сентября 1918:

¹ Поучительно сравнить это отсутствие ограничений с дотошной детализацией прав приленинского РВС приказом от 13 июня 1918 или декретом от 19 августа 1918.

² Неизвестно никакое решение ЦК о создании РВС, как и неизвестно ни о каком "пленуме ЦК" в эти дни.

³ Источниковедческий анализ легенды об издании этого Постановления приводит к выводу, что какой-то главнейший пункт его не опубликован, а публикация его привела бы к признанию умаления роли Ленина перед Троцким, что согласуется с юридическим анализом опубликованной части документа.

Новый председатель Совета Народных Комиссаров. Единогласно избран председателем Совета Народных Комиссаров Л.Троцкий. Буря аплодисментов посыпалась при признании.

Троцкий немедленно проводит акции, противные общепартийному мнению: насильственно призывает в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию классово-чуждых унтер-офицеров (3 сентября) и офицеров-генералов (1 октября).

Так как одновременно Троцкий одержал на фронтах ряд решительных побед, то к началу ноября он затмил всех прочих вождей. РВС приобретает все новые права: 16 сентября ВЦИК учредил первый орден и, естественно, оговорил:

Право утверждения и присуждения наград принадлежит только ВЦИКу.

Но уже 11 октября Троцкий сужает компетенцию верховного органа ВЦИКа: награждать орденом Красного Знамени ВЦИКу разрешается только по представлению Реввоенсовета, а 25 октября и вообще РВС получает независимое от ВЦИКа право награждения этим единственным в стране орденом! 30 сентября “Правда” сообщает, что ВЦИК

требует от всех советских учреждений, как центральных, так и местных, самого широкого содействия всем начинаниям Революционного Совета, —

причем ограничительный эпитет “военного” отсутствует, что естественно, ибо в этом призыве ВЦИК речь идет о том, чтобы “напрячь все силы для содействия общему делу” и “доведения борьбы за социалистическую революцию до конца!”

Не Совнаркому отводится роль вождя в такой борьбе.

Органом территориальной власти Реввоенсовета Республики стали ревкомы. Современные историки говорят об их роли иносказательно, хотя недвусмысленно:

...в прифронтовой полосе, на освобожденных от врага территориях, в районах действия белогвардейских банд или там, где влияние антисоветских элементов оставалось еще сильным, Советы и их исполкомы заменять временными чрезвычайными органами власти — революционными комитетами (ревкомы)... В 1919 г. ревкомы возникли на большей части территории страны... Уездные и губернские ревкомы утверждались Реввоенсоветом ар-

мии... На территории с враждебным или безучастно относящимся к советской власти населением Реввоенсовет предписывал в состав ревкомов назначать исключительно представителей политических отделов дивизий и местных организаций РКП(б).

Реввоенсоветы фронтов и армий ... фактически заменяли органы государственной власти, издавали нормативные и индивидуальные акты по всем вопросам.

А вот голос делегата VIII съезда — март 1919:

Что делают военкомы? Они не подчинены исполкомам, объявляют военное положение, забирают помещения, забирают в имениях мебель, и когда местный исполком начинает протестовать, то они объявляют: “Мы — военная власть и подчиняемся только центру”... Мы знаем и такие случаи: выбросили кого-нибудь из исполкома, его вдруг назначают на ответственные места в другие губернии, дают даже комиссарство... Недалеко от Москвы, в Серпухове, поселился штаб, который забрал лучшие помещения и поселил туда своих служащих. Когда разразилась в городе эпидемия тифа, то понадобились больницы. Но где взять помещения? Часть занята исполкомом, часть — штабом и его служащими. Когда стали говорить, что надо выселить служащих штабов, то в ответ было заявлено: “Выселяйте исполком с его отделами, но не этих служащих, потому что их выселение отразится на интересах Красной армии”. В результате Революционный Военный Совет объявил город на военном положении для того, чтобы взять власть в свои руки и выбросить исполком на улицу...

Чему же прикажете подчиняться — декрету СНК или распоряжению РВС?

Эти жалобы на съезде служат хорошим добавлением к вышеприведенным цитатам, ибо показывают, что власть РВС была неограниченной не только в прифронтовой полосе, но и так далеко от фронтов, от Кремля же меньше, чем в ста километрах! Возразят: дескать, партия контролировала и направляла работу РВС! Вот цитата современного автора:

Реввоенсовет Республики в приказе от 26 мая 1919 подтвердил, что коммунистические ячейки РКП(б) частей и соединений Красной армии не имеют права вмешиваться в административные функции военных комиссаров, не могут решать вопросы назначения и увольнения сотрудников. На обязанности партийных фракций военных учреждений, отмечалось в приказе, лежит разрешение лишь партийных и культурно-воспитательных вопросов”.

Куда уж больше ограничить компетенцию партии — некуда!

Ясно, что вернувшийся к политико-юридической деятельности Ленин не мог мириться с такой диктатурой Троцкого. В условиях конца ноября, когда гигантски возрос авторитет Ленина из-за революции в Германии и когда пошатнулся авторитет Троцкого из-за успешного наступления только что пришедшего к власти Колчака на помощь Народной армии Комуча, Ленин предпринимает юридическую акцию по ограничению власти РВС, а Сталин — прямую попытку свержения Троцкого. Задержусь на роли Ноябрьской революции.

Большинство партии в январе-марте 1918 было настроено против грабительского мира с Германией. Лишь ультиматумом оставшийся в меньшинстве Ленин сумел вырвать санкцию на заключение мира, после чего недовольство было загнано вглубь, укрепившись. Левые с.-р. знали, что Бухарин, Осинский и другие обдумывают средства “смещения Ленина с поста председателя Совнаркома”, и обоснованно рассчитывали на их поддержку во время вооруженной демонстрации 6 июля. Но вот в Германии разразилась революция — второй акт Всемирной Пролетарской Революции! Значит, предвидение Ленина сбылось: полугодом не прошло с момента подписания брестской похабщины, как договор рухнул, аннулированный революцией, как немецкие войска побежали с оккупированных ими русских областей. Значит, — рассудил Бухарин, — я был совершенно не прав, когда спорил с Ильичем. Он видит на несколько ходов дальше меня, глубже. Если бы в марте мы поступили по-моему, мы имели бы войну с Германией, ненужную и изнурительную, и еще неизвестно, выстояли ли бы, а вот сейчас, не затратив на войну с немцами ничего, мы снова получаем все то, что имели до марта. Впредь я всегда стану слушаться Ильича! Так или примерно так думали тогда многие, может быть, и сам Троцкий.

30 ноября принимается Постановление ВЦИКа. Оно, после красочной преамбулы насчет Франции, оккупированной англо-американскими и колониальными войсками, и насчет городских и деревенских кулаков, которых, судя по тексту, десантами выбрасывают франко-японские хищники, переходит к мотивировке создания нового органа власти — поскольку

2 сентября Советская республика провозглашена военным лагерем, постольку:

Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т.е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающей положению страны...

С этой целью ВЦИК постановляет учредить Совет Рабоче-Крестьянской обороны под председательством тов. Ленина, как председателя СНК, в составе председателя РВС Республики тов. Троцкого, наркома путей сообщения тов. Невского, замнаркома продовольствия тов. Брюханова, председателя Чрезвычайной комиссии по производству снабжения тов. Красина (или их заместителей) и представителя ЦИК тов. Сталина.

Совету Обороны предоставляется вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Для ведомств и учреждений, центральных и местных, для всех граждан постановления Совета Обороны безусловно обязательны. Непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и военно-морского ведомства остается по-прежнему в руках РВС Республики.

Юридическая сторона взаимоотношений четырех высших органов, обладающих исполнительной властью: ВЦИК, Совет Обороны, СНК и РВС — весьма интересна для любителя юридической казуистики и вскрывает стиль диалектиков от юриспруденции. Не задерживаясь на подробностях, резюмируем ее. Так как СНК не мог провозгласить себя над Реввоенсоветом, то создается Совет Обороны, возвышающийся и над СНК и над РВС и подотчетный только ВЦИКу. Так как канцелярский аппарат СНК и СО совпадает, то несколько раз делались попытки отождествить СНК и СО, но РВС огрызнулся, отказавшись подписать некоторые постановления (например, о командующих), после чего на долгие месяцы воцаряется практика, когда СО задним числом штампует уже изданные распоряжения РВС, стремясь хоть в бумагах утвердить юридическую фикцию своего главенства. Троцкий подчеркнуто игнорирует СО, ни разу за все время его существования не появившись на заседаниях.

Заместителем Троцкого в Совете Обороны и его постоянным представителем там стал Склянский. Эфраим Маркович Склянский с отличием окончил житомирскую гимназию, по-

ступил на медицинский факультет Киевского университета, где, может быть, встречался с Михаилом Булгаковым и где в 1913 в возрасте 21 примкнул к РСДРП(б). Мобилизованный, он провел войну в двинских болотах зауряд-врачом V армии, где после Февраля был избран председателем армейского комитета и быстро выдвинулся по этой линии, попав в президиум II Съезда Советов, принявшего власть в Октябре. Как офицер-большевик, уже в марте 1918 попадает в коллегию наркомвоенмора, возглавляемую Троцким. Будучи очень толковым и деловым человеком, не имея суматошной привычки класть бумаги не на место, он идеально организует аппарат РВС и четко реализует все указания Троцкого. Все интриги Сталина разбились о несокрушимую верность Скиянского, и почти на всех постановлениях Совета Обороны подпись Ленина уравновешена подписью Скиянского.

Сталин, не переносивший Троцкого лично, воспользовался настроением тех дней отступления Красной армии, направленным против Троцкого, и напросился в командировку с Дзержинским для “расследования причин падения Перми”, а на деле – ради составления обвинительного акта против Троцкого, после чего того сместили бы и реорганизовали бы РВС. Вот сталинские выводы:

... отсутствие координации ... вызвано оторванностью Реввоенсовета республики от фронта и необдуманностью директив главнокома. ... Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьезного учета всех данных ... как это допускает РВС Р.

...Необходимо преобразовать РВС Р в узкую, тесно связанную с фронтами группу, скажем, из пяти человек (из них двое специалистов, третий наблюдает за Центральным управлением снабжения, четвертый — за Главным штабом, пятый — за Всероссийским бюро комиссаров), достаточно опытных для того, чтобы не допустить произвола и легкомыслия в деле управления армией.

Однако сталинская затея лопнула. Во-первых, он еще не кончил корпеть над своей докладной запиской, как Троцкий отобрал назад Пермь и одержал ряд побед. Во-вторых, Дзержинский переметнулся от Сталина к Троцкому, вырвав за это согласие Троцкого на пересмотр умаляющего власть Дзержинского Положения о ВЧК и заключив особое соглашение с Троцким о дружбе, именуемое Положением ВЦИКа от 6 февраля 1919 о создании Особого Отдела ВЧК как органа

двойного подчинения ВЧК и РВС. Это соглашение подписано Троцким, Араловым, Дзержинским, Свердловым, Аванесовым, но без Ленина. В ответ Сталин стал раздувать военную оппозицию (Ворошилов и другие), которая чуть было не завоевала большинство XIII съезда, но так как без Троцкого обойтись в тот момент было совершенно невозможно, то Ленин цыкнул на Сталина, оппозиции скрутили шею, и диктатура Троцкого сохранилась.

Интриги Сталина против Троцкого вынудили Троцкого пожертвовать своим главнокомандующим, дабы восторжествовали интересы дела. К маю 1919 резко усилилась опасность Деникина. Хотя уже к 1 января 1919 в Красной армии служили делу рабочих и крестьян 22 тысячи царских офицеров и генералов, а также 128 тысяч унтер-офицеров, и к концу марта их число возросло до 35 тысяч офицеров, генералов и военных чиновников плюс 21 тысяча медицинских и ветеринарных офицеров, тогда как к 5 мая этой армии рабочих и крестьян противостояли в Донецком бассейне только десять тысяч бойцов (совокупно генералов, офицеров и рядовых) под командованием Деникина да 15 тысяч донских казаков (опять же исчисляя офицеров и рядовых) под командованием Сидорина, — тем не менее Деникин развил наступление. Троцкий наметил перебросить войска с Восточного фронта на Южный. Сталин обвинил его в нежелании продолжать наступление на Колчака, пугал Ленина опасностью возрождения колчаковского наступления. Попутно главнокомандующего Вацетиса обвиняли в бонапартизме, заговоре. Троцкий разрубил этот гордиев узел: он уволил Вацетиса, заменив его на С.С.Каменева, о котором Сталин сдуру отзывался хорошо, так как ему показалось, будто Каменев не любит Троцкого. (Но С.Каменев не оправдал ожиданий Сталина, так что тому пришлось уже в ежовщину вырыть прах С.Каменева из-под кремлевской стены и выбросить его как “врага народа”.) За эту уступку ЦК согласился в июле принять лозунг “Все на борьбу с Деникиным”, Южный фронт получил приоритет в снабжении, с Восточного фронта на него стали перебрасывать войска. Одновременно РВС был реорганизован: из его 11 членов выкидываются семеро и добавляются двое новых. РВС, где прежде мелькали такие имена, как Альтфатер, Антонов-Овсеенко, Аралов, Вацетис, Данишевский, Кобозев, Мехоношин,

Невский, Окулов, Подвойский, Раскольников, Розенгольц, И.Н.Смирнов, Сталин, Юренев, — был сокращен до шести человек. Сохранились незадолго до того введенные Смилга и Гусев¹. Введен новый главнокомандующий С.Каменев, а также Рыков. Фактически же политически значимых членов РВС осталось трое: Рыков выбыл уже в сентябре, Гусев — в декабре, а Каменев как полковник царской армии не допускался к политическим вопросам.

Смилга — ровесник Склянского. Он тоже не русский — эстонец. Уже его отец был революционером (не большевиком) и был расстрелян карателями в 1906; Ивару Смилге шел тогда четырнадцатый год. Помогли родственники, и Ивар не пошел по миру, закончил реальное училище и стал петербургским студентом, впрочем, вступив в РСДРП(б) гораздо раньше — в 15 лет. Однако в первую ссылку угодил не по большевистскому делу, а по общестуденческому — за демонстрацию в связи с похоронами Толстого. Вернувшись из вологодской ссылки в 1915, входит в состав петроградского комитета к Шляпникову и снова отправляется в ссылку. Избранный на апрельской конференции членом ЦК, возглавляет кронштадтский комитет большевиков, где сближается с Троцким. Один из инициаторов и вождей июльских событий. Становится председателем областного комитета русских Советов в Финляндии. Это он приводит балтийских моряков в Петроград 24 октября и по существу возглавляет главные вооруженные силы восставших, опять же под руководством Троцкого. В начале 1918 неудачно пытается поднять революцию в Финляндии, потом успешно командует армией на Восточном фронте, доходит до командующего Восточным фронтом. В бытность там Сталина и Дзержинского в январе 1919 Смилга резко ругался в адрес общей неразберихи в командовании и снабжении (нормальная при отступлении ситуация), поэтому Сталин вообразил найти в Смилге себе союзника против Троцкого. Но и тут ошибся — Смилга явился третьим звеном военного триумвирата Троцкий-Склянский-Смилга, который оставался нерушимым до их совместного политического

¹ Гусев, всегдашний ненавистник Троцкого, был еще в июне введен взамен комиссара ставки Аралова, дабы подготовить низвержение Вацетиса.

краха. Сталин же, как можно догадываться, возненавидел Смильгу еще болезненнее, нежели Троцкого.

Этот триумвират, диктатура РВС и ревкомов оказались эффективными: большевики выстояли. То, чему поначалу не верил никто, не верили сами захватившие власть экспериментаторы, — сбылось. Новая власть — удержалась, сначала месяц, потом год, потом три года. Сами большевики не очень разбирались, кто противостоял им: все, описанное в следующей главе, ими изображалось как плод заговора Антанты, которая по велению Черчилля двинула 14 государств на удушение российского пролетариата, хотя Черчилль в это время не занимал никакого поста, не произносил он приписанной ему Лениным речи, не нападали ни 14 ни даже 4 государства на Советскую Россию. Но известная Землячка писала, например, в своей автобиографии:

Летом 1918 воевала против англичан на севере, а с мая 1919 — против Деникина, Каледина, Краснова — на юге.

Ей дела нет, что Каледин мертв с января 1918, а Краснов — в отставке и бегах с декабря 1918. Она сражается “против врагов”, а чего там копать в подробностях — кто враги?! (ср. конец §1 кн.1). И вот, чем дольше выстаивали большевики против всех таких двинутых отовсюду на них полчищ калединских-черчиллей, чем больше раздвигались овеваемые красным флагом пределы, — тем более росло восхищенное изумление ими. Это восхищение создавало ореол непогрешимости вокруг Троцкого и его триумвирата.

ЛИТЕРАТУРА

Ю. Анненков. “Трагедия моей жизни”.

А.С. Демьянов. “Записки о подпольном временном правительстве” в “Архиве Русской революции”, т. VII.

Заметки в “Вопросах истории” за 1956.

Мемуары Станкевича, Керенского, Деникина, Троцкого и др.

Но главное, для понимания психики народа — Чехов, “Злоумышленник”.

Ремизов. Сочинения, т. 1-7.

“Октябрьский переворот. Факты и документы”, сост. А.Попов, Петроград, 1918.

Б.Пастернак. “Спекторский”.

Р.Ю.Плаксин. “Крах церковной контрреволюции”, М., 1968.

В.Д.Поликарпов. “Работы Крыленко по истории революции в армии”, Исторические записки, 94, 302-364.

Д.Рид. “10 дней” (из многих изданий, по-видимому, наилучшее по справочному аппарату изд. 1928 года).

И.Эренбург. “Хулио Хуренито”, “Молитва по России”.

Блок А.. “Двенадцать” и записи 1918-21 годов. Воспоминания о нем.

А.Богданов. “Красная звезда”, “Инженер Мэнни” – фантастические романы-предвидения.

В.Д.Бонч-Бруевич. “Воспоминания о Ленине”, 1917-1924, М., изд. АН СССР, 1963 (“Страшное в революции”).

“Новый Сатирикон”, 1917, №28, №40.

Первый день Учредительного Собрания. Стенографический отчет. Печатается по распоряжению председателя Учредительного Собрания, М., 1918.

Б.Соколов. “Защита Всероссийского Учредительного Собрания”, в т. XIII “Архива русской революции”.

Бунин. “Окаянные дни”, соч. т. IX. Из истории ВЧК, 1958, хотя наиболее интересна “Красная книга ВЧК”, 1921, первый ее тираж, позже изъятый и замененный иным с теми же выходными данными.

С.Кобяков. “Красный суд” в т. VII “Архива Русской Революции”.

Ленин, Троцкий “Сочинения” соответствующих лет.

А.И.Микоян (фактический автор Г.Суперфин), “Дорогой борьбы”, М., 1971; разночтения в журнальном варианте.

Савинков. “Моя борьба с большевиками”, “Конь бледный”, “Конь вороной”.

Солженицын. “Архипелаг ГУЛАГ”.

П.Г.Софинов. “Очерки истории ВЧК”, 1958.

Франс. “Восстание ангелов”.

Глава 3. Собрание России

§14. Начало гражданской войны

Гражданская война в России началась летом 1918. До этого времени в стране жили отдельные слабо связанные друг с другом области: некоторые — оккупированные Германией, как Украина, некоторые — под самостоятельным правительством, как Дон или Читинская область, некоторые — номинально признавая Совнарком, но фактически мало с ним считаясь, как Пензенская или Мурманская области, некоторые — находясь под фактической властью большевиков, как Петроград и Москва. Особенно сильно областничество было в Сибири, где насчитывалось до двух десятков враждовавших друг с другом крупных местных правительств. На защиту или восстановление центральной власти, законности, порядка (будь то дореволюционной царской или либеральной времен Керенского, или “истинно-социалистической” в духе той или иной партийной программы) никто не выступал: области хотели жить своей жизнью и устранялись от решения общероссийских проблем. Для характеристики уровня общегосударственного мышления приведу один факт. Когда правительство Керенского, свергаемое большевиками, обратилось к Юго-Восточному союзу казачьих войск за помощью, то тот выставил, в частности, непременным условием: “Оставление за казаками всей военной добычи, которая будет взята в предстоящей междуусобной войне”. Керенский, естественно, не пошел на это условие — условие ограбления донскими и кубанскими

бандитами в лампадах жителей Петрограда и Москвы — и помощь ему оказана не была, как известно. И до середины 1918 в сознании областных правительств преобладал этот стиль мышления: выступаем кому-нибудь на помощь или против кого-нибудь только в предвидении наживы.

Против большевиков не выступали никакие хоть сколько-нибудь значимые силы. Все, особенно не испытывавшие большевистского управления, были уверены, что те свалятся сами собой перед лицом природных, военных или экономических катастроф. Свою задачу даже антибольшевистские силы полагали в том, чтобы отсидеться, сохранив себя для политической деятельности после естественного крушения “анархии”.

В то же время большевики отчетливо сознавали, что они не в силах прокормить голодающее концентрированное население Петрограда и Москвы. Поэтому Ленин в июне 1918 призывал:

Нужен массовый “крестовый” поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их... Нужен массовый “крестовый” поход передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше железных отрядов сознательного и бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. ... Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистических хищников.

Попутно Ленин объясняет, что желание восстановить петерскую промышленность является в сложившихся условиях желанием вредным и реакционным; рабочих надо рассылать отрядами по стране. С этой попытки прокормить себя и свои столицы путем отнятия хлеба и сырья у крестьян “во всех концах громадной страны” начались крестьянские восстания против большевиков. С этих восстаний началась переориентация ПСР и родственных партий (ПСР(л), Союз с.-р.-максималистов, борьбисты, боротьбисты и мн.др.) на вооруженную борьбу с большевиками. Эта борьба началась с Самарского Комитета членов Учредительного Собрания и закончилась тем, что

победили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой поставили оплот; —

в советской версии событий она привязывается к имени “Колчак”, ниже я освещу ее подробнее.

Другой причиной и силой, сказавшейся на возникновении и ходе гражданской войны, было офицерство и генералитет, относившиеся отрицательно еще к Керенскому и группировавшиеся вокруг генерала Деникина; об этом я также скажу ниже подробнее. Наконец, был целый ряд местных властей, которые никогда не нападали на центральное советское правительство, а лишь более или менее продолжительное время отстаивали свою независимость (Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Фергана, Алаш-Орда, Коканд, Самарканд, Бухара).

§15. Колчак, т.е. продвижение Красной армии на восток

Комуч и Народная армия; победа Троцкого под Казанью; уфимско-омская Директория; заговор Чернова и контрзаговор Красильникова, реакция антибольшевистских сил на появление Верховного Правительства — адмирала Колчака; победы Красной армии и сопутствующая политика в репрессиях; роль Башкирской армии; эсеровские антиколчаковские партизаны; чехословаки; Иркутск; ДРВ и другие буферные государства.

Как я уже упоминал, 8 июня 1918 в Самаре около тридцати человек депутатов Учредительного Собрания, почти сплошь по партийной принадлежности с.-р., создали Комитет Учредительного Собрания (“Комуч”), который провозгласил непризнание узурпаторской московской власти, создал правительство (“временное общероссийское”), вступил в дипломатические отношения со всем миром (т.е., фактически, с Англией-Францией, ибо, конечно, Германия его не признала). Эта акция была поддержана восстанием практически на всем Урале и северном Поволжье. Комуч вызвал к жизни обширные контингенты “народной армии” и был признан на всем пространстве западнее Уральского хребта, восточнее Казани и севернее Камышина. Через несколько дней по ту сторону

Урала, в Новониколаевске был создан Западно-Сибирский комиссариат, который по своей партийной принадлежности приближался к к.-д., хотя не исключал с.-р.; знамена там были бело-зеленые, т.е. кадетские. На первых порах Западно-Сибирский комиссариат, как и Екатеринбургское правительство, признавал Комуч в качестве общероссийского органа, сохраняя за собой лишь функции местной власти. Впрочем, 30 июня было создано Сибирское областное правительство. Политическая платформа сибиряков неплохо иллюстрируется одной их телеграммой в Совнарком:

Москва, Совету Народных Комиссаров. Из Омска. 10 июня. Власть большевиков в Сибири уничтожена и временное Сибирское правительство, избранное Сибирской областной думой, состоящей из представителей земских, городских самоуправлений, кооперативов, национальных казацких Советов, вступило в управление Сибирью. Ближайшей своей задачей Сибирское правительство ставит восстановление органов самоуправления, избранных на основе всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права, а также скорейший созыв Учредительного Собрания, которое окончательно установит политический строй Сибири и отношение ее к Европейской России. Временное Сибирское правительство не стремится к отделению Сибири от России, оно думает и печалится о тяжелом положении общей родины России. Выполняя поручение временного Сибирского правительства и приняв всю полноту власти в пределах Западной Сибири, уведомляю, что мы, уполномоченные временного правительства, готовы обеспечить скорейшую и непрерывную отправку продовольствия в голодающие губернии России и вступить в переговоры относительно условий снабжения Великороссии, которую временное Сибирское правительство считает неразрывно и кровно связанной с Сибирью. Но снабжение голодной России будет невозможно в случае попыток со стороны Совета Народных Комиссаров вторгнуться в пределы Зауралья с целью восстановления низвергнутых Совдепов. Эти попытки мы встретим вооруженной силой и тогда движение продовольственных грузов в Россию должно быть приостановлено.

Извещаем вас об этом и ставим в известность население, дабы ведомо было, что вся тяжесть ответственности перед умирающими с голода людьми будет лежать на Советской власти.

Командир Степного корпуса полковник Иванов, уполномоченный временного Сибирского правительства Ляхович.

Здесь отчетливо видно, что Омский регион не приемлет Совнаркома, произвольных лишений целых групп населения избирательных и других прав; но настаивает лишь на своей автономии, соглашаясь даже откупиться хлебом от СНК. И уж во всяком случае, не расположен воевать за то, чтобы как-то изменить порядки в Европейской России. Это — характернейшая позиция, как и то, что названное правительство, просуществовав несколько дней (недель), было сменено другим, третьим... Расположенные восточнее и южнее правительства генерала Хорвата, генерала Семенова, атамана Анненкова (внука декабриста), многочисленные среднеазиатские правительства — все игнорировали Комуч в качестве центральной власти. Задержимся на минутку изображением творившегося на Дальнем Востоке. Предоставим слово генералу Степанову — тайному агенту Деникина-Алексеева на Дальнем Востоке. Вот его рапорт генералу Алексееву от 17 сентября 1918:

В середине мая положение было таково: В Иркутске и Забайкалье господствовали большевики, захватившие Благовещенск, Хабаровск и затем Владивосток. Часть чехословацких эшелонов (что-то около 16 тысяч) в это время успела добраться до Владивостока с ген. Дитерихсом и французским полковником Пармсом. В Маньчжурии, вернее т.н. полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, я застал полный хаос.

Бунтовавшие запасные батальоны “товарищей” были разогнаны и сменены китайскими войсками (в декабре). Русская милиция заменена также китайской. Администрация жел.дор. сохранилась русской во главе с управляющим дорогой ген. Хорватом.

Затем, пользуясь свободой от большевизма, в Харбине и на более крупных ж.д. станциях собралось несколько тысяч русских офицеров (большей частью из войск быв. Заамурского округа пограничной стражи, а также из войск, ранее квартировавших в Приамурском округе).

Масса эта оказалась по достоинствам своим не очень высокой и мало способной организовать в регулярные прочные единицы. Это — с одной стороны, а с другой, у высших чинов отсутствовала необходимая воля и организаторские дарования, при наличии мелкой зависти и готовности к интригам...

А так как ген. Хорват всю службу провел вне строя и по медлительному, нерешительно-эластичному характеру своему и недоверчивости к сотрудникам мало гарантировал возможность опреде-

ленной организации воинских частей, то для этой цели и был вызван Путиловым и кн. Кудашевым А.В. Колчак и, так сказать, навязан ими, чего, однако, тогда же никто А.В. Колчаку не высказал. Решено было, что ген. Хорват озаботится подбором хороших политических деятелей, а адмирал Колчак сформирует для него войска на основах дисциплины и строгой иерархии, в чем была обещана союзникам широкая помощь деньгами и оружием. Когда же то и другое будет готово, то только тогда ген. Хорват выступит.

Честный, открытый, с сильной волей, глубоко и искренне любящий родину, А.В. Колчак принял это предложение и в конце апреля приехал в Харбин¹. Но здесь его сразу же враждебно встретили и японцы, определившие в нем крупного, стойкого чисто русского деятеля, и старшие чины наши, и господа самозванные атаманы. В течение мая и июня разыгралась грустная и гнусная с точки зрения русских интересов драма, авторами которой были, конечно, японцы, режиссировали же свон. А.В. травил в Харбине все, а атаман Семенов отказался даже его принять, когда адмирал сам к нему приехал на ст. Маньчжурия. О каком-либо воинском единовластии никто и слышать не хотел: оно казалось опасным японцам, подозрительным для высших властей, стеснительным для младших чинов и контрреволюционным для масс.

В результате так никаких войск и не сформировали. Культивировались, как бы наперекор основной идее, лишь различные небольшие отдельные отряды, никого выше себя не признающие и составленные главным образом из китайцев, монгол и бурят. Затем возникло несколько высоких штабов и много генеральских должностей до главнокомандующего фронтом включительно. Завелась переписка, канцелярия, делопроизводство, а воителей состояло к 1 июля и то “по спискам”, в отрядах, признающих адмирала, всего 740 человек, у атамана Семенова, грубо неподчиняющегося ни адмиралу, ни ген. Хорвату — что-то около 1800 человек, у атамана Калмыкова — 70 человек. Вот и весь боевой состав, друг друга не признающий и даже угрожающий один другому.

Вследствие всего этого 30 июня нов. ст. адмирал Колчак выехал в Токио, чтобы лично выяснить там, являются ли поступки ген. Накаси́ма и некоторых офицеров японского генштаба, заключающиеся в подговаривании начальников русских отрядов не признавать адмирала и не исполнять его приказаний, их личными выступлениями против него или это делалось с ведома и одобрения начальника японского генштаба.

¹ Приехал из США, куда был командирован правительством в июне 1917 по вопросам военного снабжения.

В Токио, в присутствии нашего посланника В.Н.Крупенского и моем адмирал имел по этому поводу беседу с ген. Танака — помощником нач. генштаба, фактически — его главой. Ген. Танака против обвинений, высказанных адмиралом, не протестовал, но просил его “временно” оставаться в Японии, обещая призвать к высокой военной деятельности впоследствии, по выяснении условий интервенции союзников. Так А.В. и остался в Японии¹. Вскоре (9 июля) после отъезда адмирала из Харбина, ген. Хорват объявил себя Всероссийским правителем, принявшим на себя и “ всю полноту государственной власти”, для чего выехал на ст. Гродеково, находящуюся на русской территории в Уссурийском крае.

Хорват организовал т.н. “Деловой Кабинет”, в состав которого вошла часть членов Дальневосточного комитета, председателем его был избран Востротин. Пост военного министра принял недавно перед этим прибывший от Вашего имени ген. Флуг.

Адмирал Колчак в состав кабинета приглашен не был, ввиду того, что в бытность свою в Харбине он всех восстановил против себя.

По-видимому, и это выступление было произведено не без настояний японцев, гарантировавших свою всеильную поддержку. Хотя незадолго до этого из японских субсидий было выдано некоему Краковецкому — военному министру еврейско-сибирского Дерберовского правительства — 50 тыс.рублей, и само правительство предупредительно перевезено во Владивосток, где оно и объявило себя истинным правительством Сибири. Таким образом, в Уссурийском крае сразу же появились два правительства: во Владивостоке, находившемся во власти большевиков — якобы выбранное населением Западной Сибири, во главе с Дербером, и на пограничной с Маньчжурией ст. Гродеково — всероссийское ген. Хорвата. Кроме того, особую, чисто большевистскую, позицию заняли земства Приморской области и Владивостокское городское самоуправление во главе тоже с евреем Медведевым. В Хабаровске властвовал большевик еврей Краснощеков. Но в конце концов эти господа сговорились с Дербером.

Чехословаки, находившиеся во Владивостоке, сперва хранили нейтралитет, но затем под угрозой выступления против них германо-австрийских пленных, обезоружили во Владивостоке и Никольске-Уссурийском большевиков. Роль при этом М.К.Дитерихса до сих пор для меня не ясна. Официально он заявил, как офицеру, командированному к нему Колчаком, так и представителям Хорвата, что он теперь не является русским, а только чехословаком, что считает Россию совершенно развалив-

¹ Т.е. фактически взят под арест, хотя и почетный.

шейся, что никакого русского правительства ранее, чем через два года, создать нельзя, и что все русские военные организации подлежат немедленному роспуску. Ввиду этих суждений он категорически отказал в разрешении ген. Хорвату переехать во Владивосток. В подобных переворотах прошел июль.

2 августа ген. Хорват, опять-таки по-видимому не без совета японцев, воспользовавшись отсутствием ген. Дитерихса, переехал во Владивосток. Поезд его пропустили, но следовавшие сзади эшелоны с офицерскими ротами и чехами не были пропущены. Вследствие этого 5 августа произошла стычка на ст. Голенки. Чехи взорвали путь перед русским бронированным поездом, выстрелами из которого затем убиты два чеха.

В августе начали прибывать из Владивостока в Харбин и на ст. Манчжурия войска, присланные союзниками согласно условий интервенции... Русские отряды союзниками совершенно игнорируются, даже в их штабы не приглашены русские офицеры, хотя бы для облегчения сношений с местным населением. ...

Весь август правительства ген. Хорвата и Дербера провели во Владивостоке, высиживая друг друга на измор, при более чем недвусмысленном отношении дипломатических и военных представителей союзников... Находящиеся во Владивостоке русские офицеры, сперва организованные (т.е. попросту нанявшиеся) революционно-большевистским земством, пытались было признать ген. Хорвата, но за это, вследствие навета Дербера, были публично разоружены по постановлению Совета союзных консулов, приведенного в исполнение приказом ген. Накаси. Этот акт был настолько позорно обставлен, что присутствовавший русский артиллерийский чиновник застрелился.

Событие это вызвало много сочувственных и даже патриотических разговоров. Союзники удивлялись: они никак не могли представить себе, чтобы у русских сохранилось еще столь сильно выраженное чувство национальной чести... Но однако все это не мешало в день похорон многим русским дамам и господам принять приглашение и веселиться на благотворительном чае, устроенном как бы нарочно англичанами на палубе крейсера "Суффолк".

В первых числах сентября происходит новое важное событие. Чехословаки, задержанные в дороге большевиками в Западной Сибири, прорвались под начальством чеха Гайды в Забайкалье, взяли Читу и вошли в соприкосновение с только что начавшим наступление Забайкальским отрядом, состоящим из японцев, чехов и войск Семенова.

Гайда заявил себя во время борьбы с германо-большевиками в Сибири человеком решительным, расстрелявшим массы и перепоровшим еще большее число лиц.

Гайда объявил себя главнокомандующим всеми русскими и чехословацкими войсками и как только добрался до ст. Оловянная, вызвал к себе ген. Хорвата и Дитерихса.

С прибытием Гайды открылся жел.-дор. проезд в Иркутск и далее, чуть ли не до Самары, явилась, наконец, давножданная возможность войти в сношения с Западной Сибирью и ее правительством.

20 сентября во Владивостоке собрались играющие доминирующую роль старшие представители союзников, правительства Хорвата и Дербера, Вологодский и “диктатор” Гайда, третирующий пока всех и каждого.

В общем, все более и более выясняется, что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а вернее ради своих собственных выгод. России никому не нужно. Установление у нас определенной твердой правительственной власти вредно для интересов господ союзников, желающих хозяйничать самостоятельно. Но особенно для них нетерпима организация русской военной силы.

Наглее всех это высказывают японцы, вносящие всюду интриги, через своих агентов и закупленных ими русских пособников. Вступление японцев равносильно военной оккупации занятой ими территории. Например, в Хабаровске они присвоили себе амурские канонерки и их дорогостоящую базу под предлогом военной добычи, отнятой у большевиков. ...

Тот же ген. Накаима и другие японские офицеры не стесняются публично бранить американцев, по-азиатски стараются натравить на американцев других союзников и особенно нас, русских, всюду и везде подчеркивая, что американцы — явные сторонники большевиков.

Что касается американцев, то эти господа в политическом отношении скорее наивны и до сих пор продолжают смотреть на Россию и на наш большевизм по внушениям своей еврейской клики, которая являлась в С. Штатах до последнего времени единственным источником познания России. ...

Англичане, как всегда, третируют нас свысока, а французы почему-то пока находятся под видимым влиянием Японии.

О китайцах я и не говорю. Китай сам все еще переживает революцию, при дружелюбном содействии японцев, ссужающих деньги и

оружие одновременно и северянам и южанам, как это делали они и у нас, субсидируя также одновременно и Семенова (не признающего ген. Хорвата) и самого Хорвата, и Дербера, а весной даже хабаровских большевиков.

... Япония, обездоленная железом, возьмет себе: 1) наши побережные районы, богатые железной рудой... Американцы часто говорят о необходимости обеспечить за собой право на постройку жел. дороги через Камчатку на Иркутск...

Такая вот неразбериха царила на Дальнем Востоке, и смешно говорить о “власти” Комитета членов Учредительного Собрания тут.

Дон и Кубань также не изъявили готовности признавать его. Чайковский в Архангельске платонически признал Комуч. Всюду на подчиненной Совнаркому территории с.-р. поднимали восстания именем Комуча (Тамбовская губерния, Новгород, Ярославль, Кострома и др.).

Первоначально Народная армия продвигалась триумфально, ибо она шла по территориям, где уже поработали продотряды, ревтрибуналы, где и рабочие сумели убедиться, что московская власть отнюдь не защищает их интересов. Однако первые военные успехи сменились в конце августа поражением, и 7 сентября Красная армия разбила Народную армию и отобрала Казань. Именно с этих побед начинает всходить полководческая звезда Троцкого. До этой поры он сам не подозревал, что в нем живет великий стратег, военачальник, которому суждено побить не только добровольческую рабоче-крестьянскую, почти без профессиональных офицеров, Народную армию, но и профессионалов генералов, цвет царского генералитета. Троцкий окружил себя военспецами — профессиональными полковниками и генералами генерального штаба — к которым он очень внимательно прислушивался, опыт которых он умел перенять, которых он умел защищать от партийно-классовой ненависти и от чекистских расстрелов. Но этого мало. Обладая смелостью и решимостью порой фантастической, Троцкий заставлял генералов исполнять задачи, поставить которые те сами по себе никогда бы не осмелились. Поэтому генералы под его командованием казались одареннее, чем их сослуживцы под командованием Деникина и других. Но все это проявилось особенно ярко

позже. Сейчас же он нанес первое поражение с.-р. войскам под Казанью.

Поэтому открывшееся 8 сентября в Уфе Государственное совещание всех партий и общественных сил, представителей промышленности и торговли, крестьян и городского самоуправления, проходило под знаком поражения с.-р. По замыслу предполагалось, что Государственное уфимское совещание подтвердит полномочия созданного Комучем правительства, предоставит ему кредиты, позволит провести мобилизацию, объединит различные областнические правительства с целью усиления фронта и освобождения европейской России. Совещание длилось полмесяца, а Красная армия все продвигалась и продвигалась. Естественно, что к.-д. обвиняли с.-р. в том, что те из партийных предрассудков отстраняют профессиональных генералов и потому терпят поражения. Совещание закончилось созданием Директории из пяти человек: правых с.-р. Авксентьева и Зензинова, левых к.-д. Виноградова и Вологодского (до того премьер Сибирского областного правительства) и беспартийного генерала Болдырева. Директория облакалась всей полнотой власти, должна была отчитаться перед Учредительным Собранием, сейчас же получала полномочия законодательной власти и право назначения исполнительной власти — министров, ответственных перед Директорией. В отличие от большевистской власти, судебная власть, как и власть экономическая, были отделены от исполнительно-законодательной властей. Информационная власть была посвободнее, нежели в Москве, но, конечно, большевистские издания запрещались.

А Красная армия все наступала и наступала. Когда вернулся Колчак, Директория назначила его военным министром, имея в виду широкую популярность Колчака и его определенно антимонархические убеждения. Правда, Колчак в силу некоторой истеричности своей натуры умудрился переругаться во всеми правителями тех областей, через которые он проезжал, от Владивостока до Иркутска (этот город уже признавал власть Директории). (С другой стороны, сами эти правители были людьми настолько шкурными, узколобыми и лишенными всякого чувства ответственности за Россию, что любой интеллигентный человек, наверное, переругался бы с ними; а Колчак был очень интеллигентным человеком.) Сто-

лица созданного Директорией общероссийского правительства была перенесена в Омск. Колчак, естественно, будучи адмиралом, не умел водить сухопутных войск, поэтому положение на фронте мало изменилось с его назначением.

Первым, кто выразил недовольство коалицией в Директории, был Чернов. Он отсутствовал в момент Государственного совещания, ибо нелегально разъезжал по занятым большевиками областям, ведя переговоры с легальными и нелегальными с.-р. Он мыслил в терминах “объединения партии” и “спасения социализма”. Для объединения партии с.-р. надо было воссоединиться с левыми с.-р., которые сами в тот период были расколоты на две партии: левые эсеры вроде Спиридоновой, Камкова, Штейнберга, Беклемишева, которые возмущались большевиками и были изгнаны из ВЦИКа за вооруженное выступление 6 июля; и “революционные коммунисты-народники”, которые после 6 июля вышли из партии левых эсеров, осудив мятеж и призвав к сотрудничеству с большевиками; среди них были кроме сравнительно недавних политических деятелей типа Колегаева и Устинова и такие, как Марк Натансон, один из основателей народнического движения 70-х годов, основатель “Партии народного права”, бессменный член ЦК ПСР. Чтобы с ними объединиться, Чернов должен был дать гарантии, что деятельность объединенной ПСР ни в коем случае не будет способствовать восстановлению власти буржуазии, помещиков, генералов, казаков, монархистов. Чернов, как и Спиридонова, как и Натансон, как и Авксентьев, выступал против большевиков только постольку, поскольку те — по его разумению — губили социализм. Социализм — это светлое будущее. Вся деятельность ПСР должна быть подчинена построению этого будущего. Если большевики компрометируют социализм, то надо бороться против них (или образумливать). Но главная опасность — справа, от Корнилова, от кадетов, от буржуазии и, страшнее всего, — от помещиков. Усиление позиций к.-д. в Директории Черновым было воспринято как успех контрреволюции, как крах надежд на объединение партии. В начале октября он созывает партийный V съезд, вынесший решение:

Члены партии социалистов-революционеров, участвующие во временном общероссийском правительстве, должны нести ответственность за свою политику перед ЦК ПСР.

Тот самый принцип партийности против принципов общегосударственности, из-за которого год назад ушел в отставку Савинков, снова победил. И, узнав про это решение, к.-д. переполошились. Военные, и без того не излишне доверявшие министрам-социалистам, начали роптать вслух. Поражение на фронте усугубилось взаимным недоверием военной и правительственных властей. Неизвестно, готовились ли с.-р. в самом деле к вооруженному свержению Директории и аресту буржуазных (“цензовых”) членов правительства; их в этом позже обвиняли, и на суде зачитывалось письмо Зензинова Чернову с объяснениями, почему Директория не может сразу свергнуть сибирское правительство. Разумеется, ПСР не могла не готовиться, и вопрос может стоять лишь о степени и формах такой подготовки. Более достоверно известно, что с.-р. хапнули многие миллионы рублей из сибирского казначейства, к которому они получили доступ после создания Директории. Эти деньги, разумеется, брались и впрок (как Ленин в первые послеоктябрьские дни; см. §9), и на ведение подпольной работы на территории советской России, и на подготовку восстания против буржуазии в Сибири, и, не без того, на широкую личную жизнь тех или иных деятелей. Например:

Необходимо отметить также получение председателем Съезда членов Учредительного Собрания г. Вольским 20 октября четырехсот тысяч рублей и 23 октября — сорока тысяч рублей, опять на неизвестные цели. При этом, по заявлению губернского казначейства, г. Вольским было представлено при получении последней суммы постановление Совета управляющих ведомствами, что выдача должна последовать кредитными билетами старого всероссийского образца. Казначейством это было выполнено.

Через два месяца В.К.Вольский, совместно с Ракитниковым и немногими другими перебежал в советскую Россию (вот для чего были нужны деньги дореволюционного образца!), где оплевал Комуч и жил припеваючи до 1936.¹ Но и

¹ ¹ Тема для диссертации: повлияла ли на поведение Вольского в декабре 1918 — январе 1919 прежняя дружба его с Дмитрием Ульяновым (они начинали в одном революционном кружке)? Или общие знакомые? Непосредственно Д.Ульянов повлиять в тот момент не мог: он был назначен главой первого большевистского правительства Крыма и в названные месяцы укрывался в подполье в Крыму же.

отвлекаясь от грязи, привносимой несовершенством человеческой натуры, послушаем финансиста:

...в дальнейшем как открытие кредитов, так и расходование отпускаемых средств происходили совершенно тем же порядком, который существовал и при большевистских Советах.

Самое крупное ассигнование приходится на долю агитационного культурно-просветительного отдела Совета управляющих ведомствами, именно 4600000 рублей. Эти кредиты отличались исключительными свойствами: 1) кредиты отпускались без указания предмета расхода; 2) проводились в спешном порядке; 3) ассигнованные суммы немедленно по получении их по ордеру казначейства из банка бесследно исчезали, ибо в государственном банке текущего счета агитационнокультурного отдела совершенно не имелось.

Ясно, что даже если бы эти деньги (а кроме названные четырех с половиной миллионов было еще много миллионов) не прилипали к рукам, не шли на цели, про какие вслух не скажешь, а просто по финансовой неграмотности с.-р. неумело расходовались без бухгалтерского оформления, то и у привыкших считать деньги государственных служащих, и у промышленников описанные нравы должны были вызывать ужас. Недовольство росло и росло, и в ночь с 17 на 18 ноября казачий войсковой старшина Красильников арестовал Авксентьева, Зензинова и их заместителей Аргунова и Роговского — всех наличных в Омске крупных с.-р.

Переворот был весьма своеобразным. Арестовав виновных, по их мнению, членов правительства, офицер Красильников, полковник Рогов и войсковой старшина Катанаев не стали захватывать власть. Они явились к оставшимся членам правительства, доложили им о совершенном перевороте, предложили формировать власть по усмотрению неарестованных министров, а себя попросили арестовать. Ведь они совершили незаконное деяние: без санкции правительства арестовали его часть. С другой стороны, они были убеждены, что совершили святое дело и что суд их оправдает, как только они представят перехваченную переписку с.-р. с Черновым (и, действительно, суд их оправдал). С третьей стороны, они недвусмысленно дали понять министрам, что согласны на любое правительство, но с.-р. в правительстве не потерпят. У меня есть гипотеза, что казаки хотели провозгласить диктатором

генерала Хорвата, но из-за того, что он не прибыл в Омск своевременно, они устранились от формирования власти. Министры растерялись. Так как единственным военным среди них был недавно вернувшийся с фронта адмирал Колчак, то после некоторых колебаний министры предложили ему диктатуру. Колчак стоял совершенно в стороне от заговора, казаки тоже не предполагали видеть его во главе Сибири, но за неимением другой кандидатуры в диктаторы Совет министров, жаждавший в этой острой ситуации сложить с себя ответственность за принятие политического решения, передал верховную власть Колчаку — взамен Директории. Колчак потребовал соединения в его лице властей законодательной, исполнительной и военной. Его долго уговаривали не становиться верховным главнокомандующим, дабы не компрометировать верховную власть возможными поражениями, но он рвался покомандовать полками и был в этом пункте неуступчив, как и Николай II. Стал. Последовали извещения:

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет министров с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства постановил принять на себя полноту верховной государственной власти.

В виду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту власти верховной в одних руках, Совет министров постановил передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя.

Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности.

Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам. Верховный правитель, адмирал Колчак. 18 ноября 1918. Город Омск.

Отмечу, что из политической осторожности титул звучит “Верховный правитель”, а не “Верховный правитель России”. И напомним, что всего десять дней прошло с момента революции в Германии, которая в глазах многих социалистов означала подтверждение правильности большевистского курса на мировую революцию. И первыми на переворот реагировали с.-р.

Члену директории Вологодскому. Узнав о государственном перевороте в Омске, Совет управляющих ведомствами заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное Собрание, никогда им не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев и анненковцев Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междоусобной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Всероссийского временного правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит вас врагом народа, доведет об этом до сведения союзных правительств и предложит всем областным правительствам активно выступать против реакционной диктатуры в защиту Учредительного Собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа.

Председатель Совета В. Филипповский, члены: П. Климускин, Нестеров, Веденяпин.

Только общей неряшливостью политического мышления можно объяснить тот факт, что в этой телеграмме Филипповский рвется воевать против Анненкова, который как раз тогда заявил, что не признает власти Колчака, и который никак не поддерживал Омское правительство. Телеграмма была в копиях разослана: Съезду Всеучредительного собрания (Екатеринбург), Чехосовету (Екатеринбург), Войсковому округу (Оренбург), Войсковому округу (Уральск), правительству Башкирии, правительству Алаш-Орды (Семипалатинск). Чехословаки отозвались:

Так продолжаться дальше не может. Чехословацкий национальный Совет (отделение в России) надеется, что кризис власти, созданный арестом членов Всероссийского временного правитель-

ства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконным.

Чернов призвал всех с.-р. прекратить вооруженную борьбу против большевиков, сплотиться для отпора реакции.

А как реагировала “реакция”? Семенов с Дальнего Востока отказался признать власть адмирала. В своей телеграмме он потребовал освобождения преданных суду виновников переворота Волкова, Красильникова и Катанаева, заявил, что не признает адмирала Колчака Верховным правителем, но согласится признать таковым Деникина, Дутова или Хорвата.

Деникин отмалчивался несколько месяцев, почти полгода. Дутов сразу признал власть адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского округов сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному Собранию, так как войска якобы волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным Собранием. Хорват не выступал с заявлениями, а позже был выслан, и дальнейшая его деятельность относится уже к истории китайской гражданской войны.

Не правда ли, все изложенное очень походит на рассказы ЧК относительно “единого штаба всех контрреволюционных сил”? Единство прямо-таки разительное!

Большевики, конечно, воспользовались возникшим на фронте замешательством. Кстати, Красная армия продвигалась в эти дни не только к Уралу. Она стремительно двигалась и на запад: в Литве, Эстонии, Латвии, Украине, Польше — всюду, откуда уходили немецкие оккупанты. Ведь Германия и Австрия капитулировали перед Антантой, немцы бежали домой. Всех ждал мир, и только России предстояло еще два года кровопролитнейшей гражданской войны. Так подводился итог “великого эксперимента с миром без аннексий и контрибуций”. После короткого отступления 24 декабря войска Колчака (которые уже набирались не по принципу добровольности, а мобилизациями, хотя еще умеренными) взяли Пермь — Красная армия (которая также переставала рекрутироваться исключительно из рабочих, а начала пополняться мобилизованными крестьянами и офицерами) перешла в наступление: 31 декабря взята Уфа (собственно, ее сдали Вольский и компания), 22 января взят Оренбург, 24 января — Уральск. В момент сознания военной опасности большевики пошли на уступки оппозиционным партиям: выпустили из тюрьмы левых

с.-р., отменили декрет об исключении из ВЦИКа меньшевиков и эсеров, вступили в переговоры с Комучем и переманили его на советскую территорию. Когда им показалось, что победа уже у них в кармане, они снова (февраль 1919) арестовали левых с.-р. и т.д. Впрочем, они не успели расстрелять Спиридонову и Блока, Колчак перешел в общее наступление и в короткий срок вновь взял Уфу (13 марта), Воткинский Завод (4 апреля), Бугульму, Сарапул и Орск (11 апреля). На наступление Колчака жители советской России отозвались восстаниями в Орле, Брянске, Самаре, Симбирске, забастовками в Петрограде. Опять же большевики пошли на уступки: предоставили крестьянам льготы по чрезвычайному налогу, освободили из заключения

рабочих и крестьян, примкнувших вследствие малой сознательности к выступлениям против Советской власти.

По этой графе прошли и Блок со Штейнбергом. (Спиридонова бежала из тюрьмы.)

Один из важнейших участков фронта в составе армий Колчака занимала Башкирская армия. В Башкирии уже побывали комиссары-большевики, сталинскую национальную политику башкиры немного почувствовали, поэтому они одни из первых выступили против советской власти и вошли в состав войск сначала Комуча, а затем Колчака. С Комучем башкирские националисты (вождем их и главой правительства был Валиди, иногда его называют Валидов) довольно легко находили общий язык: социалисты не возражали против национальной автономии Башкирии. Колчак же был проникнут, как и большинство российских офицеров, идеей величия неделимой России, а как интеллигентный офицер он соглашался на то, что Учредительное Собрание решит все такие вопросы, а он — неправомошен их решать. Но — “неправомошен”, а однако, сейчас, “временно”, требовал от башкир безусловного подчинения их его воле, их функционирования в нерасторжимом теле российского государства. И, во всяком случае, он не давал башкирам никаких обещаний на будущее.

А вот Сталин дал им все желаемые ими обещания. Он 23 марта подписал (как наркомнац) с Валиди (как премьер-министром) договор, предварительно (в феврале) уже заключенный Фрунзе с Валиди. Договором “гарантировалось”, что если

Башкирская армия откроет фронт, то Башкирии будет предоставлена полная государственная автономия, у нее сохранится самостоятельная армия (хоть к Турции присоединяйся!), а уж во всяком случае в ее внутреннее устройство Совнарком вникать не станет. И башкирские дивизии ударили в тыл Колчаку. Профессор Валиди учил латинский язык и знал, что “*pacta sunt servanda*” — “договоры следует исполнять”.

Уже через два дня ЧК разоружила башкирские войска, выслала башкирское правительство в Саранск — нынешнюю столицу политлагерей. Вдоволь побегав по снегу от ЧК, через пару лет Валиди бежал в Турцию, где и умер после второй мировой войны. А в Башкирии были расстреляны не только сторонники независимости, но и те большевики, которые расстреливали этих сторонников независимости (Султан Галиев).

Вот как описывал ситуацию в Башкирии В.В.Куйбышев:

... Комиссар Первой армии отстранил Валидова от командования, ... начдив с ведома и соглашения комиссаров продолжал утверждать, что ... Россия должна быть едина без всяких автономий.

... солдаты башкирского корпуса коварным образом разоружались и подвергались побоям ... раздевались догола. При этом представителями нашего командования делались наглые заявления, что то, что терпят башкиры, — это только начало того, что они должны будут вынести... За оскорблениями и издевательствами следовали массовые расстрелы солдат-башкир и их вождей, сторонников Советской власти.

Отношение к мирному башкирскому населению полно ужаса. Грабежи, аресты, расстрелы, изнасилования женщин нашли себе широкое применение. Едва ли не каждая деревня облагалась контрибуцией... За невнесение денег расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты, художники. У башкирского населения ... отбирался последний хлеб... Одна из виднейших женщин Башкирии ... была изнасилована в один день двадцать одним красноармейцем... Насаждались “чисто русские” ревкомы из представителей кулацких ... элементов, ранее эксплуатировавших башкир... В передовых статьях официальных органов говорилось даже о необходимости ареста Башревкома... Распоряжение об отпуске 50000 пудов муки голодающему населению Башкирии не было исполнено.

Приказываю ... ничем не оправдываемых зверств по отношению к мирному башкирскому населению, грабежей, самочинных контрибуций, насилий ни в коем случае не допускать.

Этот циркуляр был спущен Реввоенсоветом фронта 3 июня 1919, когда из-за описанных в нем событий башкиры вновь перешли на сторону Колчака, и тот стремительно продвинулся по Башкирии.

Как бы там ни было, от майского поражения Колчак уже не оправился, хотя на какие-то дни его армия еще останавливала красное наступление то в той же Башкирии, то на Тоболе, то на Иртыше. Ведь помимо регулярных красных войск Колчака бил тыл. ПСР всюду от Омска до Иркутска организовывала партизанские отряды, создавала целые партизанские районы со своей революционной властью, устраивала восстания в городах. Кроме того, чехословаки, стремясь как можно скорее выехать из России, забили своими эшелонами все пути (дорога-то одноколейная!), безжалостно и нерасчетливо не пропуская никаких поездов — с боеприпасами, ранеными, командующими, жителями, подкреплениями, сырьем — ничего, кроме чехословаков. Кончилось тем, что сам Колчак целый месяц не мог добраться из Новониколаевска в Иркутск, и так и был в поезде арестован чехословаками и выдан Политическому Центру, захватившему власть в Иркутске. Это было уже в январе 1920. О борьбе против Колчака почти не сохранилось мемуаров, ибо основную тяжесть этой борьбы несли на себе с.-р., позже не допускавшиеся к гослитпубликациям, если даже оставались на свободе¹.

Все очевидцы тех дней отмечают крайнюю жестокость войны. Вот как расценивал нравственный аспект войны главноуправляющий делами Совета министров при Колчаке:

Почему крестьяне относились враждебно к казакам? Прежде всего потому, что последние предпочитали брать все, что им нужно было, не платя. Но этого было мало. Если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощанье ломает скамью или швырнет в колодезь

¹ Восторженно и влюбленно описал В.Максимов в романе "Капитан" личность А.В.Колчака устами его возлюбленной. Но даже из этой характеристики следует, что Колчак был на посту Верховного Правителя России не на месте.

ведро. Какое-то непонятное озорство, неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки.

Многие офицеры не отставали от солдат. Они, правда, не ломали вещей, но зато очень редко расплачивались. Должен повторить — я уже это указывал и раньше, — что правительство не умело обеспечить офицерство, и это было одной из главных причин описываемых явлений.

Адмирал Колчак издал приказ, предписывающий ничего не брать у населения без платы. Когда в одном селе, где стоял отряд, староста расклеил этот приказ и, между прочим, может быть из иронии, на стене избы, где квартировал начальник отряда, последний рассвирепел, велел сорвать его, а старосту выпороть за “неуважение” к власти. Адмирал приказал проверить этот случай и строго наказать виновного.

В другом месте, где офицеру указали на то, что приказом адмирала порка и мордобитие запрещены, офицер дал классический ответ: “Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой...”

Когда я принимал должность главноуправляющего, я не представлял себе, что моральная атмосфера до такой степени безнадежно мрачна. Почему ничего не предпринималось раньше для того, чтобы расчистить ее? Я не могу понять. Теперь я стал осознать ту “военщину”, которую считали причиной крушения фронта.

Забывая, что война ведется на русской земле и с русскими людьми, военачальники, пользуясь своими исключительными правами, подвергали население непосильным тяготам. Я ездил на Урал, проезжал плодородные и богатые районы Шадринского и Камышловского уездов. Местное начальство уверяло меня, что население живет спокойно, ни в чем не нуждается, довольно властью и порядком. Но вот отступавшие войска докатились до этих районов. Что случилось с населением? Почему стало оно большевистски настроенным? Почему не защищалось всеми силами против нашествия красных?

Вспомним приказы главнокомандующего о поголовной мобилизации всех мужчин, представим себе картину отступления, когда в одном Шадринском уезде было отобрано у крестьян 5000 лошадей и повозок — и мы поймем, что никто не “обольшевичился”, но все крестьяне проклинали власть, которая причинила им столько бедствий. “Пусть лучше будут большевики”.

Я сам видел в Акмолинской области домовитых, зажиточных крестьян, будущих фермеров свободной частновладельческой Рос-

сии; я ни одной минуты не допускаю мысли, что они стали большевиками. Между ними и коммунизмом ничего общего быть не может. Но они не могли не поддаться настроению “большевизма” как революционной психологии, когда через их деревни прошли казаки.

Да, конечно, грядущей в 1929 коллективизации крестьяне еще не пережили. Не знали они и о своем будущем участии в строительстве Беломорканала. Зато они хорошо видели и ощущали зверства колчаковской армии на фронте. Да еще с.-р. ведут пропаганду. И чуть только в сторону от железной дороги — крестьяне создают свою, антиколчаковскую власть, чаще всего под руководством ПСР. В отместку в городах офицеры именем Колчака арестовывают и расстреливают с.-р., что еще больше раскачивает маховик недовольства. (Сам-то Колчак избегал репрессий, он дал убежать арестованным при перевороте 18 ноября с.-р. и другим.) Карательные экспедиции против повстанцев проваливаются. И нравы...

Дутов рассказывает нам, между прочим, о своих расправах с железнодорожниками, более или менее сочувствующими большевикам. Он не колебался в таких случаях. Когда саботажник-кочегар заморозил паровоз, то он приказал привязать кочегара к паровозу и тот замерз тут же. За подобный же проступок машинист был повешен на трубе паровоза.

А вот из книги, изданной в Харькове в 1933 и прославляющей революцию:

Кто как мог работал на революцию. Васька Чукин, заядлый партизан, в топку паровоза бросал тех, на кого патронов жалко. Больше всего не любил Васька офицеров. И к нему в руки попадаться боялись.

И подумать только, что в этих условиях французское правительство ставит перед Колчаком одним из неперемненных условий, на которых оно согласно признать Колчака, — введение избирательного права для женщин! Дадим еще слово французскому представителю:

Красильников, неоспоримо, имеет великолепную голову солдата. Его стадо грабит сильнее, чем повстанцы, которых называют большевиками, и крестьяне считают, что последние лучше дисциплинированы. В одной деревне большевик, изнасиловавший учительницу, был присужден к смертной казни, но когда пришли люди Красильникова, они безнаказанно разграбили все дачиста. В

Канске беззаботно расстреливали людей, все преступление которых заключалось только в нежелании отдать свои деньги.

И, конечно, крадут. 200000 комплектов солдатской одежды, которую Англия прислала Колчаку, были проданы налево и в значительной части попали к повстанцам. И, наконец, когда с.-р. уже штурмовали Иркутск, когда Колчак был арестован чехами, правительство утопило в Байкале 30 заложников — сидевших в тюрьме бывших членов Комуча и др.

В некотором смысле грабительство проходящих войск традиционно: еще Барклай де Толли всеподданнейше доносил Александру I,

что ополчение поступками своими сходствовало более с ордою татар прежнего времени, нежели с порядочно образованным войском.

Речь идет о Могилевской губернии при очищении ее российским ополчением от французов; командовал ополчением генерал-лейтенант граф Гудович. А ведь Могилевская губерния только один раз переходила из рук в руки, в отличие от областей в гражданскую войну; все-то военные действия на ней обернулись за полгода, а не растянулись на три года; технические средства тоже были не те — пулеметов не знавали. И, самое главное, в эпоху революции сознание и чувство собственного достоинства у каждого жителя было куда обостреннее, нежели в 1812. У ограбляемого могилевского обывателя не было выбора, кроме как стерпеть, тогда как в 1919 можно было запросто выбирать между: уйду к большевикам, уйду к народным партизанам, уйду в зеленые, достану припрятанную винтовку да как шарахну ему, ночью спалю гада, стерплю. Поэтому даже обычная грабилька неизмеримо сильнее подрывала устойчивость власти, развязывала эскалацию насилия и восстаний.

Повстанцы поголовно вырезывали военные отряды, располагавшиеся в селах, — командуя карателями, Анненков сжигал села, расстреливал и зарывал живьем людей в землю. И поголовная порка, поголовное насилие женщин, с 10-летнего возраста. Сейчас, после того, как сытые люди — американцы — соприкоснулись с партизанской войной во Вьетнаме, даже они поняли, что партизанская война — это нечто выходящее за пределы повседневных нравственных критериев. Порядочный человек и не зверь — лейтенант Колли — в

атмосфере выстрелов и бомб отовсюду и ниоткуда звереет и начинает бесцельно и безобразно убивать и мучить кого ни попадя. Срыв психики. Ибо где-то в глубине человека сидит радость мучить, радость убивать, радость резать живое тело. Произошел ли человек от животного, или Бог сотворил его из праха, но в нем всегда присутствует низменный элемент, и когда утрачивается контроль над собой, в перманентном кошмаре этот низменный элемент просыпается, овладевает человеком.

Страдание хочет причинять тот, кто сам страдает, и тем самым — от чего сам страдает.

До тех, кто воспекает величие партизанской войны, кто толкает на нее других и обрекает человека утрачивать облик человеческий, — о них сказано:

И если кто из вас соблазнит хоть единого из малых сих, то легче было бы тому, если бы ему на шею привязали мельничный жернов и ввергнули его в озеро.

Красная армия не пошла дальше Иркутска, она, собственно, до Иркутска дошла лишь символически и вопреки Ленину и Троцкому. В середине 1919 красные войска были нужны поближе к Москве. Троцкий стал снимать с Восточного фронта дивизию за дивизией и слать их против Деникина. Да и всюду на освобожденной от Колчака территории — Омская, Семипалатинская, Алтайская и др. губернии — по-прежнему действовали партизанские с.-р. отряды, но уже против большевиков. Возникла пословица: “Променял Колчака на губчека — получай придачу!” — слова, которые приговаривали перед расстрелом, реквизицией и т.п.

Фрунзе за непослушание перебросили в Среднюю Азию, которую он попутно покорил, ликвидировав независимость тех государств, которые не были покорены царским правительством, вроде Бухарского эмирата. Правда, из этого позже возникло басмаческое движение, ликвидировать которое дос-

талось Буденному¹. Завоевал он их по схеме переговоров с Башкирией.

На Востоке же была создана так называемая “буферная республика” — Дальневосточная республика, ДВР. Идея ее создания обсуждалась еще в Томске большевиком Краснощековым, делегацией с.-р. Иркутского Политцентра, Сибревкомом и Реввоенсоветом V армии (Смирнов). Сначала ее столицей предполагался Иркутск, а потом был выбран Верхнеудинск (Улан-Удэ). В нее входили области: Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская. Премьером стал большевик Краснощеков, большинство большевиков в правительстве маскировалось под беспартийных: похоже, что, например, член Дальбюро РКП(б) С.Лазо по заданию партии выдавал себя за эсера. Само существование Дальбюро было глубоко законспирировано, и материалы относительно его деятельности и нелегальной связи министров правительства ДВР с московским правительством опубликованы только в 1974 г. Формально же эти два правительства обменялись послами, с Японией и США ДВР вела самостоятельные дипломатические сношения, в республике не была ликвидирована частная собственность и даже не была запрещена КДП, не говоря уже о ПСР и РСДРП(о). Ключевые посты, правда, принадлежали явным или тайным большевикам. Два года просуществовала эта республика, и когда Москва увидела, что может проглотить ее безнаказанно, в октябре 1922 года ДВР добровольно вошла в состав РСФСР, не пожелав сохранить за собой никакой автономии. Краснощеков, конечно, посмертно реабилитирован. Впрочем, одной из причин, почему именно в 1922, а не, скажем, в 1923 Красная армия вступила во Владивосток, было то, что США заинтересовались концессиями на Камчатке, Ленин их пообещал, да власти ДВР заартачились было против разбазаривания российских богатств.

Забыл сказать: Колчака расстреляли 30 января 1920 социалисты-революционеры.

¹ В промежутке между Фрунзе и Буденным Среднюю Азию замирать досталось Сокольникову. Он не только гонялся за басмачами, но и, расценивая всю предыдущую политику Фрунзе-Куйбышева как ошибочную, резко сменил курс на более мягкий: в частности, отменил там продразверстку, разрешил свободный рынок и, словом, “ввел нэп” на несколько месяцев раньше, нежели в остальной России.

Одновременно с ДВР возникли другие буферные государства рядышком. Преследуя отдельных атаманов вроде Семёнова, Красная армия проникла на территорию Китая: в так называемую Внешнюю Монголию. Предвосхищая доктрину Фрунзе — “где станет нога красноармейца: там будет советская власть” — там быстро произвели революцию (чуть было не сказал: пролетарскую социалистическую, да вспомнив, что там не было и оседлого населения, а сплошь скотоводы, — готов и термин “революция” взять назад). Провозгласили независимое государство Монгольскую Народную Республику. И другие: Бурят-Монгольскую, Тувинскую народные республики.

Однако присоединять к РСФСР не стали ни тогда, ни позже: ведь Китай считает Внешнюю Монголию такой же своей неотъемлемой частью, как и Внутреннюю Монголию, которая, к слову, доходит почти до Пекина. Успехи с созданием буферной МНР оказались возможными только потому, что сам Китай в те годы раздирался кровопролитнейшей гражданской войной между пятью или десятью правительствами. В январе 1923 советский дипломат Иоффе обменялся нотами с одним из локальных китайских правителей — Сун Ят-сеном — где заверил, что РСФСР не преследует империалистических замыслов по отторжению внешней Монголии от Китая, а только обеспечивает себе безопасность от контрреволюционных банд русских офицеров. Как только сию последнюю задачу сможет выполнять центральное китайское правительство, так красные войска уйдут из Внешней Монголии. Сун Ят-сен принял эти объяснения. Впрочем, в 1923-30 годах надежды на то, что армия Блюхера сумеет завоевать весь Китай, а не только Монголию, были столь велики, что, например, XV съезд ВКП(б) считал обязанностью защищать “Красный Китай” равноценной обязанности защищать СССР.

§16. Деникин, т.е. вооруженные силы Юга России

Беглецы на Дону; политическая платформа офицерства; смерть Корнилова; посредничество Антанты; летние успехи Деникина в 1919; продвижение Красной армии от Орла до Новороссийска; Врангель; Юденич.

Происхождение Южного фронта гражданской войны почти не имеет касательства к ПСР. Правда, донские казаки качнулись было влево, к социалистам, провалив на выборах Каледина, из-за чего тот застрелился в начале 1918, но после краткого периода управления большевиками Сырцовым-Подтелковым и ростовским бюро РКП(б), казаки прогнали большевиков и не хотели больше слушать никаких “сицилистов”. На Кубани, где казачье войско было организовано хуже, нежели на Дону, номинально даже существовала Советская власть с центром в Екатеринодаре, как и на Северном Кавказе была номинальная Советская власть (Киров в Нальчике). Однако эта власть не справлялась с главной поставленной перед ней задачей:

обеспечить доступ передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их.

Кстати, начальствовать всеми продзаготовками на юге России был назначен Сталин, но он, как известно, не доехал южнее Царицына. Шляпников рискнул находиться в Астрахани, Киров даже дерзнул на нелегальную поездку в Баку и на Северный Кавказ, но продовольствия из этого не выходило.

Бежавшие из Быхова Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и присоединившиеся к ним Алексеев, Рузский поначалу просто выжидали. Затем, когда немцы двинулись в оставленный по приказу Крыленко фронт, к Корнилову стали пробиваться многие фронтовые генералы и офицеры; в частности, с боем, с Румынского фронта, отбиваясь от большевиков, немцев, петлюровцев, махновцев, войск Скоропадского, прорвалась-таки дивизия полковника Дроздовского. Собственно, от нее осталось менее полка, но самое главное для военного сердца — знамя — было сохранено. Казаки дали понять

Корнилову, что не потерпят его присутствия на Дону, ибо он не скрывает, что враг немцам, а значит немцы потребуют выдать, либо же из-за него оккупируют Донскую область. И вот несколько десятков тысяч бездомных офицеров, у которых у каждого где-то там на севере осталась бедствующая жена, любовница, сестра — Марина Цветаева, — которых наверняка ждала пуля от рабоче-крестьянской власти, которые до глубины души были возмущены осквернением всего святого — от Кремля до орфографии, которые “своими глазами видели”, что в Петрограде и Москве к власти пришла кучка жидов, купленных немецкими деньгами, — эти офицеры и генералы, так думая, сформировались в Добровольческую армию и двинулись под командой Корнилова.

Политически они были дико невежественны. Корнилов отказался даже говорить с Керенским. А когда Савинков приехал на Дон с целью объединить все антибольшевистские силы, то перепуганные генералы во время его беседы с Корниловым держали Савинкова на мушке, боясь, что “этот террорист убьет бомбой генерала”. Конечно, Корнилов отказался сотрудничать с Савинковым. Даже к.-д. для генералитета были “опасно левыми” и беспрестанно подвергались арестам; в состав правительств, формируемых этими генералами, не входил никто левее октябристов (впрочем, очень недолгое время был министром Струве). Никакой позитивной программы, кроме желания, чтобы “все, наконец, стало, как было”, — они не имели и не желали. Главным двигателем Добровольческой армии было сознание безысходности, высокая воинская честь, обостренное чувство патриотизма (“продали Россию, сволочи!”) и привычка к четкой военной дисциплине.

С большим трудом ранней весной, когда реки еще не вскрывались, либо на них ледоход, Добармия двинулась прочь от немцев, на Кубань. И 31 марта Корнилов подошел к Екатеринодару. Армия находилась в ужасном положении. Осторожный Деникин заклинал Корнилова отказаться от штурма города и уйти в кубанские плавни. Корнилов был непреклонен: штурмовать. Покамест они так спорили, из Екатеринодара панически бежали советские власти: у них не было ни одного вооруженного солдата, их никто не хотел защищать. Были у них, правда, две пушки, но артиллеристы разбежались;

снарядов, кажется, было по одному на пушку, так что — это не защита. Проживавший в Екатеринодаре пленный австриец увидел пушки как раз тогда, когда власти спорили: бросать их или как-нибудь повредить, или везти с собой? По военной профессии австриец был артиллерист, и он упростил: “Дай пальнуть разок!” Уже года два, как не доводилось стрелять, соскучился. Дали. Тот аккуратно прицелился (военная выучка у немцев стояла выше всех армий в мире: на убийство одного солдата противника они расходовали своих солдат в два, два с половиной раза меньше, чем в русской, французской или английской армиях) и первым же выстрелом накрыл группу всадников на холме. Единственным произведенным из Екатеринодара выстрелом был убит Корнилов. Деникин немедленно принял командование на себя и приказал отступление.

Так как по ряду причин власть от Корнилова должна была бы перейти не к Деникину, а к Алексееву, то испортились их отношения (впрочем, Алексеев скоро умер), да и среди офицеров поползли разговоры, в частности, ожесточенную склоку в Добрармии затеял генерал Врангель. В результате только к концу лета 1918 Деникин прочно овладел Кубанью, а к декабрю — Доном. Но в декабре совершенно изменился левый фланг Добрармии. Немцы оттуда ушли, гетман Скоропадский был свергнут, власть принадлежала в Киеве Украинской Директории во главе с с.-д. Винниченко и военным министром с.-д. Петлюрой, а в Харькове — Украинским Советам во главе с большевиком Петровским. По Гуляй-Полю гулял анархист Махно. В Одессе для принятия капитуляции от немцев высадились французы. На севере люди устали от большевиков, умирали от голода. Правый фланг Добрармии едва ли не состыковался с левым флангом Колчака.

Положение большевиков было тяжелое. Они даже согласились принять предложение Антанты о посредничестве для прекращения гражданской войны в России. Антанта предлагала, чтобы были взаимно признаны все правительства, существующие на январь 1919 в России, для чего представителям этих правительств предлагалось собраться на Принцевых островах в Мраморном море совместно с англо-американо-итальянскими представителями. Насколько добросовестно стали бы большевики исполнять соглашение, видно из пред-

шествующей и последующей истории. Впрочем, дадим слово невинно-убиенному Володарскому:

Брестский мир, как и всякий другой мир, это только бумага, которую могут толковать и так, и этак. Если про закон говорят, что закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло, то то же самое есть мирный договор. Если мы будем сильнее, а они слабее, мы будем толковать договор так, как нам угодно... путь использования передышки для того, чтобы подняться, укрепиться и быть в состоянии в подходящий момент придти и сказать: господа почтенные, а у нас имеется вот что, мы это можем положить на чашку весов, будьте добры, прислушайтесь к нашему голосу ... лавируя между двумя империализмами, мы имеем возможность проскользнуть, выскочить опять здоровыми и невредимыми. И по этому пути мы будем идти.

Это — его “Напутственная речь агитаторам” от 13 апреля 1918. Но отказались явиться на конференцию Колчак и Деникин. Поэтому они прослыли у союзников несговорчивыми. Англия и особенно Франция сократили размеры помощи Колчаку и Деникину. В самом деле, как им объяснить своим избирателям расходование денег английских и французских налогоплательщиков на оказание военной помощи правительству, которое не хочет прекращения гражданской войны в своей стране? Ленинизм — это рассчитанная на много ходов вперед политика, которая позволяет объективно слабому меньшинству захватить и удержать против воли большинства власть, ссоря между собой всех истинных и потенциальных противников этой власти, а потом уничтожая их. Ленинизм крепчал. И уже в феврале 1919 Ленин и Троцкий приказали армии Григорьева пробиваться через Украину в Венгрию, где произошла революция и зампреьера был коммунист Бела Кун. Гарнизон социалистической крепости рванул из-под Харькова в Будапешт. Правда, даже до Львова он не дошел, но, конечно, соглашения на Принцевых островах соблюдались бы!

В июне 1919 армии Юга России вышли на фронт Царицын-Балашов-Белгород-Екатеринослав-Херсон, прочно упираясь флангами в Волгу и Днепр.

20 июня в г. Царицыне я отдал армиям директиву: “Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Ген. Врангелю выйти на фронт Саратов-Ртищево-Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву. Теперь же направить отряды для связи с уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.
2. Ген. Сидорину правым крылом, до выхода войск ген. Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин-Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях — а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Нижний Оскол, Елец, Кашира.
3. Ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав-Брянск. ...

Эта директива в начальных своих стадиях реализовалась успешно. Главнейшей причиной было настроение населения в местах, занимаемых Добармией.

Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче. Добровольческая (т.н. Кавказская Добровольческая) армия к 5 мая в Донецком бассейне числила в своих рядах 9600 бойцов. Невзирая на потери, понесенные в боях и от болезней, к 20 июня (Харьков) боевой состав армии был 26 тысяч, к 20 июля (Екатеринослав, Полтава) — 40 тысяч. Донская армия, сведенная к 5 мая до 15 тысяч, к 20 июня насчитывала 28 тысяч, к 20 июля — 45 тысяч... В начале июня с Акманайских позиций начал наступление 111 армейский корпус силою около 4 тысяч, который, пополняясь по пути, прошел весь Крым, вышел на Херсон и Одессу и составил группу войск Новороссийской области под начальством генерала Шиллинга, к 20 сентября увеличившуюся до 15 тысяч.

Состав вооруженных сил юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тысяч. Таков был результат нашего широкого наступления...

Мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно сил его. Мы отторгали от Советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армий.

Настроение населения видно хотя бы из такого факта: когда Деникин взял Орел, в Туле разразилась всеобщая забастовка; она прекратилась лишь тогда, когда Троцкий отобрал Орел обратно.

В августе Троцкий предпринял контрнаступление. Оно практически остановило правый фланг Деникина и даже потеснило его, но ген. Май-Маевский (беспробудный пьяница, но умевший воевать и в состоянии невменяемости) наголову разбил своего коллегу генерала Селивачева, сражавшегося под командованием Троцкого и, наверное, окружил бы красные части, кабы казаки не кинулись грабовать вместо чтобы воевать.¹ Вообще, казаки реализовывали свои голубые мечты, которые они еще Керенскому высказывали: грабить и забирать себе всю боевую добычу. Генерал Мамонтов, прорвавшись в глубокий советский тыл, нахватал там добычи и ушел с фронта отдыхать на Дон:

Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь.

И когда крестьяне видели, что освободители-казаки грабят церкви не хуже нехристей-большевиков (кстати, покамест большевики еще не приступали к массовой реквизиции церквей), они начинали убегать из той самой армии, в которую так охотно вступали пару месяцев назад. Когда армия устраивала

¹ В этом отношении казаки (не только донские) играли роль, аналогичную роли шотландских горцев ("Верхняя Шотландия") в период Английской революции XVII века и последовавших за ней реставрационных попыток. Как и там, революционные преобразования в результате ликвидировали военную автономию этих районов. Только в Великобритании на это ушло свыше века, и не вся самобытность была уничтожена, а в СССР — меньше десяти лет: уже в 1926 самое ношение казачьих лампасов было запрещено.

сплошные еврейские погромы², она делала всех евреев рьяными поборниками Советской власти. Деникин вспоминал:

Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями и грабежами, обиранием пленных и т.д. Но эти приказы и законы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам. А казачество, общество, печать в то же время поднимали не раз на голову окружительную высоту начальников храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты риз, создавая им ореол и иммунитет народных героев.

За войсками следом шла контрразведка... Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территории юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова... Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или совершенно изменить бытовой материал, комплектовавший контрразведку. Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел.... Я прочел эти черные страницы летописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается в некоторых существенных деталях. В разные периоды борьбы вооруженных сил юга моральное состояние войск было различным. Различна была также степень греховности отдельных войсковых частей. Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохраняли незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь.

Черные страницы армии, как и светлые, принадлежат уже истории. История подведет итоги нашим деяниям. В своем обвинительном акте она исследует причины стихийные, вытекавшие из

² Хотя Савинков пытался образумить антисемитов, напоминая, что и Каннегисер, убивший Урицкого, и Каплан, стрелявшая в Ленина, тоже были евреи, что следовательно нельзя огульно всех евреев считать сторонниками Советской власти, ни факты, ни логика не останавливали деникинских офицеров, когда они громили, например, поместье Давида Бронштейна — отца Льва Троцкого, от которого сынок давно отрекся и которого не пожелал перевезти к себе в Кремль.

разорения, обнищания страны и общего упадка нравов, и укажет вины: правительства, не сумевшего обеспечить армию; командования, не справившегося с иными начальниками; начальников, не могших (одни) или не хотевших (другие) обуздать войска; войск, не устоявших против соблазна; общества, не желавшего жертвовать своим трудом и достоянием; ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы “от благодарного населения”, а потом забросавших армию камнями.

Понистине, нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути.

К сожалению, эта прекрасная программа для исторического суда до сих пор не реализована: никто не осужден, не оправдан, а просто все скопом позабыты. И в том, что мы — иваны не помнящие родства, пожалуй, большая трагедия, нежели в самом факте гражданской войны.

Но Деникин даже не догадывался о по крайней мере двух причинах разгрома армий юга России. Гениальность полководца Троцкого, конечно, он, профессиональный военный, не в силах признать. А будучи политически тупым, генерал Деникин не понимал, что своим огульным отношением ко всем недовольным как к большевикам, он толкал и меньшевиков (очень сильных на южных железных дорогах) и беспартийных в объятия большевиков. Деникин умудрился разогнать Кубанскую Раду, арестовать, повесить и выслать в Турцию кое-кого из ее деятелей, ибо те заикнулись относительно обещанной автономии. Когда войска Деникина соприкоснулись с польскими войсками в районе Днепра, то поляки, до того ожесточенно воевавшие против большевиков, затребовали от Деникина признания их государственной самостоятельности. Тот отказал, поляки заключили с большевиками перемирие, освободившиеся войска и поляки и большевики направили против Деникина. Но ведь он шел:

Смело мы в бой пойдем за Русь единую и как один умрем за неделимую!

Уже политической крамолой считалась редакция:

Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую.

В результате, оказываясь между этими песнями и звучащей с севера:

Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один умрем в борьбе за это! –

крестьянство рифмовало:

Смело мы в бой пойдем, когда погонят, и как один вильнем, когда догонят.

Действительно, стоило деникинским армиям потерпеть поражение под Орлом 20 октября 1919, как началось повальное бегство мобилизованных крестьян и неуправляемое откатывание офицерского костяка на юг, до Новороссийска, где в эвакуационной панике 26 марта 1920 погибли десятки тысяч солдат и мирных жителей, здоровых и раненых (в довершение всего свирепствовал тиф), затоптанных своими и расстрелянных ворвавшимися красными¹. Хотя сам Деникин спасся в Крым, перед лицом всеобщего морального осуждения он отрекся, передав верховную власть Врангелю. Тот оказался гораздо более гибким политиком: при нем в Крыму не только свободно действовал Струве, но даже меньшевикам, не говоря уже про кадетов, была предоставлена реальная возможность высказываться.

Сам Врангель² так излагал свои цели в беседе с Шульгиным:

Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать. Политику завоевания России надо оставить. Ведь я же помню. Так нельзя. Ведь мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве. Так нельзя. Нельзя воевать со всем светом. Надо на кого-то опираться... Не пропагандой же, в самом деле! Никто теперь словам не верит.

¹ Термин "красные" тут сложен. Опасаясь реально-близкой полной победы Деникина, с.-р. в его тылу развернули партизанскую войну. В частности, 18 ноября 1919 созданный ими крестьянский съезд в Гаграх (номинально Гагры входили в состав с.-д. Грузии) учредил "Комитет освобождения Черноморья" (КОЧ). КОЧ поднял восстание в Черноморье (с базой в Абхазии) против Деникина с целью создания Черноморской Народной Республики на началах Учредительного народоправства. Закрайком РКП(б) "счел необходимым в январе 1920 командировать в КОЧ (но официально без заявления о своей партийности) крупных работников". Именно эти-то армии ударили на Новороссийск.

² По образованию – инженер-строитель.

Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, хоть бы на этом клочке сделать жизнь возможной. Ну, словом, чтобы так сказать, показать остальной России, вот у вас там коммунизм, т.е. голод и чрезвычайка, а здесь — идет земельная реформа, вводятся волостные земства, заводится порядок и возможна свобода. Никто тебя не душит, никто тебя не мучит, живи, как жилось. Ну, словом, опытное поле.

Врангель сумел договориться и с поляками и даже с батькой Махно и очень сильно напугал Советскую власть. Испуг достиг предела, когда победоносное наступление Красной армии на Варшаву (уже было создано Советское правительство Польши во главе с Дзержинским) наткнулось на “*cedze na Wislie*”, на чудо патриотизма поляков, отшвырнувших армию Тухачевского, окруживших и вытолкнувших в Восточную Пруссию около 100000 красноармейцев (Врангель и тут успел проявить гибкость: все они записались в его армию, были перевезены в Крым и сражались под Каховкой и Ореховом).

Поскольку поражение под Варшавой — первое поражение Троцкого, хотя в нем, кажется, больше повинны казаки Буденного, кинувшиеся грабовать Львов вместо того, чтобы двигаться по приказу наштафронта (Сталин прикрыл Буденного своим авторитетом, и в этом истоки многих будущих репрессий и искажений истории войны), — резко подорвало авторитет Троцкого (его и вообще-то не любили из-за высокомерия, рисовки), постольку из Средней Азии был вызван опальный Фрунзе для ликвидации Врангеля. Фрунзе первым делом поставил условие: Сталина устранить (на Троцкого он еще не смел замахиваться). Устранили. Тогда Фрунзе вступил в переговоры с крымскими татарами, наобещал им полную независимость взамен помощи против Врангеля (а вот уж пообещать крымским татарам независимости и Врангель при всей своей гибкости не умел), те перевели его через Сиваш, устроили в тылу Врангеля восстание. Одновременно Фрунзе заключил союз с Махно, обменявшись заложниками; Махно в заложники дал Попова, Фрунзе дал в заложники Бела Куна. Махно вдарил по Перекопу, ворвавшиеся вслед за ними красноармейцы вдарили по Махно, а Врангель

И под белым кленом, как от пули падающий, на оба колена упал главнокомандующий. Трижды землю поцеловавши, трижды перекрестил. “Ваше превосходительство, грести?” — “Грести...”.

К военным операциям такого же рода следует отнести наступление генерала Родзянко (брата председателя Государственной Думы) и Юденича в сентябре-октябре 1919. Хотя и неприязненно третируемые эстонцами, русские офицеры организовали некоторые части в пограничных районах Эстонии-России и в попытках расширить свою базу начали отчаянное наступление на Петроград. К счастью, оно не удалось, ибо Зиновьев минировал все мосты в Петрограде, и если бы Юденич вошел в город, то тысяча с лишним петербургских мостов была бы взорвана. А не вошел Юденич в тот день, когда взял Гатчину и Царское Село, потому что запоздали эшелоны с белым хлебом: было решено, что первым делом освободители накормят изголодавшийся народ Питера. Пока дожидались хлеба, из Москвы примчался Троцкий, в два дня разбил Юденича (в честь этого несколько лет Гатчина называлась Троцк) и умчался на Южный фронт. Со своей стороны в тылу эстонцы арестовали Родзянко и других офицеров, потому что опять-таки те не желали до Учредительного Собрания давать эстонцам гарантий независимого государственного существования. Ну, а Ленин — дал, подписал мир с Эстонией (очень этому миру радовались в ЦК РКП(б), называя его окном в Европу).

§17. Национальные окраины

*Украинский национальный вопрос; закавказские республики;
другие границы и попытки.*

Голодный север завоевал сытый и оттого апатичный юг. В значительной части этот юг состоял из русских областей, ибо ведь всерьез и сами казаки не рассматривали себя как независимое от Ростова-на-Дону государство — откуда они мануфактуру да керосин возить будут? Но были на юге и области, которые по национальным причинам хотели бы независимости или на худой конец автономии с правом говорить и писать на своем родном языке. Такой республикой была Украинская Народная Республика во главе с Винниченко. Ее свергал в 1918 большевик Л.Пятаков (не путать с расстрелян-

ным в 1937 его братом Пятаковым Г. (он же Ю.), но его самого быстро свергли и расстреляли. Ее свергал в 1918 гетман Скоропадский, опираясь на немцев; он свергал ее не как “украинскую”, а как “народную республику”; его самого свергли в конце 1918. Ее свергал в начале 1919 большевик Петровский, опираясь на войска Троцкого, и после сражений 1919-20 годов Петровскому и Артему удалось закрепиться на Украине (столицей все-таки сделали не Киев, а Харьков). Отношение большевиков к украинской проблеме заслуживает рассмотрения подробнее.

Разумеется, в четкой схеме захвата власти и войны со всем миром до победы социализма во всем мире нет места национальному чувству. Впрочем, чувству в марксизме не отведено места, разве что по рубрике “предрассудков”. Поэтому молодые неопытные члены партии вроде Г.Пятакова и Н.Бухарина сразу кидались доказывать, что национальный вопрос — буржуазная выдумка (кажется, они расходились между собой в том, что один считал это просто буржуазным предрассудком, а другой — мелкобуржуазным), что никакого права наций на самоопределение нам, большевикам, не надо признавать, и т.д. Но думающий на несколько ходов вперед мудрый Ленин понимал, что отрицанием вслух права на национальное самоопределение наживешь себе уйму врагов, лишишься поддержки многочисленных слоев. Поэтому он заявлял себя сторонником национального самоопределения “вплоть до отделения”. Он только настаивал, чтобы в национально самостоятельном государстве власть принадлежала не буржуазии, а пролетариату в лице его передового отряда — коммунистической партии; определять, кто выражает интересы пролетариата, а кто нет, — это полномочие Ленин оставлял себе. Поэтому Винниченку он свергал не как украинца, а как недостаточно выдержанного социал-демократа. Ему противопоставлялся Петровский как власть рабочая, не зараженная мелкобуржуазными влияниями (впрочем, об этом подробнее в §19). На самом деле речь шла о том, будут ли вооруженные силы подчиняться Петлюре или Троцкому, будет ли на территории Украины функционировать “начальник тыла фронта” Дзержинский. Но тем не менее этой политикой удалось многим заморочить голову; даже сам Винниченко позже был

второстепенным наркомом в советском украинском правительстве, пока после ареста очередного своего секретаря Держинским не понял, что пора бежать. Некоторое время еще существовала Западно-Украинская Народная республика, куда не дошли красноармейцы (доктрина Фрунзе гласит: “куда ступит нога красноармейца, там будет советская власть”), но ее скушала Польша.

Зимой 1920-21 были быстро поодиночке скушаны Азербайджан, Армения и Грузия, независимость которых Москва признала, а с Грузией даже обменялась послами, которые имели дипломатических представителей в Европе. Все эти революционные завоевания проводились по одной и той же схеме: в соответствующей республике вспыхивало восстание трудящихся, о котором почему-то ничего не знало правительство этой республики, но знало московское правительство. Восставшие приглашали на помощь Красную армию; почему-то всегда рядом оказывалась XI армия, которой командовал Орджоникидзе. Она входила, помогала, прежнее правительство удирало, начинала функционировать ЧК, все партии, кроме большевистской, запрещались, продовольствие (и нефть) вывозились на север. После выхода в свет издания V собраний сочинений Ленина стало еще известно, что такому восстанию трудящихся предшествовал обмен телеграммами между Лениным и Орджоникидзе. Орджоникидзе настойчиво просил разрешить ему проводить операцию; Ленин разрешал, “если есть стопроцентная гарантия на успех операции”. Предупреждал, что в случае неудачи Совнарком открестится от Орджоникидзе и объявит его действовавшим в нарушение приказов, по своей преступной инициативе (т.52, док. №№ 125, 126). Житейское описание присоединения Азербайджана см. в воспоминаниях Микояна “Дорогой борьбы”, 1971, стр. 566-567. Из-за Грузии II Интернационал даже пошумел немного, примерно как пошумели из-за Чехословакии в 1968, и с тем же успехом.

Такие орды голодных людей хлынули в Грузию, что даже коммунистическое правительство Грузинской Советской республики попробовало было установить кордоны и нечто вроде таможенной стражи, дабы спасти свои сады и виноградники хотя бы от вытаптывания; решительным протестом Москвы эти рогатки были сметены, и “массовый крестовый

поход передовых рабочих ко всякому пункту производства” жратвы был завершен.

Прибалтийские республики — Эстония, Латвия, Литва, Финляндия — спаслись от планируемого захвата и отстояли свою независимость, провозглашенную в 1917-18 годах отчасти потому, что напор в их сторону был менее силен: голодных манил к себе сытный юг, а не сомнительный северо-запад, а отчасти — в силу большего национального патриотизма. Эстонцы сражались за независимость гораздо яростнее, нежели грузины, и т.п. Про польское чудо патриотического порыва я уже упоминал. Точно так же провалились попытки большевиков завоевать Персию и Афганистан: население их не поддерживало, сопротивлялось, а у завоевывающих не было сознания, что они берут свое, “принадлежащее им по праву”, какое у них было, когда входили в Грузию или Азербайджан. Добраться до Румынии (или хотя бы до Бессарабии) было сложно из-за того, что вся Украина представляла собой весьма непрочный тыл. Удалось добиться крупного успеха в Турции: Турция, бывшая союзница Германии, обиженная Версальским миром, рассматривала большевиков, враждующих с Антантой и бывших союзниками Германии, как своих естественных союзников. К тому же в Турции произошла национальная революция, и Фрунзе весьма успешно заигрывал с Кемаль-пашой, совершил триумфальную поездку по Турции и т.п. Но ввести своих войск в Турцию РСФСР не удалось, а потому та сохранила независимость.

Если среди большевиков и были до революции весомы марксовы настроения разрушения и расчленения России (см. §9 кн.1), то они бесследно испарились, едва лишь большевикам пришлось управлять государством. Маркс возмущался:

... Николай требует всего лишь признания его исключительным покровителем Турции. Человечество помнит, что Россия была покровительницей Польши, покровительницей Крыма, покровительницей Курляндии, покровительницей Грузии, Мингрелии, черкесских и кавказских племен. И вот теперь она в роли покровительницы Турции! Чтобы иллюстрировать “антипатию” России к расширению, я привожу несколько данных из множества фактов, касающихся территориальных приобретений России со времени Петра Великого. Русские границы продвинулись: по направлению к Берлину, Дрездену и Вене примерно на 700 миль,

по направлению к Константинополю примерно на 500 миль, по направлению к Стокгольму примерно на 630 миль, по направлению к Тегерану примерно на 1000 миль.

Приобретения, сделанные Россией за счет Швеции, охватывают большую территорию, чем оставшаяся часть этого королевства; в Польше ее приобретения почти равняются всей Австрийской империи; в Европейской Турции они превышают размеры Пруссии; в Азиатской Турции они так же велики, как вся собственно германская территория; в Персии они по своим размерам не уступают Англии; в Татарии их протяженность равна Европейской Турции, Греции, Италии и Испании вместе взятым. Территориальные приобретения, сделанные Россией за последние шестьдесят лет (написано в 1853 – Р.П.), в своей совокупности равняются — по размерам и по значению — всей той империи, которой Россия обладала до этого в Европе.

Но встав во главе московского правительства, большевики, даром что в большинстве евреи, отнюдь не пожелали уменьшить размеры управляемого ими государства, а тут же отвоевали у рвавшихся к самостоятельности окраин все, что только удалось. Геополитические законы диктовали ту же имперскую политику, хотя радикально сменилось ее идеологическое обговаривание — оправдание: сейчас речь шла не о величии и традициях России, а о Мировой Революции. Но даже эта смена вывески удержится ненадолго. Точно так же очень ненадолго удастся просуществовать независимыми тем национальным государствам, которые сумели было вырваться из-под московско-петербургского владычества.

§18. Экономические и демографические последствия гражданской войны

В гражданскую войну 1918-21 погибло свыше 8 миллионов человек — в четыре с лишним раза больше, нежели погибло (1,8 миллиона) в России во время первой мировой (империалистической) войны 1914-17. Эмигрировало около миллиона или двух — кто их считал? Рождаемость упала катастрофически: за 1917-1920 родилось на несколько миллионов

душ меньше, нежели за 1906-09¹. Суммарный ущерб хозяйству исчисляется в 50 миллиардов золотых рублей.

Страна была разорена. Если средняя стоимость крестьянского двора в 1916 была 996 рублей — так называемый основной капитал крестьянского хозяйства, — то в 1928 (раньше никакой статистики не было) она упала до 876 рублей. Пожгли, пограбили, поломали проходившие войска. Скот практически исчез из хозяйства. Однако, лишь только был введен нэп, сельское хозяйство быстро оправилось; в том же 1922 валовый доход от него (в ценах 1913) был равен 53,4% валового дохода 1913 года, дальше все рос.

Гораздо хуже обстояло дело с промышленностью. Если в 1913 валовый доход от промышленности был в 2 (с небольшим) раза выше, нежели валовый доход от сельского хозяйства, то в 1922 наоборот — уменьшившийся в два раза сельскохозяйственный доход был все-таки в 4,7 раза выше всего промышленного дохода, т.е. промышленность была разорена почти в 10 раз.

Для обрисовки того, что происходило в Петрограде, приведем выписку из раздела “Хроника” журнала “Дела и Дни” за 1920:

В феврале 1920 Общество распространения естественно-исторического образования и Микробиологическое общество устроили в зале Петроградского университета два публичных заседания на тему: “Биологические особенности переживаемого времени”. Были прочитаны доклады: проф. В.А.Комаровым — “Впечатления ботаника на улицах Петрограда”, проф. Е.Ф.Лискуном — “Влияние современных условий на домашних животных”, доктором С.А.Новосельским — “Рождаемость и смертность в Петрограде”, проф. С.И.Златогоровым и доктором И.А.Федоровым — “Инфекционные заболевания в современных условиях”, проф.

¹ Конечно, никто не вел учет рождаемости в гражданскую войну; прямых цифр нет. Но переписи 1959 и 1970 дают внушительные косвенные числа: лиц, родившихся в 1905-09 годах и доживших до 50 лет, оказалось на полтора миллиона больше, нежели лиц, родившихся в 1916-20 и тоже дотянувших до 50 лет. Так как до 50 лет сквозь детскую смертность, ежовщину и войну сорок первого года дожили далеко не все, то этот факт означает, что в 1917-20 число новорожденных упало на несколько миллионов сравнительно с 1905-09. Более точную оценку (в тех или иных предположениях) могут дать профессионалы-демографы, но для иллюстрации достаточно и такой.

А.А.Белоголовым — “Биология голодной смерти”, проф. Л.Л.Окинчицем — “Влияние переживаемого времени на женский организм”, проф. В.А.Оппелем — “Голодание с хирургической точки зрения”, проф. В.Н.Осиповым — “Душевная заболеваемость и течение душевных болезней в связи с современными условиями”.

Одни из докладов достаточно выразительны по своим заглавиям, и все они без исключения рисуют своеобразную и жуткую картину тех условий, в каких протекает жизнь современного человека. На улицах в центре города можно наблюдать появление осоки и именно тех ее видов, какие вырастают в местах, покидаемых человеком при заболевании почвы... люди употребляют в пищу те продукты, которых, как вредных, никогда не давали скоту... Истощение организма ... развились эпидемии... В области хирургии голод повлек за собой обилие гнойных процессов. Пагубно влияет на организм сделавшееся обычным угнетенное состояние нервной системы, раздражительность, недовольство, досада, тоска. Сильно увеличивается число нервных и душевных заболеваний. Резко возрос процент смертности, небывало низко упал процент рождаемости...

Жутью веет от бесстрастных страниц протоколов Академии наук, когда читаешь, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц — постановление, что за смертью второго работа переходит к третьему, а потом новое постановление — о передаче работы за смертью третьего — к четвертому. Или когда в одном и том же протоколе читаешь о смерти акад. М.А.Дьяконова, а непосредственно затем о разрешении ему комиссаром печати полностью пользоваться старой орфографией при печатании нового издания “Очерков общественно-государственного строя древней Руси”... (стр.495-496).

В гражданскую войну поистине брат вставал на брата. Старший брат Якова Свердлова — председателя ВЦИКа после Каменева до своей смерти в марте 1919 — Зиновий (принявший после усыновления его Горьким в 1906 году фамилию Пешков) не только не был большевиком, но, напротив, активно боролся против них. В 1918-20 годах он работал государственным секретарем при Колчаке, потом эмигрировал и, прожив 40 лет во Франции, не примирился с делом своего брата. Другой пример. Активный одесский большевик — профессор Евгений Щепкин схвачен в сентябре 1919 денкинской контрразведкой и брошен в тюрьму. Почти одновременно, 29 августа, его брата — профессора Николая Щепкина

— хватает питерская ЧК (“Дело Национального Центра”). Тюремщики сообщают Евгению, что его брат Николай расстрелян — вот как с вашим братом поступает большевистское правительство. Он отвечает: “Ну что же, он шел против Советской власти”, — и не сгибается...

Нет, тут не обошлось без влияния солнечной радиации!

§19. Внутрипартийные отношения времен 1918-20

Разнородность партии; правые большевики; в царство принудительного труда; единый хозяйственный план; методы удержания власти; против крестьян, против рабочих, против собственной партии; поездка Бертрана Рассела в Советскую Россию; конец диктатуры Троцкого; за социализм с человеческим лицом; косноязычие оппозиции; по стране ширится протест; “Вся власть Советам” — Кронштадт; удержать власть во что бы то ни стало; смена организационной власти в ЦК — Рыков вместо Крестинского; болезнь Ленина.

В предыдущем параграфе рассказывалось о военно-территориальных событиях 1918-20 годов. Вкратце их политическую суть можно резюмировать так: силы, противостоявшие большевикам, превосходили тех в сотни раз, но были разобщены, не желали “без гарантий” поступиться ни жизнью, ни самолюбием, ни покоем, ни деньгами, ни политическими намерениями; их взаимное недоверие в десятки раз превышало их усилия по борьбе против большевиков, которых рассматривали как неизбежно обреченных падению. Словом, как в 1730 большинство съехавшихся в Москву дворян было настроено против неограниченного самодержавия, но патологически не доверяя верховникам, добилось ликвидации вырванной ими конституции и утвердило на престоле абсолютно самодержавную Анну Ивановну, — так и в эти годы отсутствие политической культуры социального диалога привело к устранению с политической арены практически всех партий, групп и слоев населения, которые вот уже почти сто лет боролись за политические свободы и свергли самодержавие в Феврале.

На политической арене России — теперь уже Советской России — осталась единственная партия: Российская Коммунистическая Партия (большевиков). Отныне все, что соверша-

лось общественно-значимого в стране, либо выходило из недр этой партии, либо предписывалось ее руководством, либо, как минимум, испытывало формирующее воздействие ее аппарата, методов, фразеологии. Поэтому задачей историка с этой поры является детализовать изучение РКП(б), рассматривать ее с большим увеличением, нежели прежде.

При таком увеличении нам прежде всего открывается, что эта партия, выступающая вовне (лицом, обращенным против врага) единым и монолитным образом, внутри представляет конгломерат, коалицию несогласных друг с другом лиц и учреждений. Расхождения были и “генетические”, объяснимые причастностью того либо иного функционера к предреволюционной группировке (см. §9), и “программные”, и лично-конкурентные. Бывшие “большевики-партийцы” 1910-12, отказавшиеся участвовать в Пражской конференции, вроде Рыкова, Сокольникова, Владимирова, Лозовского — это была одна общность лиц, готовых, конечно, подчиняться партийной дисциплине, но не взирающих на Ленина снизу вверх. Напротив, лица, подобранные Стасовой и Орджоникидзе на эту самую Пражскую конференцию, ощущали себя “подлинными ленинцами”, и сам Ленин охотнее всего опирался на них, хотя среди них тоже существовали различия. Вожди этой группировки — Зиновьев, Каменев, Свердлов, Сталин. Бывшие межрайонцы, т.е. вторая партия, созданная августовской конференцией 1912 в Вене (где, к слову, делегатов было в полтора раза больше, нежели на январской Пражской), своим естественным вождем почитали Троцкого, а к Ленину относились весьма скептически. Это — Иоффе, Урицкий, Володарский, Юренев, Ларин. Наконец, “молодые”, вроде Бухарина, Пятакова, Ауссема образовывали свой клан.

Клановая общность и различия играли свою роль, но заметнее было (и в ту пору существеннее) другое: расхождение мнений о путях строительства социализма и соперничество между Совнаркомом и Реввоенсоветом Республики. О последнем было рассказано в §13. Теперь поговорим о расхождении во мнениях насчет путей строительства социализма. Здесь Ленин и Троцкий были едины против Рыкова. И спорный пункт звучал так: быть хозяйству товарным или принудительным?

Вся хозяйственная история 1918-20 на правительственном уровне наполнена драматической борьбой наркомпрода Цю-

рупы и председателя Высшего Совета Народного Хозяйства Рыкова. Цюрупа был убежденным сторонником принудительных мер, продразверстки, продотрядов, заградотрядов, ликвидации мешочничества, введения планирования. Это он уничтожил в 1919 всю добровольную (дореволюционную) кооперацию, принудительно слив ее органы с назначенными органами наркомпрода. Рыков отстаивал хоть какую-то, пусть ограниченную, но свободу хлебопоставок, хлеботорговли, возражал против хлебной и других монополий государства. Эта борьба была столь очевидна, что при всей внешней монолитности большевиков политически мыслящие противники большевиков ее видели, и уже к 1920 Рыков пользовался славой “правого большевика”. Социалист-революционер профессор Чаянов в своей утопии, написанной в 1920, предрекал, что большевистская партия расколется, что правые большевики сделают опору не на городской пролетариат, а на крестьянство, после чего победят, и благодарное крестьянство увековечит память Рыкова. Как мы увидим позже, партийная лояльность Рыкова оказалась несравнимо выше, он не обратился ко внепартийным силам вопреки ожиданиям Чаянова; но существенно, что такая его позиция была в ту пору широко известна.

В этой коллизии Ленин был целиком на стороне Цюрупы. Когда первый наркомпрод Теодорович высказался в 1917 в пользу товарного крестьянского хозяйства, — Ленин снял его и присоветовал “для поправления здоровья” уехать в Сибирь, откуда Теодорович вернулся лишь в 1921 после победы Рыкова. Когда Сокольников летом 1920 на конгрессе Коминтерна высказался против ограбления крестьянства — Ленин и Троцкий немедленно отправили его в Туркестан “кушать финики”, как выразилась Коллонтай. Ленин твердо знал, что крестьянское хозяйство “ежедневно, ежечасно порождает капитализм”, и у него не было расхождения с Троцким в отношении к крестьянству как к врагу социализма. Из тактических соображений они провозгласили лозунг поддержки “беднейшего крестьянства”, но если вдуматься, это и означает курс на ликвидацию хозяйственно-значимого самостоятельного крестьянства.

Эта позиция естественно вкладывалась в общую концепцию Ленина и Троцкого относительно основных задач рево-

люции. Троцкий еще в 1904 выдвинул свою концепцию протекания революции:

Начавшись как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция развернет могущественные классовые противоречия и приведет к победе, лишь передав власть единственному классу, способному стать во главе угнетенных масс, т.е. пролетариату. Встав у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он может довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно-демократическая программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками и временное политическое господство русского рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру.

Ленин в 1915 тезисировал:

5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства...

6) Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* (курсив Ленина) разжечь социалистическую революцию в Европе...

11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир в с е м воюющим на условии освобождения колоний и в с е х зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.е. ... систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств...

На торжественном заседании 5 ноября 1920 Ленин признавался:

Мы знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию.

Такого рода цитатами из Ленина можно заполнить несколько страниц подряд (доклад на III конгрессе Коминтерна,

“Заметки публициста”, 1922, доклад на VIII съезде и многие другие¹⁾. Точно то же говорили Троцкий и Бухарин в эти годы. Даже в 1924 Сталин повторил эту мысль.

В рамках такой идеологии войны против всего мира естественно превращение своей временной базы — России — в военный лагерь. В военном же лагере никаких товарных отношений быть не может, там господствует внеэкономическое принуждение. А так как экономика, хозяйство, увы, все-таки нужны для войны, их нельзя попросту уничтожить, то поэтому все хозяйство должно быть построено на внеэкономическом принуждении. Капиталистическое рабство наемного труда должно уступить социалистическому царству принудительного труда. Вот слова Троцкого, легшие в основу Тезисов ЦК о милитаризации хозяйства, одобренных IX съездом РКП(б):

Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок о том, что принудительный труд непроизводителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а, стало быть, к социалистической организации вообще ... если принудительный труд непроизводителен, то этим осуждается наше хозяйство. Если труд основан на неправильном принципе, принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит, мы обречены на экономический упадок, как бы мы ни изворачивались, что бы мы ни делали. Но это есть предрассудок, товарищи! ... Неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен ... Мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов, и духовного, и организационного порядка, и характера премиального и характера карательного для того, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных основах, на которых строится все наше хозяйство ... чтобы рабочий, крестьянин проникся и все меньше сознавал тягостный характер этого принуждения...

Эти слова произнесены Троцким как раз тогда, когда IX съезд подводил итоги гражданской войны и намечал планы мирного строительства: Колчак расстрелян, Деникин — в Турции, Баку — взят армией Орджоникидзе. Не в 1918, когда начиналась гражданская война, а в марте 1920, когда она окончилась, утвердил съезд принципы “военного комму-

¹⁾ План статьи в августе 1905, речь 8 ноября 1918, 14 мая 1918.

низма”: полная ликвидация товарности в крестьянском хозяйстве, принудительная всеобщая продразверстка, принудительные трудовые армии, милитаризация и плановость всего народного хозяйства. И “одинаковый принудительный труд для всех членов общества” предусматривался еще Энгельсом в 1848. “Принудительное объединение населения в потребительские общества” намечалось Лениным еще 14 сентября 1917 года. Опишем Россию 1920-го года не в эмоционально-классовых выражениях, а строгими терминами гражданского кодекса; слово профессору-правоведу В.Н.Шретеру:

В период с октября 1917 по 1920 включительно были ликвидированы у нас все правовые основы буржуазно-капиталистического правопорядка. Земли, недра и леса национализировались, национализировалась также вся промышленность, за исключением лишь самых мелких предприятий. Национализировался торговый флот и железные дороги; национализировались банки и страховые общества, а внешняя торговля объявлялась монополией государства. Вместе с тем реквизируются оптовые склады всякого сырья и товаров. Последовательными актами устанавливается государственная монополия на заготовку всех продуктов сельского хозяйства (продразверстка). К концу этого периода промышленность работает по нарядам из центра, и распределение продукции добывающей и обрабатывающей промышленности точно так же, как и снабжение промышленности сырьем и запасами, производится в порядке плановой разверстки через центральные Главные управления (главки), во главе с Комиссией использования, задача коей заключалась в учете всего наличного сырья и продуктов, планомерной их разверстке между различными категориями потребителей.

Снабжение непосредственного потребителя в этот период производилось через потребительскую кооперацию, организованную в 20-м году в виде сети потребительских коммун, включавших принудительно все население своего района. К потребительским кооперативным организациям были в качестве секций присоединены и остальные виды кооперативных организаций (сельскохозяйственная и промысловая), в целях непосредственного подчинения их потребительским организациям.

Транспорт, в особенности железнодорожный и водный, работал на основе исчерпывающих планов перевозки, выполняя таковые безвозмездно. Всеобщая трудовая повинность, обязывающая каждого трудоспособного гражданина нести общественно полезный труд, т.е. отдавать свой труд в распоряжение государства и его хозяйства, исключала возможность и тех видов частного предпринима-

тельства, которые не требовали наличия крупных капиталов. Не служившее и не работавшее по найму население могло свободно заниматься трудовым земледелием и кустарным ремеслом, но и эти отрасли хозяйства втягивались в общегосударственный план, первая — продразверсткой, а вторая — принудительными нарядами на продукцию, производимую ею. Последовательное развитие всей системы привело к тому, что в январе 1921 была декретирована грандиозная по замыслу система подчинения всего распыленного крестьянского хозяйства единому посевному плану, разрабатываемому в центре и последовательно развертываемому на местах вплоть до единичного хозяйства.

В этот период отсутствие вольного рынка соответствовало и отсутствию “товаров” в том смысле, что снабжение продуктами и вообще всякими иными услугами принципиально становилось безвозмездным. К концу 1920 все снабжение трудового населения, а также все коммунальные услуги, ему предоставлявшиеся, вплоть до жилья, также отпускались безвозмездно, в счет определенного плана снабжения.

К этому правовому фотоснимку хозяйства РСФСР на январь 1921 (опубликовано в 1925) стоит добавить, что для возглавления Единого Хозяйственного Плана, равно как и вообще **плана**, была создана 28 февраля 1921 Государственная Плановая Комиссия (Госплан). Характерно, что ее возглавил старый друг Ленина Кржижановский, вовсе не крупный партийный деятель по тогдашней номенклатуре, даже не член ЦК. Это показывает, сколько личного вкладывал Ленин в эту идею немедленно создать Всероссийскую Коммуну.

Крупнейший теоретик тех лет Бухарин полностью подерживал мысль насильственно организовать экономику. Бухарин по складу характера был не революционер, а конформист. Он всегда и во всем был “как все” — не все вообще, но как все окружающие, с кем он сталкивался. Именно потому, учась в прославленной V классической гимназии в дни, увеченные поэтом (см. §16 кн.1):

Мы играем в снежки. Мы их лепим из валящих с неба Единиц и снежинок, и толков, присущих поре. Этот оползень царств, это пьяное паданье снега — Гимназический двор на углу Поварской в феврале. Те, что в партии — смотрят орлами. А мы — безнаказанно греку дерзим, Ставим парты к стене, на уроках играем в парламент И витаем мечтой в нелегальном районе Грузин. Снег идет третий день. Он идет еще под вечер. На ночь Разъясняется. К утру

— громовый раскат из Кремля: “Попечитель училища ... насмерть ... Сергей Александрович”. Я грозу полюбил в эти первые дни февраля! —

Бухарин не мог не примкнуть вместе с Сокольниковым, Эренбургом, Маяковским к революционному движению. Не сделаться революционером в этой гимназии в ту пору значило бы быть очень неконформистски устроенной личностью. Бухарин всегда стремился оправдывать существующее, а не ниспровергать его; воистину он был гегельянцем. Поэтому он и явился виднейшим выразителем левых коммунистов в 1918 — настроения большинства партии. В мае 1920 он издал “Экономику переходного периода”, в которой всячески прославлял насилие и государственный волюнтаризм в хозяйственном строительстве. Чем грубее и беспощаднее будет насилие, тем меньшими окажутся “издержки” при строительстве новой социалистической экономики. Этим Бухарин апологизировал (или, прибегая к его лексикону, “фундировал философски”) реальную действительность — с одной стороны, а с другой — облекал в марксистскую терминологию убежденность Ленина, что “вся политика коммунистов приобрела вполне окончательную прочную форму” (18 ноября 1919).

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по коммунистически... —

признавался Ленин 18 октября 1921 со вздохом сожаления. И Бухарин входил в число этих “мы, рассчитывавших”. В их число входил еще один тогдашний вождь — секретарь ЦК Преображенский. В ту пору он вместе с Бухариным сочинял “Азбуку коммунизма”, звавшую к милитаризации хозяйства, к принудительному труду, к искоренению товарности, ренты, цены спроса. Позже — в отличие от Бухарина — Преображенский сохранил свои взгляды: в книге “Новая экономика”, 1924, он сформулировал свой “закон социалистического накопления”, безмолвно примененный Сталиным, хотя вслух отри-

нутый. Он заключался в том, что для первоначального социалистического накопления надлежало ограбить крестьянство.

Ведь троцкие-преображенские, как и многие другие, искренне для самих себя объясняли всю предшествовавшую человеческую историю в маккиавелистском духе: цинизмом и грабительскими устремлениями “господствующих классов”. Так, они чистосердечно полагали, что бога выдумали попы для безбедной жизни в качестве дармоедов-обманщиков. Они верили, будто мощь европейского капитализма покоится на первоначальном ограблении колоний, откуда, де, и выкачан капитал, позволивший Англии стать передовой индустриальной державой. Такую мелочь, как культура, они в своей душевной примитивности не замечали. Поэтому, столкнувшись с проблемой самим стать передовой индустриальной державой, они не могли ничего иного придумать, как найти, кого бы ограбить. Столкнувшись с проблемой создания идеологии, они не могли ничего иного придумать, как кого-нибудь обмануть. И рассуждали они об этом цинично, не думая, будто от этого делаются хуже, ибо веровали, что грабили и обманывали все и всегда, что это — норма поведения. Нарисовав себе людоедски-готтентотский облик мира, они нравственно дозволили себе самим стать готтентотами и людоедами.

Здесь мы подходим к теме: какую цену приходилось платить? Цена, которую платили за вот-вот расцветущий социализм, либо забывалась, либо прощалась. Во всяком случае, расстрелы ЧК и декреты СНК, от которых сейчас пробегает дрожь по коже, казались временной, чрезвычайной мерой, от которой откажемся (откажутся), как только прекратится гражданская война.

В самом деле, вот Постановление Совета Обороны от 11 декабря:

3) Возлагается на всех, без исключения, железнодорожных служащих данного района, от самых младших до самых старших, общая круговая ответственность за задержку следующих по назначению грузов и эшелонов, за несвоевременную подачу по назначению эшелонов и грузов, за несвоевременную подачу паровозов и порожних вагонов, за злостные крушения на железных дорогах и тому подобные преступления. Служащие обязываются в таких случаях, под страхом строжайшей ответственности, доказать свою непричастность к преступлению, или, если они не в состоянии сделать это, найти и выдать преступников...

Председатель Совета Обороны В.Ульянов (Ленин), члены Сталин, Невский, секретарь Л.Фотиева.

Конечно, нравственному чувству человека, воспитанному в гуманистических традициях, сама идея круговой ответственности представляется дикой; но ведь применяли же ее немцы (и, кажется, французы) во время первой мировой войны; в чрезвычайных, де, обстоятельствах как исключение можно понять большевиков. Ведь вот Дутов какие зверства устраивал: примораживал кочегара к паровозу! А Деникин, говорят, вешает. Конечно, это постановление нарушает установившуюся юридическую традицию “презумпции невиновности”: на подозреваемого возлагается не только обязанность доказывать свою невиновность, но и даже обязанность органов дознания находить преступника. Но как всем известно, юридические понятия вырабатывались под влиянием тысячелетнего господства буржуазных норм, а потом же это все-таки исключение! Конечно, такое постановление рвет все нравственные связи в обществе, порождая доноительство, взаимное недоверие, ложный навет как средство спасти себе жизнь. Но об этих последствиях таких постановлений задумались только после реабилитации жертв 1937 года. В те дни это постановление воспринималось как естественное, пожалуй, не только его авторами, но и самими железнодорожниками. Едва ли атаман Анненков или Семенов разговаривали с железнодорожниками иначе. То же можно сказать и о Постановлении Совета Обороны от 15 февраля 1919:

Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении со сведениями о количестве арестованных назначить через неделю.

Развивается 24 февраля:

Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 24 февраля с.г. по вопросу о репрессивных мерах по отношению к неисполняющим постановление о расчистке снега постановил: 1) Предложить т. Дзержинскому в 2-х дневный срок представить самые краткие сведения о фактических результатах телеграммы, посланной за подписью четырех ведомств от 18 февраля, и о применен-

ных репрессиях за нерасчистку снега. 2) Поручить ВЧК потребовать более энергичных мер от железнодорожных ЧК и губернских ЧК по исполнению телеграммы от 18 февраля.

Четыре ведомства, о которых идет речь: Реввоенсовет, Наркомпуть, замнаркома которого был С.Д.Марков, Наркомвнудел (Петровский) и ВЧК. Впрочем, по общероссийской халатности, постановление от 15 февраля было телеграфно разослано только 18 февраля.

Мы видим, что расстреливаются — не Колчаком и Деникиным — председатели крестьянских союзов и органов пролетарской диктатуры в деревне — комитетов бедноты. И от Дзержинского Совет рабоче-крестьянской обороны требует поторопиться с арестами и расстрелами заложников из крестьян.

Сталин уже в марте 1919 на VIII съезде РКП(б) учил:

Я должен сказать, что те элементы, нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм. Целый ряд фактов указывает на это. Ряд бунтов в тылу, на фронтах, ряд эксцессов на фронтах показывают, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят. Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше ... дело ...

Но, Впрочем, к крестьянству с.-д. всегда относились недоверчиво: зачем это оно существует, когда в схеме Маркса не указано? Важнее, что в эти же годы все шире и шире распространялось понимание, что и рабочие, собственно, не являются надежной опорой Рабоче-Крестьянской Власти. Рабочие, действительно, решительно сражались на Южном фронте против Деникина и, в отличие от крестьян, не перебежали в его войска. Это в первую очередь объясняется тем, что рабочие пришли на юг в Красную армию в порядке “крестового похода” за хлебом для своих оставленных в промышленных городах семей; во вторую — тем, что деникинские офицеры верили, будто большевики опираются на рабочих, а потому не доверяли рабочим. Но этим героизмом на Южном фронте исчерпывалась лояльность рабочих к власти Совнаркома. На Восточном фронте они почти все время бастовали, выражали

недовольство, “поддавались провокационным речам меньшевиков”. И ВЧК приходилось не один раз арестовывать, разгонять и расстреливать различные рабочие съезды, конференции и даже Советы Рабочих Депутатов. Когда зимой 1919 некоторые работники РКП(б) стали было роптать (в частности, Склянский), права ВЧК временно были поурезаны, но в целом Ленин похвалил ВЧК за стойкую защиту революции.

Но и это еще можно было бы пережить вождям революции. Однако в середине 1920 пришлось несколько раз разгонять партийные конференции, губернские и областные, аннулировать произведенные областными партийными съездами выборы обкомов и губкомов РКП(б). Недовольство росло и росло. Апогея борьба ЦК РКП(б) против своей собственной партии достигла в марте 1920, когда на IV съезде КП(б) Украины в Харькове был выбран неугодный московскому ЦК украинский ЦК. Тогда 16 апреля московский ЦК РКП(б) распустил избранный коммунистами Украины ЦК КП(б)У, признал съезд незаконным, назначил временный ЦК КП(б) из надежных лиц¹ и распустил все губкомы на Украине (ср. “право на самоопределение вплоть до отделения”). Нечего и говорить про роспуски профессиональных и других съездов: они примелькались. Аналогичное произошло и в “союзной” с РКП(б) партии: в Партии Революционных Коммунистов.

¹ К слову, именно на этом разгроме украинских децистов выдвинулся Молотов. Работавший до революции вместе со Шляпниковым-Залуцким-Богдатычевым Скрябин не ужился в 1919 с женой петроградского вотчинника Зиновьева – Лилиной, и она выставила его из Петрограда, как несправившегося со снабжением топливом. В Нижнем Новгороде после этого Скрябина, переименовавшего тут фамилию на “Молотов”, за какую-то бездарность провалили на выборах в губисполком, и ему пришлось податься в Ростов-Дон, где предревкома Сырцов сделал его предгорисполкома, а потом делает секретарем Донецкого губкома (секретарь тогда – ниже председателя). И как раз тогда ЦК РКП(б) разгоняет ЦК УКПб, снимая Артема и других. Никто из видных деятелей не хочет входить в новый, назначаемый недемократически ЦК УКПб. У Молотова нет таких возражений “от щепетильности”, а территориально он подходит: Донбасс – часть Украины. Он становится секретарем ЦК УКПб и так рьяно трудится там над искоренением ереси демократических централистов, что через полгода на X съезде становится в награду секретарем ЦК РКПб и кандидатом политбюро. Артем же в мае 1920 кончает самоубийством, замаскированным под аварию.

Вскоре после смерти М.А.Натансона, в начале 1920 ЦК этой партии созвал съезд, на котором предполагал принять резолюцию о поддержке большевиков, но вместо того получил вотум недоверия, был переизбран, а новый ЦК (в него, в частности, входил Ю.Н.Максимов) отнюдь не собирався воздерживаться от критики большевиков. Тогда старый ЦК объявил съезд незаконным, распустил и его, и новый ЦК, а ЧК завершила разгон съезда. На ближайшей же после этого конференции РКП(б) от имени старого ЦК Устинов объявил о самороспуске ПРК и о вхождении ее членов в РКП(б).

В армии вообще к голосу коммунистов не прислушивались. Троцкий не терпел вмешательства кого бы то ни было в порученное ему дело. Раз ему поручили Красную армию, то он отстранил всякие партийные органы, создал у себя ПУР — Политуправление Республики — и через этот ПУР назначал нужных ему политработников в приказном порядке. Аналогичная картина наблюдалась в ВЧК; в начале 1920 Троцкий дополнительно взял на себя ведение транспортными профсоюзами (ЦЕКТРАН), где быстро ударом зубодробительным аннулировал всякую тень демократии и учета интересов транспортных рабочих, коммунистов или беспартийных.

Бесконтрольность, нервное напряжение, не ограниченная ничем, кроме пули, власть порождали разложение:

Я думаю, не бесполезно вспомнить о вредности построения нашего советского организма по так называемым столбикам. Организовались учреждения, главки или наркоматы и управляли из Москвы, например, маленьким санаторием в Самарской губернии, а местный губисполком, не говоря о волостном и уездном, не имел права не только контролировать, но войти на территорию этого санатория; зато представлялось право чиновникам из Москвы жить в своем государстве, огороженном колючей проволокой от местного исполкома, делать все что угодно вроде того, что комиссарам провожать своих жен, устраивать роскошные обеды и пр.

А вот другой докладчик, Котляр:

Как известно, существует декрет относительно разверстки золота, в котором указывается, что частным лицам не полагается иметь больше 20 золотников золота. Между тем, можно наблюдать, что в советских учреждениях наши советские дамы надели на себя целую витрину золота, откуда-то выкопали. Нам скажут, что мы указываем на мелочи. Но когда мы такое же явление встречаем в

партии, когда мы там встречаем таких же гранд-дам с витринами на шее, то в таком случае мы не можем не реагировать.

(У меня есть гипотеза, что тут имеется в виду Аллилуева — жена Сталина. Ей было в ту пору 20-21 год; вышла замуж летом 1917.) Подчеркну, что все это говорится до нэпа, который по официальной исторической версии внес некоторое разложение. Нет, это — сентябрь 1920. Уже в октябре 1918 Положение о правах РВС фронтов и армий предусматривало, что при поездках по железным дорогам

ответственные работники имеют право на два спальных места, не ответственные — на одно.

И когда на митингах от имени рабочих выступал Каменев в роскошной бобровой шубе, когда Зиновьев разжирел (прежде он был худой как жердь) в голодном Петрограде, — это кричало само за себя. Ведь далеко не все члены РКП(б) были бессовестными эксплуататорами отсталости с целью личного захвата власти, приобщения к кормушке. Нет. Я склонен думать, что большинство большевиков было нормально грешными и нормально бескорыстными, но верующими в провозглашенные лозунги людьми. И сейчас они все отчетливее видели, как ускользают лозунги, как разворачивается партия, а, когда пытались кричать и остановить “непролетарские процессы”, их обрывали, разгоняли их конференции, распускали выбранные ими органы, не давали им места ни в печати, ни на собраниях.

Не только на самих большевиков производил их быт отталкивающее впечатление. Летом 1920 из Англии приехал давно рвавшийся сюда пацифист Бертран Рассел. Он ехал с трепетом душевным: буржуазная пропаганда столько лгала о Советской России, где вершится величайший в истории человеческий эксперимент! А он, наконец-то, своими глазами увидит величие социализма, успехи революции. Его поместили в шикарнейшую гостиницу, окружили вымуштрованной прислугой, кормили отборными яствами — это в условиях общего голода. Летом 1920 как раз открылась навигация по освобожденной Волге, и флотилия Раскольников-Рейснер отплыла вниз по матушке Волге в Каспийское море завоевы-

вать Персию¹. С этой флотилией — не до Персии, а до Астрахани — отправился и пароход с отдыхающими. В числе их был 14-летний сын Л.Б.Каменева Лева, вооруженный настоящим маузером, и иногда постреливал из него (он не знал, что всего на два года переживет своего папу). Пригласили и видного пацифиста Рассела. Он видел как

подобно дикой орде красноармейцы с оружием спрыгивали с борта парохода и накидывались на голодных крестьян, отнимая у них еду ... которую в изобилии доставляли на пароход, где закатывались пиршество за пиршеством.

И, вернувшись из Советской России, Рассел сделался убежденным противником большевизма, вплоть до того, что в 1951 совместно с Эйнштейном считал, что на СССР следует сбросить атомную бомбу.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы описанное, но в августе 1920 Красная армия потерпела сокрушительное поражение под Варшавой и Львовом. Тут-то все недвольные Троцким осмелели.

Собственно говоря, в сентябре 1920 заканчивается единоличная диктатура Троцкого, установленная в сентябре 1918; дальнейшее в его жизни в СССР — это осознание сего факта и шебуршение по этому поводу. На IX конференции РКП(б) о разложении заговорили вслух. Даже Зиновьев, до того энергично подавлявший всякую демократию в Питере, и Преображенский как секретарь ЦК выступили с речью и письмом соответственно в пользу развертывания демократии и критики. Это был не формальный призыв к “критике и самокритике”, которых мы много наслушались позже. Нет, на самом деле большевики попробовали реализовать тот курс, который в 1968 году получил название “социализм с человеческим лицом”. Зазвучали речи — одна другой ярче. При публикации протоколов запестрели редакционные купюры с пояснениями:

¹ Официально было объявлено, что Раскольников предпринимает экспедицию в “порядке личной инициативы”, что государство к ней отношения не имеет. Одним из последствий провала партизанской войны Раскольникова в Персии (ср. через 45 лет Че Гевару!) и потом в Афганистане было то, что Лариса Рейснер бросила Федора Раскольникова и ушла к Карлу Радеку (уроду лицом и душой). Все трое посмертно реабилитированы.

“на ряде конкретных примеров оратор приводит факты разложения” — где описывалось то, что было в партии на самом деле, где доказывалось, что самым надежным средством для устранения таких явлений будет гласность, свобода критики, и вносились иные предложения.

Правда, отдельные ораторы, помня, как ЦК расправлялся прежде с неугодными партийцами (высылка на другую работу к черту на кулички — самая распространенная мера; о ней говорили все), добивались поначалу “гарантий” (т.е. по смыслу “обещаний”, но у нас все путают значение слов “гарантия” и “обещание”) того, что критикующих не накажут. Так, Коллонтай все добивалась от Ленина ответа, ну, а если критика будет слишком неприятна для ЦК, то не сошлют ли критикующего куда подальше? Ленин буркнул: “понадобится, сошлем”, но не угрожающим тоном, а так сказать, лишь подчеркивая, что от своего оружия он не собирается отказаться. Точно так же и Зиновьев обрушился на одного критикана, который возмущался разгонами съездов и конференций: “негодовать по поводу роспуска съездов — это чисто левозеровская вещь”. Но несмотря на все оговорки, в целом все (кроме Троцкого, который ни словом на эту тему не обмолвился) приветствовали свободу критики, признали положение в партии ненормальным и начали обсуждать меры к исправлению. Есть ряд внешних отличий этого движения от чехословацкого движения 1968 года, но по своей нравственной направленности они близки.

Позже это движение получило название “дискуссия о профсоюзах”, но такое название не отражает сути движения. Это было движение за нравственное возрождение партии; за единение ее с рабочим классом (как инструмент такого единения, естественно, рассматриваются профсоюзы; вот почему так много говорили о профсоюзах); за равноправие всех членов партии; за то, чтобы партийцы могли в самом деле выбирать свои руководящие органы, против “назначенства” (это — основная тема речей “демократических централистов”); за изменения в персональном составе верховного руководства.

Сразу произошли персональные изменения. Первым полетел управделами Кремля В.Д.Бонч-Бруевич, как яркий представитель идеи закрытых распределителей и отгораживания верхов от партии. За ним полетел комендант дома отдыха для

ответственных работников в Тарасовке под Москвой: бывший сотрудник жандармского корпуса, направленный на эту работу по мандату Дзержинского.

Зазвучали слова Шляпникова:

Мы можем вам сказать, что причины того недовольства, которое мы наблюдаем в Москве и в других рабочих городах, ведут нас к Кремлю. На это указывает целый ряд фактов. Некоторые обстоятельства этих недоразумений заставляют нас требовать предания кое-кого суду, самому настоящему суду революционного трибунала, а между тем эти-то лица пользуются здесь общим “уважением”. Вот как рисуется дело при малейшей попытке выяснить все обстоятельства.

Если Шляпникову и возражали, то только таким образом:

На открытом партийном собрании говорить, что нити ведут в Кремль? Что это значит, когда товарищ со злорадной усмешкой говорит об этом? Это значит тянуть партию в пропасть.

Или, когда Рыков предлагал:

Здесь я лично буду настаивать на том, чтобы по отношению к коммунистам предпринять те методы наказания, которые применяются к совбурам (беспартийные советские бюрократы) и спецам. Нам надо добиться того, чтобы Коммунистическая партия, члены ее не только не имели привилегий, но чтобы каждый коммунист знал, что мы также по тому же суду отвечаем за свои злоупотребления, даже больше, чем спецы. Если каждый из наркомов, вроде меня, членов ВЦИК будет знать, что он также может быть посажен в концентрационный лагерь, если люди с именем будут знать, что они также могут там сидеть, — то эта болезнь будет изжита на долгое время. И в этом основной вопрос: на местах бояться взять человека, власть имущего, человек этот становится притчей во языцех, но трогать его бояться, —

то ему возражал Сапронов:

Что касается того, что нужно ввести равенство и привлечь несколько человек к суду Революционного трибунала за привилегии и безобразия, в этом пункте я с т. Рыковым несогласен, так как я не знаю, сколько бы могло остаться процентов непривлеченных. Я предложил бы дать двухмесячный срок для исправления, а затем уж поступать по всем строгостям закона.

В резолюции же тема наказания отразилась лишь в смазанном и смягченном (вместо уголовной ответственности — дисциплинарные взыскания) виде:

За недобросовестное отношение к своим обязанностям последовательно проводить наложение установленных дисциплинарных взысканий, распространение их без изъятия на всех членов партии, из ответственных работников в особенности, внушая им не словами, а делом понятие о равной ответственности всех перед партией и пролетарским государством.

Лично мне в дискуссии Рыков — Сапронов не понятно, почему человека, ставшего притчей во языцех, можно либо арестовать, либо нельзя трогать, а невозможно, например, скажем, просто снять, не арестовывая. Но нежелание арестовывать своих мне понятно, оно вытекает из хорошего знания Французской революции. Большевики не хотели стать дантонами, которым рубит головы свой же собственный Робеспьер. Понадобилось много усилий хромого алкоголика Рыкова, прежде чем Сталин смог его расстрелять.

Дискуссия осложнялась тем обстоятельством, что все они, будучи приверженцами “научного метода в социализме”, стремились выработать целостную наукообразную концепцию, которая вытекала бы из общемарксистских положений и из которой следовала бы необходимость изменить состав руководящих лиц и стиль руководства. Одни, вроде Шляпникова и Коллонтай, требовали посему изгнать из партии всех интеллигентов (партия-то пролетарская по названию, нечего в ней делать непролетарию), другие предлагали еще какой-нибудь бред, завернутый в марксистскую терминологию. Применить общенравственные критерии, общедемократические правила, поступить так, как диктует чувство — этого они себе не могли позволить. Пожалуй, наиопаснейшими для всего ЦК в целом противниками были демократические централисты. Они не ставили под сомнение главный пункт большевистской организации: беспрекословное повиновение члена партии приказам вышестоящего партийного органа (“*per iade ac cadaver*”, — учил Лойола, сведения о котором все они с восхищением почерпнули в своей гимназической молодости из романов Эжена Сю, Дюма и т.п.), независимо от того, согласен-несогласен. Но они требовали, чтобы столь же безусловно соблюдался бы и другой пункт Устава: полная и свободная выборность вышестоящих органов нижестоящими организациями. Им не хватало логической смелости осознать, что это — несовместимые

принципы. Но уставная и партийно-нравственная правота децистов была могущественна. Как говорилось, они уже одержали победу на Украине, обернувшуюся их поражением, но с началом сентябрьского нравственного движения снова подняли голову. Однако, так как они выступали против всего аппарата в целом, то весь аппарат объединился в растаптывании Осинского, Сапронова, Артема, Бубнова и других децистов. Никто из них не попал в новый ЦК.

А население страны решительно не хотело власти этой партии — с облагороженным ли лицом или нет. По всей стране прокатывались крестьянские восстания, так что, хотя “белые армии” были вышвырнуты и Красная армия владела самыми плодородными областями страны, хлеба по-прежнему не было; крестьяне просто перестали сеять хлеба больше, чем нужно на свою семью: все равно отберут. Но это еще не устранило партию большевиков; страшнее было, что рабочий класс отвернулся от большевиков, что никак не вменялось в программные положения.

На одном из лучших предприятий Москвы, где комячейка одна из лучших, завод хотел устроить собрание в связи с начинающейся волынкой (вид забастовки), и там предложили коммунистам выйти с завода, самим, без коммунистов, обсудить вопросы, а потом пустить коммунистов. И это там, где ячейка пользовалась сравнительно громадным доверием! ... Надо подчеркнуть (об этом говорили), что, действительно, образовалась пропасть, разрыв не только между Кремлем и массой, — это напрасное сваливание на Кремль: любой завком, любая ячейка оторвалась от рабочих масс.

По оценке Шляпникова лишь 2-4% пролетариата от станка сейчас не настроены враждебно к Советской власти. По оценке защитника линии ЦК (Зиновьева): “99% рабочих против нас”. Троцкий дает ему ответ:

Тов. Зиновьев — разумеется, это было сказано в увлечении, — заявил, что если бы “съезд производителей” собрали, на нем было бы 99% беспартийных, эсеров, меньшевиков. Это — чудовищное преувеличение, которое, конечно, при редакции должно быть как можно скорей вычеркнуто из протокола. Неужели же это для получения Интернационала говорилось, будто “рабочая демократия” состоит в том, что одна сотая часть рабочего класса зажимает рот 99/100? Но если скинем у т. Зиновьева большое количество про-

центов из 99, в данный момент, при данном настроении, все-таки останется еще очень много.

Так что Троцкий не оспаривает факта антибольшевистской настроенности рабочих, он лишь решительно требует, чтобы об этом не говорилось во всеобщее сведение! (К слову, из речи Зиновьева, действительно, при редактировании выбросили 99%, но из речи Троцкого — нет. Ведь он же не говорил, что и его надо вычеркивать!)

По мнению другого защитника линии ЦК (Смилги), требовавшего даже более суровых мер против рабочей оппозиции,

30% коммунистов (не рабочих уже вообще, а специально коммунистов) принимает активное участие против нас, процентов 40 занимает нейтральные позиции, и только остальная часть борется против кронштадтских повстанцев.

Явление естественное, ибо задолго уже раздавались требования, чтобы большевики соблюдали советскую конституцию. Еще 5 декабря 1919 Мартов на VII Всероссийском Съезде Советов внес декларацию, в которой обвинял РКП(б) в нарушении советской конституции и демократических принципов. РСДРП(о) устами Мартова требовала ввести равенство всех прав трудящихся города и деревни, свободу печати, союзов и собраний. Большевики, не отрицая нарушений конституции и даже гордясь ими, отмели эти требования, как пособничество Колчаку; Мартов вскоре был выслан из РСФСР. И раньше и позже названного выступления Мартова в разных местах страны под лозунгами “За чистую правду”, “За истинные Советы”, “За подлинные народные выборы” происходили восстания трудящихся и армии. Например, в сентябре 1919 восстал в Саранске конный корпус Ф.Миронова; его уговорили прекратить восстание, аргументируя деникинской опасностью¹. В июле 1920 восстала II Туркестанская кавалерийская дивизия в Самарской губернии. Тот же Смилга признает:

Для нас страшно то, что у нас на юге, на Северном Кавказе, среди бандитов имеются комячейки, которые вместе с главарями

¹ Позже, в 1921 по ложному обвинению Миронов был расстрелян Ворошиловым, и когда в 1958 копали под Ворошилова, то Миронова реабилитировали, хотя обычно не реабилитируют расстрелянных в двадцатые годы.

бандитизма обсуждают их бандитскую политику. Для нас страшно то, что коммунисты участвуют в резне продработников, чекистов, трибунальщиков и при этом говорят, что они за Советскую власть.

Все делегаты X съезда имели возможность воочию убедиться в настроении рабочих: 28 февраля в Кронштадте матросами были самовольно произведены перевыборы Советов, коммунисты изгнаны, провозглашен лозунг: “За Советы без коммунистов”¹. Кронштадтцы потребовали, чтобы по всей России были произведены свободные перевыборы Советов. Их поддержал всеобщей забастовкой Петроград и почти всеобщей — Москва. Красноармейцы, находившиеся в Петрограде и области, отказались выступить на подавление “мятежа”. (Переворот в Кронштадте на этот раз произошел бескровно, без выстрелов. Это объясняется в первую очередь тем, что все коммунисты дружно сбежали.) Больше двух недель Кронштадт смущал всю Россию и весь мир неслыханным до того лозунгом “За Советы без коммунистов”. Только когда мобилизовали делегатов X партсъезда и подогнали отборные карательные войска Тухачевского, те ворвались в Кронштадт. И тут “восставшие” практически не оказали сопротивления². Разумеется, Ленин поспешил объявить кронштадтские события заговором белых генералов, которому помогла рабочая оппозиция со своим анархосиндикалистским уклоном. И вообще,

роскошь, непозволительная роскошь это была — дискуссия и внутривнутрипартийные споры.

Напуганные происшедшим делегаты то ли поверили Ленину, то ли подчинились ему, но проголосовали за “единство

¹ Кронштадтцы требовали также: свободы агитации всем социалистическим партиям, свободы крестьянам поступать со своей землей согласно собственным желаниям, отмены привилегий большевикам, равного пищевого довольствия всем. Впрочем, процедура “выдвижения требований” мало чем отличалась от описанной в §1 процедуры написания “Приказа №1”.

² По свидетельству Шаламова всех сдавшихся кронштадтцев выстроили, велели рассчитаться на первый-второй, нечетным номерам скомандовали пять шагов вперед и расстреляли на месте. Четная шеренга была бессрочно сослана в Соловки или близлежащий лагерь. Официально же за Кронштадт никого не судили, во всяком случае не расстреляли с извещением в газете.

партии” и вернулись к прежнему порядку управления³. Коллонтай направилась в ссылку послом в Мексику — Швецию. Шляпникова вскоре направили работать в парижское посольство; исключили из партии его в 1933. Его сторонники создали было “рабочую партию”, но с ними энергично разделались. После X съезда в партии уже не было таких дискуссий, такого стремления к самообновлению. Она предпочла оставаться у власти хотя бы с грязными руками, нежели рисковать потерять власть, занявшись мытьем рук и лица.

Когда Ленин настаивал на том, что для охранения единства партии надо “пулеметы поставить”, произошел душераздирающий эпизод. Член РСДРП с 1898 А.С.Киселев, избранный уже на X съезде в кандидаты ЦК, встал и произнес:

Товарищи, вы только что приняли резолюцию “О единстве”, в которой говорится о том, что члены ЦК, кандидаты и Контрольная комиссия в случае надобности исключают членов ЦК и, конечно, членов партии. ... Товарищи, я здесь был вчерашний день избран кандидатом и я, товарищи, нахожусь в чрезвычайно затруднительном положении. Владимир Ильич образно выразился, что надо “пулеметы поставить”. И вот я буду одним из 30 или 45 сидеть за пулеметом, и придется, вероятно, стрелять. И мне приходится стрелять из этого пулемета, конечно, не в товарищей из “Десятки”, а придется стрелять в тех, которые или примкнули к “рабочей оппозиции” или являются представителями других групп, которые оппозиционно настроены (Шум, голоса с мест: “Толстовец!”)... И во всякие платформы, которые позволяют себе иначе высказаться, я, очевидно, принужден буду стрелять. Я, товарищи, не могу согласиться на такую роль “пулеметчика”, поставленного в такие условия, и потому я снимаю кандидатуру и надеюсь... (Шум, председатель Каменев: “Товарищи, успокойтесь. Тов. Киселев, я не могу...”)

Я не знаю, что я — на крестьянском съезде, что ли, где меня крестьяне за полу тащили? Надеюсь, что съезд примет во внимание подобное заявление, но, несмотря на его постановление, он не заставит меня стрелять в своих товарищей из пулемета. (Шум) Председатель: Для добавления слово имеет т. Ленин. Ленин: Товарищи, я очень сожалею, что я употребил слово “пулемет”, и даю торжественное обещание впредь и образно таких слов не употреблять, ибо они зря людей пугают, и после этого нельзя понять, чего они хотят. (Аплодисменты).

³ Мое источниковедческое чутье подсказывает, что было заседание съезда, не отраженное в опубликованной стенограмме. А что скажут работавшие с Фондом 17?

Но ни Ленин не сдержал своего “торжественного обещания” — ровно через год, на XI съезде он еще настойчивее повторил, что нужно стрелять из пулеметов, имея в виду дрогнувших перед стихией нэпа партийцев, за что ему дал отповедь Рязанов, ни вообще не удалось большевикам — ни Киселеву, ни Каменеву, ни Рязанову, ни тем, кто кричал “толстовец”, — избежать стрельбы из пулеметов по своим. Не в той ли тундре за Воркутой, где встали призраки в белых балахонах и пулеметами расстреливали “троцкистов”, погиб Киселев?

Резолюция “О единстве партии”, запретившая свободу внутривнутрипартийного обсуждения внутривнутрипартийной жизни, была принята.

И все же произошли решительные организационные перемены к лучшему. Во-первых, была навсегда свергнута диктатура Троцкого. Во-вторых, к организационной власти были призваны Рыков с Томским. В-третьих, огромное число партийцев было реабилитировано: бывших левых коммунистов допустили занимать руководящие должности. Рассмотрим по порядку.

На VIII съезде руководящие органы были сформированы в виде Политбюро из пяти человек: Каменев, Крестинский, Ленин, Сталин, Троцкий — и Оргбюро, устойчиво функционировавшее в составе Крестинского, Серебрякова и Сталина. Первые двое из последней тройки были одновременно секретарями ЦК; еще секретарствовал Преображенский. Они были надежной организационной опорой Троцкого, прежде всего Крестинский — член Полит-, Оргбюро и секретарь одновременно. Все трое были спаяны единством принадлежности к самой сильной и дисциплинированной уральской организации РКП(б). Если даже Ленину в Политбюро иногда удавалось сколачивать большинство против Троцкого (что можно было делать, во-первых, опираясь на надежную ненависть Сталина к тому, а во-вторых, за счет комбинаций с заменой отсутствующего члена Политбюро одним из трех заместителей-кандидатов: Бухарин, Зиновьев, Калинин), то все равно орграспределительный аппарат принадлежал сторонникам Троцкого, и это было весомым прибавлением к его власти как пред. Реввоенсовета. Такая чрезмерная власть Троцкого не могла не внушать опасений Ленину. И неудачи с транспортом, и разгром Троцкого

и Смильги под Варшавой сгодились в этой борьбе. Именно Троцкому Политбюро поручило дать отпор рабочей оппозиции по профсоюзному вопросу. Прямолинейно и по-военному отменил тот всякие поползновения на демократизацию, на свободные выборы и прочие профсоюзные штучки. Профсоюзы должны быть огосударствлены, и точка — изрек он. Поначалу его поддержало большинство ЦК. Одни — потому, что и сами так полагали (Андреев, Дзержинский, Крестовский, Преображенский, Пятаков, Розенгольц, Серебряков), а другие (например, Сокольников) — потому, что сочли, будто такова политическая установка Политбюро. Но тут выяснилось, что члены Политбюро имеют полное партийное право не соглашаться с мнением уполномоченного ими от Политбюро же докладчика: Зиновьев публично возразил Троцкому и его поддержал Ленин. Зиновьев ненавидел Троцкого с того летнего дня 1919, когда в Петроград, ожидающий с часу на час вступления войск Юденича, прибыл спасать его Троцкий и для начала расстрелял в Смольном на глазах Зиновьева весь зиновьевский штаб, секретарей и референтов; после чего отшвырнул Юденича. Такое прилюдное унижение не прощается. Бухарин, конечно, стал на сторону Троцкого, как прямолинейного апостола насилия, но попытался как-то смягчить остроту взаимной полемики. Ленину же было нужно не взаимное примирение на общей платформе, но решительное политическое ослабление Троцкого. Поэтому он обрушился и на Бухарина и выступил ревностным защитником демократических свобод от разнузданного милитариста и диктатора Троцкого, в чем его активно поддержал Сталин — известный либерал. Несмотря на весь свой авторитет, Ленину пришлось очень попотеть в достижении своей цели дискредитации с одновременным отмежевыванием от рабочей оппозиции; был момент, когда он располагал всего двумя голосами. Но мастерство сказалось, и на X съезде в марте 1921 Секретариат и Оргбюро были сменены полностью, а Крестинский изгнан из Политбюро и ЦК навсегда. Когда через год уральцы надумали было избрать Крестинского делегатом на XI съезд, Сталин нарочито командировал Микояна расстроить эту попытку; Микоян двусмысленно говорит про участие и Ленина в сей акции.

В Политбюро Крестинского заменил Зиновьев, а на вакансию кандидата назначили Молотова: как лютый враг Зиновьева он был полезен для сбалансирования сил. Ни одному из членов Политбюро не доверили быть секретарем; секретарями стали В.Михайлов, Молотов и Рудзутак. Оргбюро же для коллегиальности расширено до семи человек: Комаров, В.Михайлов, Молотов, Рыков, Сталин, Томский и Ярославский при кандидатах: Дзержинский, Калинин, Рудзутак. Томский уже в 1920 схватывался с Лениным и Троцким, возражая против их администрирования и наивно полагая, что профсоюзы предназначены защищать права рабочих и вообще улучшать им жизнь, а не использовать рабочих ради проведения правительственно-армейской политики. Михайлов был близок Томскому, Томский дружил с Рыковым. Эта-то троица умеренно-правых большевиков получила в марте 1921 организационную власть для реализации разрешенного эксперимента по возобновлению урезанного товарного рыночного хозяйства при власти пролетариата. Сам эксперимент получил название “нэп” — “новая экономическая политика”. Рыков был назначен зампредсовнаркома, правда, для уравнивания другим зампредом Ленина назначается Цюрупа. Характерно, что в Политбюро — органе высшем Оргбюро по статусу — нет ни одного сторонника товарного хозяйства, там все рассматривают нэп лишь как вынужденное отступление, а не как прямую дорогу к социализму.

Третье упомянутое последствие свободной дискуссии осени 1920 возникло так. В сентябре на конференции была создана Контрольная Комиссия для оздоровления партийной жизни. В нее попал Сольц. Это старый социал-демократ с 1898, активный член петербургского комитета во времена думской деятельности, в 1918 как и почти все москвичи — левый коммунист, но каким-то чудом остался в Москве и от московской организации включен в КК. Он стал возвращать к активной партийной жизни разогнанных на кулички левых коммунистов. В частности, когда в конце 1920 в Москву полуполюгально приезжает полпред РСФСР в Бухарской Народной Республике Куйбышев, Сольц дает ему возможность остаться в Москве, пристроив в Президиум ВЦСПС. Возвращен из Сибири Ярославский. Так как к левым коммунистам в 1918 относилось большинство партии, то возвращение их было

радостным событием. С другой стороны, вакансий не было, приходилось добывать их с бою, что наложило отпечаток на стиль жизни весны 1921.

Возвысившийся теперь надо всеми членами Политбюро неоспоримый Ленин недолго и несладко пользовался властью. Незадолго до X съезда он испытал тяжелое потрясение: умерла одна из его жен Инесса Арманд. Она умерла на Северном Кавказе в разгар зимы. И Ленин повелел привезти ее прах в Москву. Понятное желание любящего мужчины. Но уместно вспомнить и про то, что поезда тогда ходили плохо, что были снежные заносы, на расчистку которых гоняли под страхом расстрела и расчищающих и заложников, что все железнодорожные служащие и рабочие были связаны круговой порукой, что, т.к. паровозы топились дровами, то действовали декреты вроде:

...В течение 14 дней с 1 по 15 марта сего года все лошади от 4-летнего возраста должны ежедневно производить вывозку дров, причем на каждую лошадь и одного человека при ней возлагается обязанность вывезти от места заготовки к указанному месту складки на железнодорожную линию не менее двух кубов.

В то же время на все остальное население возлагается обязанность спилить, распилить, расколоть и сложить в поленицы на каждого человека (от 18-ти до 50-летнего возраста) два куба дров...

Все уклонившиеся от выполнения этой повинности будут привлечены к ответственности от 500 руб. штрафа, одного месяца заключения в концентрационном лагере и преданию суду по законам военного времени...

Данный циркуляр губисполкомы, губсовнархозы, уездисполкомы, волостные и сельские Советы должны без обсуждения принять к исполнению.

Председатель СНК Ленин, Наркомвнудел Петровский, зам. Наркомпути С.Марков, Чрезвоенком Жедорсевфронта Фомин, Пред. Главлескома А.Ломов.

И все равно несколько месяцев тащился поезд с гробом любимой. Так что пришлось сменить наркомпути и назначить вестать железными дорогами Дзержинского.

А к тому же новая неприятность! Для лечения Ленину и др. в Кремле заказали за границей лекарство: неосальварсан. Правда, из-за обычной снабженческой перестраховки количе-

ство его выросло до несуразного — двух килограммов. Впрочем, хотя немецкие фирмы и не могли советским уполномоченным поставить такого количества, нашелся на черном рынке продавец, доставивший два кило ампул. И цена сходная, есть что себе прикарманить. Только когда ампулы привезли в Москву, выяснилось, что в них — во всех без изъятия — подкрашенная поваренная соль. Пришлось Ленину вместо того, чтобы лечиться, писать в день пролетарского праздника Первого мая 1921 зампредвечека Уншлихту требование наказать виновных... А здоровье у него, действительно, делалось все хуже и хуже. Мысли все чаще обгоняли одна другую и рождали несуразицу. Он все бестолковее вмешивался в текущую управленческую деятельность. Давал указания, которые множили конфликты, указания, которые приходилось не выполнять. Так что члены Политбюро, посоветовавшись на месте, определили пристроить его в Горки, для-ради лечения. Шкирятову было строго приказано, чтобы Ленин никуда не отлучался, чтобы ни с кем не общался. Шоферу Ленина запретили привозить его в Кремль: если будет настаивать, то вези, но не останавливай автомобиль. Для Ленина печатали в одном экземпляре газету “Правда”, содержащую лишь те новости, кои по мнению Политбюро не будут вредны здоровью великого вождя. И только время от времени из Горок доносились связанные выкрики: “арестовать!”, “сослать подальше!”, “выслать их всех из РСФСР!”, “закрыть!” или такое:

Говорят, в Смоленской губернии частный капитал побил кооперацию, довел до закрытия... Не создать ли комиссию для репрессий и т.п. (11 февраля 1922).

Пушкин как-то писал Вяземскому:

Представь себе судьбу в виде громадного оранг-утанга, с которым ты прикован одной цепью.

Попробуйте представить себе трагедию и ужас членов Политбюро, которые оказались скованными одной цепью с сумасшедшим? И с какого момента считать его сумасшедшим? И кто осмелится это сказать? И как повлияет такая весть на дело Мировой Пролетарской Революции?

ЛИТЕРАТУРА

М.Булгаков. “Белая гвардия” (опубликована только одна треть романа, описывающая русских офицеров в Киеве при Петлюре; вторая часть, описывающая их при большевиках, может быть заменена на В.Г.Короленко, “20 писем наркому Луначарскому”, 1920; см. также С.В.Короленко, “Повесть об отце”, 1968, “Дневник и воспоминания киевской студентки в 1919-20”, без автора, в т.XV “Архива русской революции”; третья, описывающая русских офицеров в армии Деникина, может быть заменена на Г.Венус, “17 месяцев с дроздовцами”, 1935, Москва. И.Бунин, “Окаянные дни”, соч. т. IX, 1935.

Вересаев. “В тупике”, М., 1973.

В.Гура. “Роман и революция”, М., 1973.

Г.К.Гинс. “Сибирь, союзники и Колчак”.

Деникин. “Очерки русской смуты”.

М.Жанен. “Отрывки из моего сибирского дневника”.

Залыгин. “Соленая Падь”.

Замятин. “Пещера”.

Иоффе Г.З. Крах монархической контрреволюции, М., 1977.

И.Калинин. “Под знаменем Врангеля”, Ленинград, 1925.

“Конституция Уфимской директории”, — в т.XII “Архива русской революции”.

Муртазин. “Башкирское войско в гражданскую войну”, М., 1927.

“Образование Башкирской АССР. Документы”, М., 1960.

Б.Пильняк. “Голый год”.

Ропшин-Савинков. “Конь вороной”.

Б.Пастернак. “Доктор Живаго”, “Спекторский”. Сборник “Утренники”, М., 1922.

Торин. “Становление”.

А.Н.Толстой. “Хождение по мукам”.

Упит. “Просвет в тучах”.

Б.М.Шерешевский. “В битвах за Дальний Восток” (1920-22).

М.Шолохов. “Тихий Дон”.

И.Эренбург. “Хуренито”.

Воспоминания о Ленине.

Горбунов В. “Ленин и Пролеткульт”, М., 1974.

“Декреты Советской Власти”, т.1-7, 1958 и сл. “Очерки истории русской современной журналистики (1917-1932)”, М., 1966.

“Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917-1932”, Ленинград, 1933.

Стенограммы IX конференции и X съезда РКП(б).
Сочинения Ленина и “Ленинские сборники”.

